

НЕЛЬСОН ФЕЛЛ
**РУССКИЕ
И КОЧЕВНИКИ**
РАССКАЗЫ О КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

УДК 391/395 (574)

ББК 63.5

Ф 38

Эдвард Нельсон Фелл.

Ф 38 Русские и кочевники. Рассказы о казахской степи. Алматы: AmalBooks, 2024. – 208 с.

ISBN 978-601-81060-5-7

В 1905 году, когда Российская империя терпела поражение в Русско-японской войне, оказавшись на пороге революции, британский горный инженер Нельсон Фелл выкупает месторождения меди в казахской степи и становится управляющим акционерного общества «Спасские медные руды». Его воспоминания о Степном крае с первых слов подкупают читателя простотой изложения и замечательной искренностью.

Особый характер и традиции степняков, живущих в гармонии с природой, бескорыстное отношение к людям особенно привлекательны для представителя западной цивилизации и лежат в основе его интересных рассказов. Изложенные автором события по достоинству можно оценить как ценные этнографические заметки, ярко описывающие жизнь кочевников того времени.

УДК 391/395 (574)

ББК 63.5

Все права защищены и контролируются издательством «AmalBooks». Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Fell, E. Nelson, 1916

© Бухарбаев Б., 2024

© ИП «TERISKAKPAI», 2024

© ИП «AmalBooks», 2024

ISBN 978-601-81060-5-7

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика и издателя	8
Введение	13
Сын степи	27
Покупка Успенского рудника	50
Займы и скидки	67
Союз профсоюзов	80
Отец и сын	94
Пасха	110
Простое дополнение	119
Медный чайник	129
Павлодарский клуб	140
Поминки	152
Бирюзовое озеро	166
Манекен	181
Охота с орлами	195

ОХОТНИК ЗАКИР-БЕК

Автор посвящает эту книгу

Анне, моей байбише,
Мариан и Оливии, моим «кызымкам»,
Нельсону, «байдың баласы» – сыну бая,
которые разделили со мной
это приключение

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА И ИЗДАТЕЛЯ

В рамках серии «Таза тарих» в издательстве AmalBooks впервые в переводе на казахский и русский языки выходит книга «Русские и кочевники. Рассказы о казахской степи» («Русия һәм көшпелілер. Қазақ даласы туралы хикаялар») Эдварда Нельсона Фелла (1857–1928), английского инженера, управляющего Лондонской горнодобывающей компанией в Степном крае в начале прошлого столетия.

Его отец, англичанин Альфред Фелл в середине девятнадцатого века увез жену и детей в Новую Зеландию, где вел успешный бизнес. Нельсон родился там же в 1857 году. Семья, в которой тогда было семеро детей, вернулась в Англию два года спустя.

Когда Нельсон подросток, отец отправил его в Гейдельберг для изучения немецких инженерных технологий. Кроме того, он получил образование в Королевской горной школе Англии. Первой работой Нельсона будет работа на своего старшего брата Артура, который позже станет членом парламента, посвященным в рыцари, и главой семейного бизнеса.

Нельсону было 27 лет, он работал горным инженером в американском Колорадо, когда его брат решил, что семье следует инвестировать в землю во Флориде. Нельсон Фелл и британский подполковник Уильям Эдмунд Кэдман взяли на себя ответственность за разделение 12 000 акров приобретенной земли на небольшие фермы для продажи. Автору

книги было суждено основать во Флориде общину Наркусси и фермерский городок Феллсмер.

Однажды Артур, всегда ищущий новые возможности, увидел огромные перспективы в добыче меди на другом конце света, и его младший брат как раз был подходящим человеком для этой работы.

Оставив жену и детей во Флориде, Нельсон уехал из солнечного штата в суровые сибирские края. В 1901 году он отправился в казахскую степь. В январе 1902 года Нельсон Фелл сел на борт Транссибирской железной дороги и совершил путешествие длиной в 3200 километров. Последние 1000 километров он проехал верхом.

Вернувшись в Лондон, Нельсон сообщил брату, что покупка и эксплуатация Спасских медных рудников принесет неограниченную прибыль. Он вернулся в Россию в 1903 году. Вскоре он велел своей семье покинуть дом во Флориде и присоединиться к нему в бескрайних казахских просторах.

Добыча серебра и меди в России сделала Нельсона, которому тогда было 52 года, состоятельным человеком. В 1909 году он вернулся в Соединенные Штаты с планами уйти на пенсию и поселиться в своем поместье в Вирджинии. Он умер там же в 1928 году.

В 1916 году в Лондоне, а затем в Нью-Йорке вышла книга Нельсона Фелла, в которой он рассказывает о годах, проведенных им на медных рудниках в Казахстане. «Месторождения меди обнаружены на обширной территории, их количество и масштаб поражают воображение. [...] Некоторые из этих месторождений настолько велики и богаты, что когда-нибудь этот район, вполне возможно, станет важным фактором мирового производства меди», пророчески замечает автор.

В начале двадцатого века в Степной край стал прибывать иностранный капитал. Русские владельцы, у которых дела шли плохо, сначала отдают предприятия в аренду, а потом и вовсе продают их иностранцам. Нельсон Фелл, ставший управляющим акционерного общества «Спасские медные

руды», играет здесь ключевую роль. Именно при нем тут строят больницу, школу, бараки для рабочих, лучшего качества, чем было при бывших владельцах.

Он прожил в Спасске до 1909 года. Поселок стал последним немым свидетелем активности иностранных предпринимателей в казахской степи. Дальше, как известно, случилась Первая мировая война, грянули две русские революции, к власти пришли большевики и закрыли иностранцам доступ в наши края. Таким образом, те редкие сведения, оставленные ими за короткий отрезок времени в начале прошлого столетия, представляют для нашей истории настоящую ценность.

Работа Нельсона Фелла позволяет современному читателю взглянуть на то, как менялся традиционный уклад жизни казахов на заре прошлого века. В первом же абзаце своей книги автор отмечает, что казахские степи стали основным местом зарождения западных образов мышления, культуры и религии. А дальше сокрушается, когда видит, как казахи спасаются от суровых зим в полуземлянках: «Здесь мужчины и женщины проводят семь двенадцатых своей жизни. Дети рождаются, старики умирают. В этих простых стенах лелеются нежные, добрые мысли, зародившиеся в душе ребенка и вдохнувшие жизнь во многие великие идеи, которые потрясли мир. Однако, несмотря на все изменения, важно помнить, что эти идеи первоначально возникли в юртах под звездами, а не в удушливых стенах зимовки. Остается только гадать, как долго народ сможет сохранить свой характер в этих переменчивых условиях».

Нельсон Фелл много ездит по степи, посещает Павлодар, добирается до Кояндинской ярмарки и озера Балхаш, участвует на поминках знатного казахского бая и охоте с беркутом. Природная наблюдательность, чуткость и внимание к деталям позволяют ему в мельчайших подробностях описывать ценные этнографические сведения о быте и нравах казахского народа, а иногда даже заглянуть ему в душу. Ме-

стами его рассказы вызывают у читателя искреннюю улыбку благодаря развитому у автора чувству юмора.

Интересно следить за тем, как Фелл в качестве умелого менеджера шаг за шагом решает злободневные задачи (иногда с риском для жизни!) на медеплавильном заводе. События в книге разворачиваются на фоне Русско-японской войны, которая для России обернулась катастрофой и спровоцировала в стране революционную ситуацию, народные волнения и погромы. Эхо того, что происходит в западной и центральной частях империи, доходит и до завода, изолированно расположенного в степи. Рабочим нужно выплатить зарплаты, но погода не благоволит Феллу: из-за непрекращающегося бурана ожидание денег из банка может затянуться на месяц. А если вовремя не рассчитаться, вспыхнут забастовки, итог которых непредсказуем. Но на выручку приходят казахи: любопытно описан эпизод, когда богатый в степи человек Адамбай дает ему займы двадцать тысяч рублей. Здесь мы можем разглядеть элементы делового этикета, принятого в той среде более ста лет назад.

А когда забастовка, участниками которой стали переселенцы с юго-запада России, все-таки случается, казахи вновь поспевают на помощь иностранцам, отбивая их от разъяренной толпы.

Нельсон Фелл весьма благожелательно относится к казахским рабочим. Даже тогда, когда они по примеру русских устраивают свою забастовку, автор не держит на них зла: «Невозможно было поддерживать последовательное и строгое отношение к таким беспомощным и дружелюбным людям». В то же самое время он увольняет всех переселенцев, посмеявших устроить забастовку и отправляет их восвояси. Особенного восторга у автора вызывает преданность перевозчиков: «Как только казах (разумеется, не умеющий читать и писать) касается ручки, которой вы подписываете его имя внизу транспортной накладной, вверенный ему товар оказывается в такой же безопасности, как если бы он находился в хранилище современного банковского здания».

Нет никаких сомнений в том, что настоящее издание станет ценным вкладом в дело изучения прошлого нашего народа. Хочу выразить слова искренней благодарности неравнодушному предпринимателю и видному общественному деятелю Дулату Турсынулы Тастекею за поддержку настоящего проекта.

*Бахытжан Бухарбай,
основатель AmalBooks*

ВВЕДЕНИЕ

События, описанные в данной книге, разворачиваются в казахских степях – части центральноазиатского нагорья, которое стало основным местом зарождения всех наших западных образов мышления, культуры и религии.

Около полувека тому назад эти земли перешли под владение Российской империи, и здесь был учрежден особый округ, включающий три губернии: Акмолинскую (белый могильник), Семипалатинскую (семь шатров) и Семиреченскую (семь рек). Все они подчинены высшему руководству «степного генерал-губернатора». Географически этот регион ограничен на севере Сибирской железной дорогой, на востоке – рекой Иртыш, на юге – Туркестанским генерал-губернаторством, а на западе – Оренбургским генерал-губернаторством и Тургайской областью.

Как следует из названия, структура исполнительных органов по форме является военной, а ее политическая организация и законы существенно отличаются от таковых обычных гражданских исполнительных органов, учрежденных в европейской части империи.

С 1902 по 1908 год писатель руководил деятельностью лондонской горнодобывающей компании, которая в 1903 году приобрела несколько медных рудников, угольных шахт и плавильных заводов в центре степи,

близ истоков реки Ишим, в двухстах милях* к северу от озера Балхаш.

Благодаря новым инвестициям, рудники и заводы преобразились в важное и успешное предприятие, на котором трудилась небольшая армия людей: казахские перевозчики, шахтеры и рабочие; русские механики, инженеры, прорабы и бухгалтеры. Количество приглашенных иностранцев было минимальным, и в наших действиях и стремлениях мы старались сотрудничать в тесной и взаимной гармонии с русскими и российскими организованными структурами как в политическом, так и в профессиональном плане. Таким образом, мы вступили в тесный контакт с многочисленными и разнообразными слоями русского населения, с которыми обычному гостю редко удастся познакомиться: чиновником в его официальном статусе, крестьянином, казак, механиком, инженером, а также представителями небольшой доли «интеллигенции» – людей с университетским образованием.

Период, в который писатель работал здесь, приходится на годы Русско-японской войны**. В это время, параллельно с событиями войны, а возможно, даже как их следствие, внутренняя структура Российской империи претерпевает напряжение, которое можно назвать почти революционным.

До прихода русских на эту обширную территорию страны, ее населяли или, точнее сказать, по ней блуждали киргизы, называющие себя «казаками» тюрко-монгольского

* Единица длины, принятая в англоязычных странах. Сухопутная миля равна 1609 м. В настоящем издании единицы измерения даны в авторском варианте, без конвертации в единицы измерения в метрической системе. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

** Русско-японская война (27 января (9 февраля) 1904 – 23 августа (5 сентября) 1905) – война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией, Кореей и Желтым морем. Россия потерпела поражение в войне. По условиям Портсмутского мирного договора Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии юг Сахалина, арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть Южно-Маньчжурской железной дороги. В результате поражений в этой войне с начала января 1905 года в России возникла и развивалась революционная ситуация.

происхождения. Слово «казак» переводится как «наездник», и русские уже использовали это слово для обозначения своего собственного сословия (почти как каста), которое знакомо нам как «казаки». Когда же они включили киргиз-казахов в свою политическую структуру, ради избежания путаницы в терминологии, русские отказались от использования слова «казак» для описания коренного населения и просто стали использовать термин «киргиз». Туземцы сохранили самоназвание и никогда не называют себя иначе, кроме как «казахами». Тем не менее, в дальнейшем я буду придерживаться русского обозначения и называть их исключительно «киргизами»*.

Вдоль северных границ казахских степей в восточном и западном направлениях пролегает Сибирская железная дорога. На ее пути находятся три города: на северо-западе – Курган, в центре – Петропавловск (где железнодорожный путь пересекает реку Ишим), и на северо-востоке – Омск, где Сибирская железная дорога проходит через реку Иртыш.

Вдоль железной дороги земля слегка холмистая и с сельскохозяйственной точки зрения является хорошей. Она безлесна, если не считать островков березок, беспорядочно разбросанных по ней, то больших, то маленьких. Сами деревья редко бывают большими, но очень приятно разнообразят ландшафт. Будь то весной, когда их нежные зеленые листья дрожат на ветру, или зимой, когда снег лежит на земле, с серебряной корой и тонким узором ветвей, сияющими в красном свете заката. В лучах солнца березовые поляны кажутся волшебным домом, в котором дриады** вашего воображения могут танцевать и играть. И если вы побродите по этим полянам, обнаружите, что ваша фантазия – на самом деле реальность; и увидите, как они безумно наслаждаются

* В дальнейшем все авторские обозначения «киргиз» в тексте были заменены мною на «казах».

** Дриады – в древнегреческой мифологии лесные нимфы, покровительницы деревьев.

среди трепещущих ветвей, шуршащих листьев и кружащего снега.

Кроме дриад, завладевших этим уголком много поколений тому назад, здесь практически нет поселений. Если бы не почтовая дорога и телеграфная линия, вас могло бы охватить ощущение, будто вы достигли конца света. Однако, пока ваша карета следует по узкой тропинке, вы успокаиваетесь, замечая, что каждые двадцать или двадцать пять верст* встречается здание государственного почтамта – квадратный четырехкомнатный бревенчатый дом, созданный топором, но сделанный добротнo. Вокруг него расположено подворье для лошадей. На вывеске снаружи четко вырисован имперский орел, указано название станции, расстояние в верстах от предыдущей и расстояние до следующей.

Каждый почтальон обязан держать некоторое количество лошадей и предоставлять их в аренду путешественникам по установленной цене. Также он должен предоставлять продовольствие по установленной стоимости, которая чрезвычайно низка. Фактически, путешественник, не являющийся чиновником, часто считает разумным предложить почти двойную цену. Но даже в таком случае он не будет переплачивать чрезмерную сумму.

Но если он не готов к такому «навязыванию», то, скорее всего, его шансы на успех серьезно снизятся. Есть основания полагать, что комфорт и удобство путешественника во многом зависят от дружелюбия управляющего почтовым отделением; и, естественно, некоторые из них являются гостеприимными, в то время как другие – менее приветливыми. Исследователь человеческой природы, особенно если он верит в улучшение человечества благодаря материальному прогрессу, с болезненным интересом замечает, что по мере удаления от железной дороги почтмейстеры становятся все более дружелюбными и готовыми помочь. Но по мере

* Русская мера длины, равная 1,06 км.

приближения к ней они становятся все более холодными и угрюмыми.

Обслуживание в целом удовлетворительное и эффективное, и путешественник может быть благодарен за то, что оно настолько хорошо, насколько это вообще возможно.

Деревни встречаются редко. Одни заселены крестьянами, другие – казаками. Эти два сословия не перемешиваются. Казачья система землевладения тесно связана с привилегиями и обязанностями их сословия, передаваемыми от отца к сыну. Хотя казак может решиться на отказ от своего статуса, такое встречается редко. Они гордятся своим положением и принадлежностью к сословию.

Крестьянин представляет собой отдельный класс, строго определенный законом. Если кто-то является крестьянином, то он таковым остается всегда. Крестьянин является неотъемлемой частью общины, члены которой владеют своими участками земли на правах общей собственности. Каждый человек имеет право пользоваться определенным участком земли в течение нескольких лет, после чего происходит обмен участками с другими членами общины. Однако такая система является губительной с точки зрения эффективного земледелия, и она обрекает землю на постоянное истощение. И пока эта система не претерпит изменений, кажется, что у крестьянина мало надежды, несмотря на отцовскую заботу, с которой к нему относится имперское правительство.

Крестьяне подвергаются прямому надзору и контролю со стороны специального чиновника, который в степях носит титул крестьянского начальника*.

Казаки более автономны и независимы, лучше развиты и обеспечены. Чем дальше на юг, тем меньше деревень, как казачьих станиц, так и крестьянских поселков. До того, как наша компания приобрела рудники, в радиусе ста пятиде-

* Крестьянский начальник – должностное лицо, осуществлявшее административный надзор за местным крестьянством, проводившее ревизии делопроизводства волостных и сельских судов и правлений.

сяти миль от наших предприятий их не существовало. Через шесть лет царское правительство рассмотрело вопрос о поселении двадцати пяти-тридцати тысяч крестьян в лучших речных низинах, рядом с нашими заводами. Деревни были основаны и населены малороссами из плотнозаселенных районов юго-запада России, в частности, Полтавской, Харьковской и Киевской областей. Правительство переселило их на расстояние двух тысяч верст, выплатив по пять долларов* за каждую голову; предоставило им землю, пятьдесят долларов наличными, лес для строительства домов, сельскохозяйственные машины и семена пшеницы. Наши предприятия были выбраны в качестве центральной точки, в надежде, что крестьяне всегда смогут найти здесь работу по необходимости. Наши рудники представляли собой некий аванпост, который Запад, в своем детском восторге, называет цивилизацией. Здесь безусловно царствовали кочевники-казахи. Уже вторжение русского земледельца в регион, который казахи считали своим, вызывало у последних беспокойство. К счастью для них, они и их стада могут обитать там, где земледельцы не могут. Но для них трудно, когда их вытесняют с любимых пастбищ новые поселенцы. По сути, речь идет о старом конфликте между свободным выпасом и земледелием.

К югу общий уровень земли поднимается, появляются холмы, часто превращающиеся в скалистые хребты, которые почти можно считать горами. Их внешний вид кажется более внушительным, чем на самом деле, из-за их неровных и острых очертаний. Эта местность не подвергалась разрушительному воздействию ледников, и водная эрозия здесь незначительна, поэтому контуры холмов напоминают обломки разбитого стекла.

Здесь слишком суровые и неприветливые условия для прекрасных дриад березовых лесов, и леса отсутствуют.

* 1 доллар в 1905 году с учетом инфляции равен 35,99 долларам в 2024 году. Калькуляция выполнена на сайте <https://www.in2013dollars.com/us/inflation/1905?amount=1>

Только невысокий кустарник карагана, несколько истощенных кедров и можжевельник; больше ничего.

Преобладающими породами являются сланцы, песчаники, а также редкие острова гранита. Некоторые из них очень крупные, занимают сотни квадратных миль. Большие участки гранита покрыты пригодной для использования сосновой древесиной. Хотя сосны и имеют огромное значение, они не настолько велики и не настолько часто встречаются, чтобы повлиять на общее описание степей, приведенное выше.

Степи почти целиком обезвожены. Реки немногочисленны и, кажется, легко истощаются. Многие из них протекают несколько миль, а затем исчезают. Какой-то человек (не имея очень широкого кругозора) однажды пропел, что ручьи «текут вечно». Однако степные ручьи этого не делают. Иногда они текут, иногда нет. Большинство из них измучены жаждущим путешествием по горячему песку, поэтому отказываются от борьбы и умирают.

Озера многочисленны, но часто солоноватые, а иногда даже чрезвычайно соленые. Некоторые из них настолько насыщены солью, что у их берегов образуется массивный налет рапы. Поскольку соль извлекается в коммерческих целях, ежегодно озеро откладывает новый слой осадка. В некоторых районах добыча соли становится важной отраслью промышленности. Родники существуют, но они редки. А действительно хорошие из них встречаются еще реже — лучший из них представляет собой лишь небольшой ручей, но он прохладен и чист, бьется из скалы, и скот не может втоптать его в грязь. Если вы несколько дней испытывали голод и пили только соленую воду под палящим солнцем, то вы оцените ценность такого источника.

В этой местности нет красоты, которую можно описать, но здесь присутствует та красота, которую можно почувствовать, как я постараюсь передать в некоторых из последующих рассказов. Обычно я описываю ее как «пустыню», и хотя это не тот тип пустыни с подвижными песками, ко-

торый мы все знаем, я считаю, что это слово наилучшим образом передает ее суть. Конечно, оно довольно точно описывает ту часть степи, которая служит фоном для моих рассказов. Земля к югу становится еще более засушливой, неплодородной и напоминает настоящую пустыню.

Климат здесь суровый: чрезвычайно жарко и сухо в течение четырех месяцев лета и чрезвычайно холодно и ветрено в течение семи месяцев зимы. Снежные бури (бураны) выделяются своим причудливым разнообразием, отличным от того, что мы видим в прериях североамериканского континента. Термометр опускается до пятидесяти пяти или шестидесяти градусов ниже нуля по Фаренгейту* и не колеблется, когда дуют самые свирепые ветры. В таких условиях выходить на улицу было бы неразумно. Даже казахи страдают, попадая в такую бурю, и на их лицах видны следы яростного ледяного ветра, когда они достигают своего убежища. Но какими бы дикими ни были бури, я никогда не видел такой, которую не смог бы выдержать величественный снежный верблюд.

Двенадцатый месяц года, месяц весны, почти вполне достаточен для того, чтобы принести удовольствие, компенсируя суровые крайности остальных одиннадцати. Земля и небо пробуждаются великолепием жизни и красок, которое неведомо обитателям более умеренных климатов. Песня тысяч жаворонков, взлетающих перед вашей повозкой ранним утром, рассеивает все воспоминания о зимних оковах, которые так долго стесняли землю.

Месторождения меди обнаружены на обширной территории, их количество и масштаб поражают воображение. Почти все богатые месторождения были разработаны на небольшую глубину племенами, предшествующими казахам. Руды окисляются от поверхности до глубины около семидесяти футов**, а зона вторичного обогащения про-

* -55 -60 градусов по Фаренгейту равны примерно -48 -51 градусов по Цельсию.

** Фут - единица измерения длины в английской системе мер, равная 30,48 см.

стирается до трехсот футов. Некоторые из этих месторождений настолько велики и богаты, что когда-нибудь этот район, вполне возможно, станет важным фактором мирового производства меди. Месторождения бедных руд бесчисленны и имеют внушительные размеры. К сожалению, руды являются кремнистыми, что затрудняет их обработку по различным причинам. С другой стороны, здесь имеются обширные месторождения угля, часто соседствующие с медными рудниками. Качество угля не всегда первоклассное, но он представляет собой хороший второсортный продукт.

В связи с месторождениями меди можно наблюдать интересное ботаническое явление. В определенное время года там, где присутствуют признаки меди и нигде больше, расцветает маленький розовый цветок. Стоя на холме, эти цветы можно наблюдать пятнами, и везде, где их видели, всегда находились признаки наличия меди. С сожалением приходится отметить, что природа не зашла дальше в этом явлении и не придала цветку оттенок розового, соответствующий содержанию меди в руде. Она всегда предоставляет решение своих проблем весьма сложным образом. Месторождения меди обычно находятся в осадочных породах. В гранитных районах можно встретить золото и драгоценные камни, но такие месторождения обычно нерегулярны и случайны.

В целом жизнь в отдаленных степях, несмотря на некоторые очевидные недостатки, не так уж сложна и обладает своим собственным очарованием. Наши дома были построены с массивными каменными стенами, а эффективная русская печь отлично согревала их, не требуя особого внимания. Жизнь в холодных прериях Соединенных Штатов стала бы значительно проще, если бы наши люди не поддавались соблазну чугунных печей и вместо этого выбрали русскую кирпичную печь. Благодаря изобилию угля никто из наших шахтеров не страдал от холода, за исключением тех случаев, когда им приходилось совершать долгие путешествия

в суровую зимнюю погоду. В таких ситуациях поездки становились серьезным испытанием для терпения и выносливости путешественников.

Русский народ принял нас с радушием и великодушием. Мы стремились выразить свою благодарность, углубляясь в изучение их языка и с полным энтузиазмом осваивая их образ жизни и умонастроение. Они отвечали нам в десять тысяч раз более щедро. Их дружелюбие было абсолютным, а их сердца излучали особенную теплоту. Простота и естественность их взглядов на жизнь оказывали освежающее воздействие и раскрывали перед вами поразительные черты условности, к которой вы привыкли, и ограничения, которые вы раньше не осознавали. Общение с русскими заставляло почувствовать, что это молодой народ, и мир раскрывался перед ним, как цветок. Вы испытываете тот же подъем, когда восхищаетесь становлением ума у молодого человека. Одной из их наиболее привлекательных черт было полное отсутствие застенчивости. Простой крестьянин мог войти в комнату, полную знати, и, не колеблясь, но с великим достоинством и самоуважением, обращаться со своими замечаниями к начальнику. Он стоял прямо, не переминаясь с ноги на ногу, руки его беспокойно не шарили по карманам, и он не думал о себе.

На рангах в России настаивают больше, чем где-либо еще. Однако это неотъемлемая часть системы правопорядка. Чисто по-человечески каждый ощущает себя равным другим. Вы, Иван Иванович, равны как для самого простого рабочего и вашего друга, так и для генерал-губернатора – все они видят в вас одинакового человека.

Женщины представляют собой отдельный элемент общества, отличный от мужчин. За столом они предпочитают сидеть вместе на одном конце, в то время как мужчины занимают другой. На стороне женщин редко бывают продолжительные разговоры, в то время как на стороне мужчин слышен непрерывный поток бесед. Главная функция жен-

щины – прежде всего, быть матерью, а затем заботиться о доме, в основном о кухне; другие части дома не требуют особого внимания. Однако воспитание детей – это искусство, которое многим простым русским женщинам мало понятно. Однажды я беседовал с матерью четверых детей: младший был еще совсем младенцем, старшая лежала в больнице с серьезной лихорадкой. Я спросил у нее, как дела у ребенка.

– Ой! Очень больна, – ответила она.

– Надеюсь, не так серьезно, как ты думаешь, – добавил я.

– О, да. Она наверняка умрет, – продолжала женщина.

– Не расстраивайся так, почему ты так говоришь? – спросил я.

– Я не знаю. Просто уверена, что она умрет. Я никогда не смогу сохранить в живых более троих детей одновременно. Все под Богом ходим. Чему быть, того не миновать.

Очень большая часть русских на заводе была выходцами из Малороссии, и я не сомневаюсь, что жизнь, какую я видел, была окрашена в колорит малороссийских нравов и обычаев. Танцы, музыка, веселье, развязность несомненно несли в себе малороссийский характер. Те немногие великороссы, которые были на работах, иногда с сожалением говорили мне, что мы видим только половину русского народа, и они хотели бы, чтобы их собратья из Великороссии были представлены в лучшем свете. Рассматривая жителей такой обширной территории, как Российская империя, необходимо помнить, что люди в различных частях, вероятно, заметно различаются по своему характеру.

О другом народе, казахах, настоящих степняках, трудно писать с такой же уверенностью, как о русских. Язык, расовые черты, религия и древние обычаи разделяют вас от них. Более того, несмотря на то, что мы установили очень близкие отношения с тысячами из них на заводе, мы осознавали, что они лишь частично отражают чувства настоящих казахов. Наш рабочий класс ни в коем случае не относился к аристократии; это были люди из степей, днем и ночью

пасшие стада овец. И все же мы прожили с казаками шесть лет как работодатели пролетариата и как хозяева и гости знати. По этой причине некоторые из наших впечатлений заслуживают упоминания.

Летом они ведут очаровательную жизнь, на эти несколько месяцев большинство из нас променяло бы всю свою жизнь. Зимой они впадают в другую крайность и ведут полуподземное существование с таким физическим дискомфортом или даже лишением в сочетании с такими тошнотворными запахами, что чувствуешь, что выдерживать такие условия в течение двадцати четырех часов невозможно. В подземной лачуге расположена единственная комната с плотно запечатанным крошечным окном. Вход осуществляется через большой закрытый двор конюшни, полный лошадей, верблюдов, коз и овец. Сам двор тщательно закрыт со всех сторон, и воздух в помещение поступает только из этого двора через редко открываемую дверь.

Здесь имеются земляной пол и стены из глины, которые с момента создания ни разу не чистились. Помещение наполнено едким дымком жгучего навоза. Лишь несколько лучей тусклого света проникают сквозь единственное оконное стекло. Вы, вероятно, отрицали бы возможность употребления пищи, приготовленной в таких условиях, если бы сами не попробовали ее. Здесь нет ни одного правила вентиляции, тепла, холода, чистоты, солнечного света или питания, которое не было бы нарушено казаками шестьдесят раз в каждом часу каждого дня семи месяцев ежегодно.

И все же лица мужчин безупречно чисты, и если вы окажетесь с ними вечером, увидите, как они слой за слоем снимают промокшие и изношенные верхние одежды и остаются в безупречном шелковом нижнем белье – объемной разновидности пижамы. А кожа у них такая же свежая, как сам шелк. Их привычки всегда восхитительны: они не пьют, не курят, не жуют и не плюют. Они скорее умрут от голода, чем будут есть пищу, какой бы грязной она ни была,

не вымыв предварительно рук. Они не войдут в юрту или в дом, не сняв верхних сапог, внутри которых носят еще пару сапог до колена, но из мягкой, ярко раскрашенной и расшитой кожи. Эта же привычка снимать верхнюю обувь присуща и русским, которые многие свои обычаи переняли от восточных народов, с которыми находятся в столь тесном контакте. Любой, кто когда-либо приобретал эту привычку на Востоке, будет поражен, вернувшись на Запад и вновь увидев, как люди, входя в дом, приносят с собой всю грязь и мусор с улицы, приклеившийся к их сапогам.

Если казахи черпают свои восхитительные привычки из учения Магомета, мне остается только сожалеть, что наши западные религии упустили из виду эти детали.

Молодой мужчина берет в жены девушку старше себя, которая обязана наставлять его, указывая, как поступать. Спустя десять лет, когда юноша находится в расцвете сил, а девушка уже взрослая, он берет вторую молодую жену, а первая занимает положение старшей. Тем не менее она продолжает занимать в юрте главное почетное место, в то время как молодая жена находится в подчинении. Обычно у казахов не бывает больше двух жен. Жениться нужно, платя лошадьми или скотом, и немногие могут позволить себе даже двух. В случае смерти мужчины его брат должен жениться на его вдове и усыновить его детей. По этому правилу существование вдов и сирот становится невозможным. Один из наших угольных торговцев был шестнадцатилетним юношей, который, оказавшись в таких обстоятельствах, взял в жены женщину с четырьмя детьми. Он стонал под бременем, но делал все от него зависящее. В общем, их социальная система работает хорошо и не приводит к таким частым скандалам, как у нас.

Эти рассказы написаны в благодарную память о приятных годах, проведенных с этими двумя народами. Каждый из них столь радушен, гостеприимен и готов отдать всем сердцем лучшее незнакомцу. Они изложены в надежде, что читатель разделит любовь автора к русскому народу, кото-

рый теперь впервые начинает занимать свое место в семье западных народов.

Рассказ «Бирюзовое озеро», а также «Песню орла», следующую за рассказом «Охота с орлами», написала моя дочь Мариан, одна из моих «кызымок».

СЫН СТЕПИ

«Вдали, между двумя холмами, лежит дитя зайца;
Не презирай, не презирай всех детей казахов»*.

Казахская поэма

Впервые мы встретили его в Баян-Ауле по пути с Кояндинской ярмарки. Эта русская ежегодная ярмарка является весьма почтенным явлением и обязана своим существованием тем временам, когда железные дороги, телеграф и почта еще не были известны. У каждой ярмарки своя особая репутация. Конечно, ярмарка в Нижнем Новгороде («Нижним» его называют, чтобы отличить от старого «Ньюгорода» под Петербургом) всегда была самой знаменитой из всех и остается большим местом встречи Запада с Востоком. Здесь торгуют, пьют чай и заключают сделки на невероятно большие суммы. В Нижнем Новгороде продается все, от верблюда до косилки. В некоторых городах ярмарки проводятся каждые шесть месяцев. Маленький городок Ирбит на северо-западе Сибири в течение одиннадцати месяцев в году представляет собой мертвую деревню, но в двенадцатый он набит разным людом, усердно занятым покупкой и продажей мехов. Это огромный рынок, на котором сбывается практически весь пушной урожай Сибири. С одной стороны – охотники, промысловики и мелкие торговцы, а с другой – горожане,

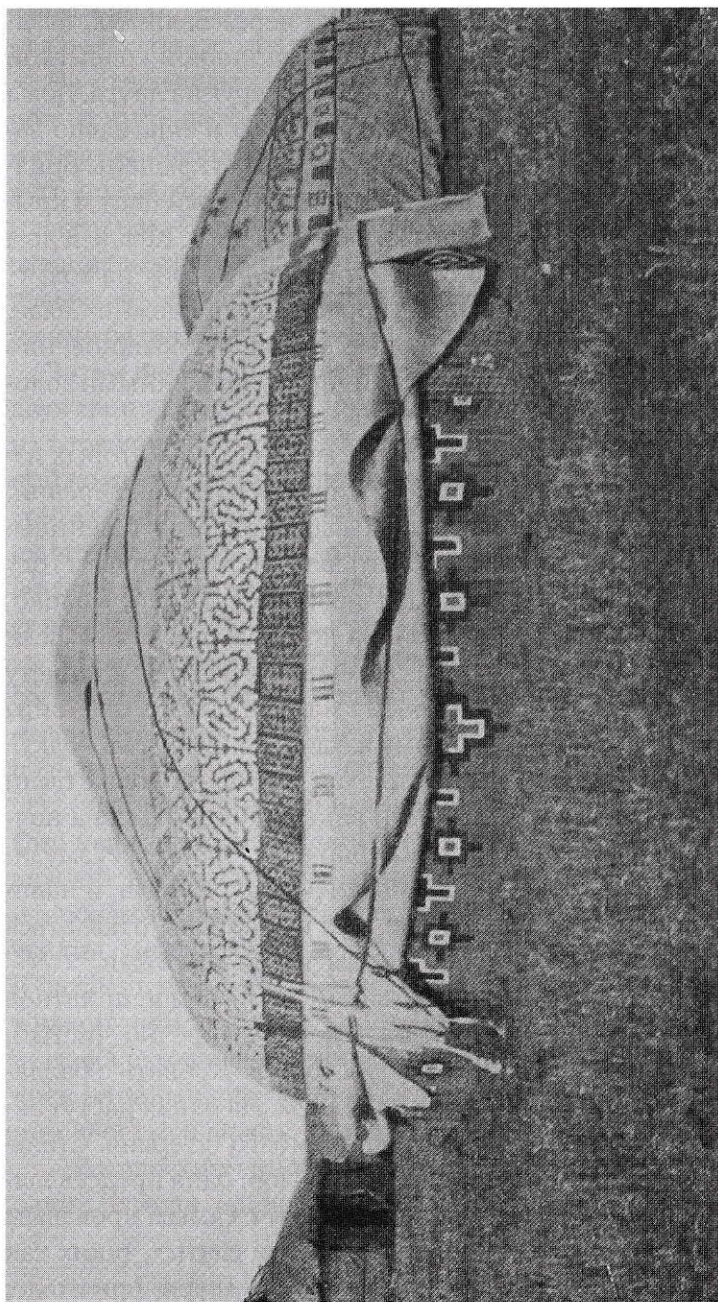
* Не удалось найти оригинальный текст песни на казахском языке, поэтому здесь приведен ее подстрочный перевод с английского языка.

в основном евреи, из Москвы, Петербурга и Лейпцига. Одни продают, другие покупают.

Особенностью Кояндинской ярмарки является домашний скот: крупный рогатый скот, овцы и лошади, особенно последние. Коянды лежит на берегу большого озера, берега которого покрыты рапой, выбрасываемой волнами. Он находится в центре бесплодной холмистой равнины, на почтовой дороге между Баян-Аулом и Каркаралинском, в трех-четырёхстах милях к югу от Омска, большого города, где Сибирская железная дорога пересекает реку Иртыш. На севере и юге, соответственно, огромные гранитные хребты Баян-Аула и Каркаралинска обрамляют картину неровными синими линиями.

Если вы проезжаете через Коянды в обычное время года, увидите несколько больших зданий, на которых выведены имена известных купцов и названия банков. Но сейчас все они находятся в безмолвии, дома закрыты, и не встретите ни души. Кажется, будто это место мертво и безнадежно погребено. Но вернитесь сюда летом, и вы признаете, что существуют способы ведения дел, о которых вы и не мечтали. Ибо раз в год этот уголок пустыни оживает активной, бурлящей жизнью, какую вы и представить себе не могли. За несколько месяцев до ярмарки ее влияние ощущается на тысячи миль вокруг. Сарты и казахи собирают свои стада и отары на юге, и в одиночку пересекают «Голодную степь» – большую пустыню, где почвы засоленные, с солончаками; где не найдется пищи и воды ни для человека, ни для скота.

В нужный час они все сходятся в Коянды. Государственный банк распахивает свои двери, крупные купцы из Павлодара, Семипалатинска и Омска наполняют свои магазины всевозможными товарами. Степной генерал-губернатор устанавливает огромную белоснежную казахскую юрту, приезжает из Омска со своей свитой и проводит высокий суд с особым корпусом мировых судей и полиции. Пустая степь внезапно превращается в цветущий город.

КАЗАХСКИЕ ЮРТЫ НА КОЯНДИНСКОЙ ЯРМАРКЕ
Раз в году генерал-губернатор ставит свою белоснежную юрту

По пути на ярмарку мы проехали через Баян-Аул, казачью деревню, лежащую у подножия массивной гранитной гряды. Все эти казачьи станицы похожи друг на друга. Дома построены из бревен, аккуратно сложены и тщательно заделаны раствором. Оконные рамы обычно украшены орнаментом в виде завитков, выкрашенным в белый цвет, а крыши – железные, выкрашенные в зеленый цвет. Каждый дом расположен на своей территории. Церковь стоит на холме, на самой высокой площадке города, всегда снежно-белая, с несколькими куполами в форме луковицы, обыкновенно зелеными, но иногда голубыми, иногда украшенными золотыми звездами. На главном куполе стоит крест.

Город окружен рядом ветряных мельниц, на которых измельчаются основные продукты питания жителей деревни. У русских существует страсть к выращиванию пшеницы. И это неудивительно, ибо их благополучие в следующем году зависит от успеха урожая. Цельнозерновой хлеб, молоко, чай и рыба составляют рацион, на котором они живут. Если случится неурожай пшеницы, деревня погрузится в нищету на весь год. Денег же у них очень мало, и привоз пшеницы извне обойдется дорого. К тому же деньги нужны на водку.

Погода уже давно стояла плохая, дороги в горах были почти непроходимы, и мы были рады остановиться на ночлег в доме нашего друга-казака Ивана Федоровича Размузина. Огромная деревянная дверь погоста скрипнула, и наши уставшие лошади были так же, как и мы, рады отказаться на несколько часов от борьбы с ужасными дорогами.

Когда ты устал, хороший казачий дом – самое приятное место, куда можно прийти. Весь дом безупречно чистый, одна комната всегда отведена для гостей. Кровать с балдахином, застелена белоснежным бельем. На окнах растут экзотические растения: олеандры, пламбаго и герань. Стены покрыты гравюрами в рамках двух видов: одна представляет собой сцены русско-японской войны с самым кровавым содержанием, а другая – сцены из житий святых, таких как Николай, Сергей и другие. В углу против двери, при входе,

стоит образ, перед которым, если праздник, горит маленькая подвесная лампада.

На следующее утро дождь все еще шел, и улицы были полны путешественников, направляющихся на ярмарку и обратно. Черная грязь была гуще, чем когда-либо. Наша дорога спустилась к небольшому ручью, и мы нырнули в него — и застряли. Погонщики кричали и хлестали лошадей, последние вставали на дыбы, падали и делали все, что угодно, только не двигать тяжелую повозку. Все выглядело совершенно безнадежно.

Затем подъехала другая карета, и возницы вытащили двух своих лошадей. С помощью чудесных приспособлений из веревки, сплетенной из верблюжьего волоса и сыромятной кожи, привязали своих лошадей по одной к концу каждой из наших оглобель. Вскочив на их спины, они погнали их вперед. Таким образом, у нас было пять лошадей, борющихся в грязи и воде. Карета все еще отказывалась тронуться с места.

Затем подъехали четыре конных казаха и совершили своеобразный маневр. Они ехали на красивых лошадях с длинными хвостами, которые почти скользили по земле. Двое подошли с обеих сторон нашей повозки, по одному к каждой оси (которая на русской повозке заканчивается крюком). Они наклонились над своими лошадьми и привязали хвост каждой из них к оси. Затем громким шумом, шлепками и шпорами они заставили девятых лошадей приложить все усилия. Некоторое время стояла дикая сцена: плещущиеся и падающие лошади. Каждую минуту я ожидал увидеть, как у какой-нибудь вырвут хвост, но, как-то все они держались, повозка скрипела и двинулась, и мы благополучно высадились на противоположном берегу. Всадники развязали коням хвосты, и вождь сказал:

— Я волостной управитель Кызыл-Коля, меня зовут Абу-бакир Курман, қайда барасың?*

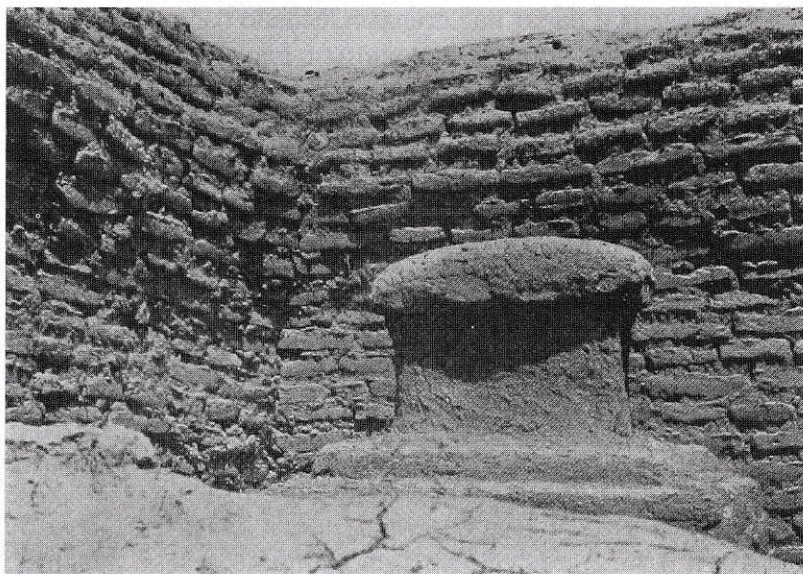
* Куда собрался?

Так началась наша дружба, и прежде чем расстались, мы стали верными друзьями и пообещали поехать и провести несколько дней с ним в его палаточном поселке или ауле, на берегу озера Жусалы.

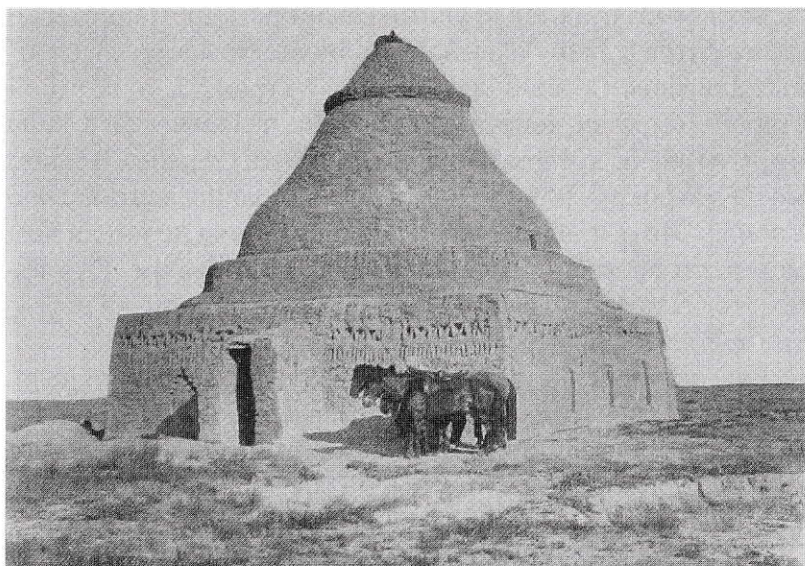
Степь наполняет сердце красотой и завладевает разумом. И красота эта обращена не к глазам и чувствам. Здесь нет уютных уголков и долин, грозных гор с лесистыми подножиями и заснеженными вершинами, защищенных озер. Не встретишь укрошенное очарование долины, которую человек оградил и превратил в свой маленький райский уголок. В деталях, конечно, присутствует своя прелесть: бескрайние анемоны, расцветающие весной, дикие розы, покрывающие склоны холмов немного позже, и так далее. Особенно поразительны цвета, которыми, кажется, пропитана вся атмосфера. Но настоящая красота – это бескрайнее пространство, которое плавно питает разум чувством всеобщей гармонии.

Это древнейшая страна в мире, населенная цивилизованными людьми дольше всех. Однако человек почти не оставил здесь никаких следов своего пребывания, а современные обитатели оставляют для потомков еще меньше. Если цивилизация означает стремление человека оставить наследие для будущих поколений, желание передать знания так, чтобы их дети превзошли предков, стремление подняться и выделиться из природы, понять природу добра и зла, то коренные жители казахских степей не могут считаться цивилизованными.

Но если цивилизация означает доброе сердце, силу самоограничения, возведенную до абсолюта, чувство достоинства человека, превосходящего, но не изолированного от остального мира, глубокое понимание природы, ведущее к единому Богу, то мы должны признать их высокую мораль и понимание проблем, с которыми мы все сталкиваемся. Они принадлежат скалам, равнинам и холмам так же, как цветы, птицы и стада. Зимой они укрываются в землю, как коконы. С весенним солнцем и приходом тепла они выходят в своих

ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА МОГИЛЫ

МОГИЛА САРЫМСАКТЫ
Гробница из желтого тростника

ярких нарядах и парят над степями, словно бабочки, отдыхая то здесь, то там. Достигнув долины с плодородной почвой, казахи устраивают свои юрты и остаются там, пока не исчезнет трава, а затем перелетают на несколько миль вперед. Покидая место, они не оставляют за собой никаких следов, никакого мусора или разбросанных отходов. Они и предыдущие поколения поступали так веками, и на земле следов их присутствия осталось не больше, чем от полета птиц.

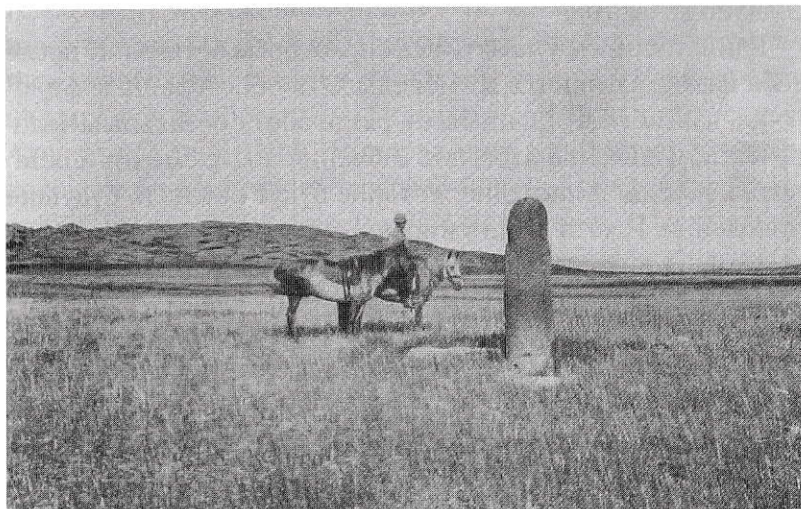
Они не питают интереса к прошлому, у них нет традиций, их воспоминания ограничены временем их отцов. Они могут мутно называть своих предшественников калмыками, но это слово настолько неопределенное, что лишено ценности. От народов, населявших эту страну до прихода казахов, осталось немного. Самыми впечатляющими свидетельствами человеческой деятельности являются древние выработки медных руд. Они, несомненно, очень древние, и некоторые считают, что они принадлежат той эпохе, когда еще не было известно железо.

Также встречаются крупные камни размером примерно шесть футов в длину и двенадцать на восемнадцать квадратных дюймов*. Обычно они сделаны из гранита, а на одной стороне вырезан контурный рисунок человеческого лица и другие знаки, которые со временем почти стерлись. В одном месте мы обнаружили их множество, стоящих вертикально в земле. Это выглядело, как кладбище, но мы не имели возможности провести более детальное исследование. Очевидно, это были протоказахи. Ни один казах никогда не потратит времени зря, вырезая лица на камне.

Еще одним свидетельством деятельности древнего человека были две параллельные стены, вдоль которых тянулась абсолютно прямая линия на протяжении двухсот-трехсот ярдов**. Предполагают, что это могли быть части водопро-

* Квадратный дюйм (англ. Square inch) – единица измерения площади в английской системе мер, используемая преимущественно в США и Великобритании. Определяется как площадь квадрата со сторонами длиной в 1 дюйм (2,54 см).

** Английская мера длины, равная 0,91 м.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ИЗ КАМНЯ

КАЗАХСКИЕ МОГИЛЫ

На могилах бедняков возвышаются скромные стены

вода. Однако, что бы это ни было, оно определенно не было создано казахами.

Единственными памятниками, которые оставляют после себя казахи, являются их могилы. Эти обособленные философы, какими бы они ни были, разделяют с остальным человечеством желание избежать забвения после смерти и оставить после себя наследие, которое будут помнить будущие поколения. И хотя люди умирают тысячами и не оставляют после себя никаких следов, некоторые все же пытаются сохранить память о себе, возводя могилы.

У бедняков – это простые стены, окружающие пустоту на несколько футов. У более обеспеченных – крытые сооружения, напоминающие разрезанное пополам куриное яйцо с небольшим отверстием на одной стороне. У богатых же – постройки, являющиеся произведениями искусства с четким соблюдением архитектурных пропорций и симметрий, часто с квадратным основанием, поднимающимся из центра с круглым куполом, украшенным зубцами, башнями и ажурной решеткой. Однако, увы! материал – всего лишь высушенный на солнце глиняный кирпич, скрепленный небольшим количеством соломы и глины, обреченный на быстрое разрушение. Казахи не любят ручной труд и уклоняются от возможности построить родовую гробницу из менее пористого материала, чем глина. Мы видели могилу, сделанную из глины, залитой кобыльим молоком, и она демонстрировала тщательные попытки строителя продлить ее жизнь, не прилагая слишком много усилий. После того, как гробницы построены, о них больше не заботятся, не подвергают ремонту и не очищают. По моему мнению, если благополучие души ушедшего казаха зависит от молитв тех, кто остался в живых, то ее судьба находится в опасности.

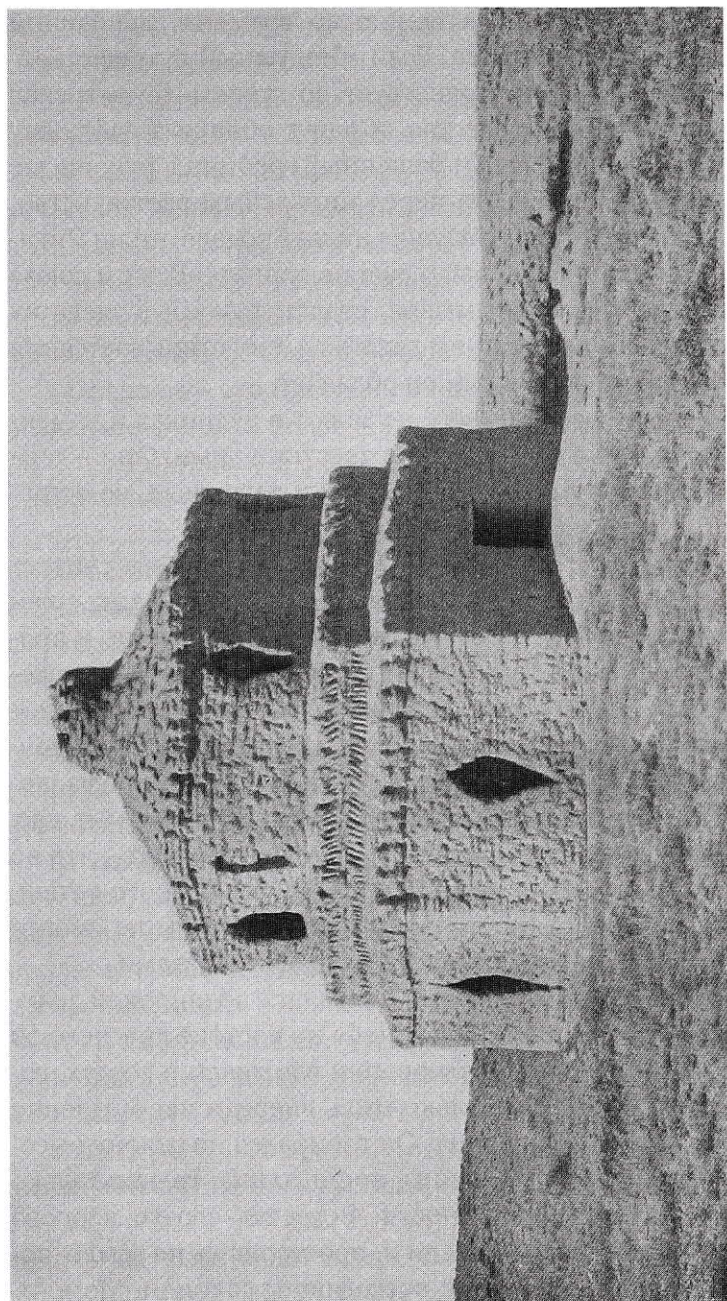
Для искушенного путешественника по-настоящему замечательной чертой этих гробниц является их точное соответствие формам и методам строительства, которые практиковались две тысячи лет назад. Особенно выделяется форма кирпичного орнамента, характерная для работ тех, кто был

подвержен греческому влиянию во времена экспедиций Александра Македонского. Если «бездумный путешественник» несколько дней странствует по степям, не встречая ни единого живого существа, и вдруг обнаруживает одну из этих куполообразных и башенных гробниц с рукописью Александра на стенах, то перед ним вспыхивает чувство, которого он никогда не ощущал ни на Бродвее, ни на Пикадилли, ни где бы то ни было еще на планете. В этом союзе греческой и семитской мысли, столкнувшихся в здешних степях две тысячи с лишним лет назад, ему открывается вся глубина знаний, которыми он обладает.

Нынешние казахи ничего не знают о рудниках и каменных изваяниях, и ничуть не интересуются ими. Они – дети степей, живут и умирают в них, как и животные, не оставляя после себя никаких следов и памятников.

Если вы родом из западного мира, где человек считает себя отделенным от остальной природы, где он ведет с ней бесконечную войну, стремясь завладеть ее тайнами, и проводит свое время в том, что он называет борьбой за существование; если вы вышли из этого мира, встали на границе здешнего огромного пространства и оглядели его непорочную поверхность, вы почувствуете гармонию природы, которая сначала вызовет смущение, а затем ошеломит вас. Тогда вы будете готовы склонить голову и признать, что во мгле и суете, которую оставили позади, было много вещей, скрытых от вашего взора, и много того, что вы не смогли бы понять, даже если бы видели их своими глазами.

Однажды ранним утром мы двигались по широкой долине. Рассвет только начинался, небо на востоке краснело от первых лучей солнца, а жаворонки взмывали в воздух, сопровождая восход. Несколько миль впереди нас медленно двигался одинокий всадник. Он взбирался по склону высокого холма и достиг вершины, когда солнце только-только начинало озарять окрестности. Встречая своего верного компаньона, он слез с лошади и, простершись на земле, поклонился в почтении перед восходящим солнцем. Момент,

ГРОБНИЦА В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ
Построена, увы, из высушенного на солнце кирпича!

когда солнце вошло над горизонтом и наполнило мир своим золотым светом, заставил нас замереть. Затем всадник снова взобрался на лошадь и скрылся вдали.

Невозможно точно сказать, что происходило в его разуме. Но для нас это был момент осознания, что в этом мире существует множество вещей, о которых мы никогда не задумывались, и которые наша современная цивилизация не передает нам. Величие природы проявляется в ее гармонии с человеком, который не стремится покорить ее. Эта гармония обладает широтой и глубиной, охватывающей и властвующей над душой. В таких моментах зарождается вера в единого Творца. Я никогда не наблюдал за казаками в их простой повседневной жизни, не задумываясь о том, что и им, и их предкам, блуждающим в вечном одиночестве под звездами – их единственным убежищем ночью, мы обязаны зародышами мысли, которые выросли в концепцию единого Бога, и привели весь мир к гармонии с природой.

Нам предстояло пройти около семидесяти миль, чтобы достичь озера Жусалы. Весенняя пора в степи – настоящее чудо. Природа словно торопится оживиться, чтобы не упустить ни одного драгоценного момента короткого лета. Наш путь вел через Тасты Адыр, старый калмыцкий рудник, где мы недавно только трудились. Этот уголок природы расстилался в котловине, усыпанной зеленой травой и разноцветными цветами, окруженной извивающимися холмами. Прошли через каменистое ущелье и привалили к хижине казаха по имени Акын, которого мы, по завершении прошлогодней осени, закрепили на посту сторожа. Семь месяцев тому назад он покинул завод вместе с женой, малышом и запасами на зиму: тремя бочками муки, двумя фунтами* чая, тремя фунтами сахара, двумя галлонами** керосина, четырьмя коробками спичек и даже коровой. Когда мы подъехали, он стоял на своем посту и встретил наше прибытие,

* В английской системе мер единица измерения массы и веса, около 454 г.

** Мера жидких и сыпучих тел в Англии, равная 4,5 л; в США – 3,7 л (для жидких тел) и 4,4 л (для сыпучих тел).

как событие неотложное, ибо его припасы были на исходе. О том, как и когда были освоены эти старые рудники, нам не известно. Кто бы ни были их добыватели, они исследовали богатые поверхностные залежи с использованием обширных открытых выемок, которые затем засыпали в процессе добычи. Таким образом, для обнаружения следов добычи требовался зоркий взгляд истинного знатока.

Вечером мы добрались до озера Саумалколь, одного из тех красных водоемов, что время от времени мелькают в степях, с водой ярко-кирпичного цвета. Наш русский извозчик не желал ехать дальше, объявив, что лошади устали, а в темноте он не сможет найти дорогу. Мы настояли на том, что в тот вечер будет полнолуние, и смогли убедить его продолжить путь. Со временем взошла луна, и мы попытались ему объяснить, насколько важными являются настоящие знания, и как было бы замечательно, если бы у него их было немного больше, и так далее. Настроение у него было угрюмым, но он все же решил двинуться вперед. Мы задремали в своей карете. Вдруг услышали его голос, зовущий нас, и проснулись. Ночь была ясной, звезды сверкали, но вокруг нас было темно.

– Где твоя луна, барин? – спросил он. – Не вижу дороги.

Так и есть: луна исчезла, случилось полное лунное затмение. Моя репутация перед этим извозчиком была потеряна навсегда. Нам пришлось остановиться, не имея при себе еды и воды. Конечно, это была всего лишь неудача, и такое событие могло не повториться еще тысячу лет, но моя попытка преподать урок о ценности знаний не увенчалась успехом.

На следующее утро мы въехали в аул нашего друга Курмана – стоянку из дюжины или более войлочных юрт, в самую белую из которых нас проводили. Принесли большой мех с кумысом, огромный, диаметром три фута и узким горлышком. Его взбивали до пены деревянной лопаткой и подавали в больших расписных мисках. Мех – это сыромятная шкура волосяной стороной внутрь, значительная часть которой

подается вместе с кумысом. Жизнь с казаками требует отказа от предвзятых представлений о микробах и бактериях, и вы должны быть терпеливыми. Мех никогда не опорожняется, всегда наполняется свежим молоком, которое, конечно, быстро прокисает. За шесть лет, проведенных в степи, я ни разу не посмел заглянуть внутрь ни одного из мехов для кумыса. Сам кумыс, когда он качественный и чистый, не вызывает отвращения, а скорее, благодаря содержанию около трех процентов спирта, придает ощущение бодрости. Однако плохой кумыс настолько ужасен, что даже спустя время и расстояния воспоминания о нем становятся невыносимыми. Внешне это напоминало мне блюдо из моего детства, которое мы называли «плавающий остров». Однако, если бы наши бдительные матери увидели острова, плавающие в кумысе, который нам приходилось употреблять, они бы отчаялись в нашей жизни.

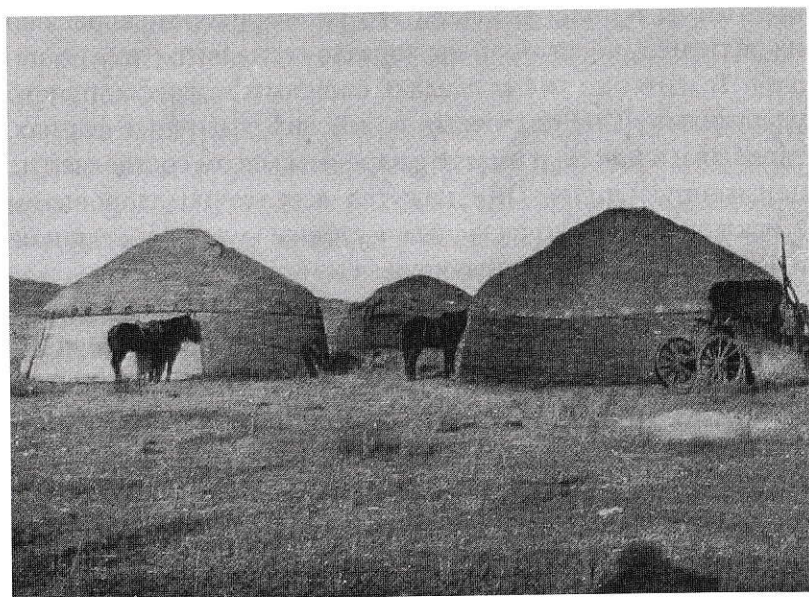
Каким-то образом казахи живут и процветают на нем, а сладкое молоко для них – мерзость. Они не считают его пригодным в пищу человеку, это категорически запрещено их религией, по которой им гораздо легче жить, чем по нашей. То, что они могут сделать с кислым молоком, просто удивительно. Оно появляется во многих различных формах, твердых и жидких, и вместе с вареным мясом составляет их неизменную пищу. Они кажутся достаточно здоровыми, с исключительно прекрасными зубами – даже у стариков и женщин идеальные полукружья из слоновой кости.

После кумыса подают самовар и чай. Самовар топится навозом, и едкий запах дыма вперемешку с кислым молоком и прогорклым сыром представляет собой сочетание, которое сразу же переполняет все ваши чувства.

Затем последовало высшее проявление гостеприимства – то, что мы бы назвали «заказом ужина». Хозяева подвели к входу в юрту красивую пегую двухлетнюю лошадь – величайший комплимент, который они могут сделать почетным гостям. Тут же у входа ее зарезали и унесли в другую юрту, где начали готовить. В этот момент развлечение достигло

РЕКА ШИДЕРТЫ В ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ
На мягком грунте часто происходят несчастные случаи

КАЗАХСКИЙ АУЛ

гастрономического апогея, который мне было очень трудно перенести. Курман нарушил молчание через переводчика, говорившего по-русски:

– Бай (это казахское слово, обозначающее господина или хозяина – прим. автора) – очень богатый человек. Он строит большие плавильные заводы и железные дороги, нанимает тысячи людей. Добро пожаловать в наш аул. Хотя у нас мало что есть, здесь ему очень рады. Все, что у нас есть, к его услугам.

Я не стал мешать его представлениям о моем личном богатстве, но пробормотал какой-то подходящий ответ. Однако красивые речи, к сожалению, теряют свой эффект, когда их воспроизводит переводчик. Я часто тратил часы на подготовку подходящих речей на русском языке, но мой русско-казахский толмач сводил их к полудюжине слов, которые ничего не значили.

– Бай так богат, что то, что есть у нас, должно казаться ему ничтожным. Но он видел наши стада, считает ли он наших лошадей красивыми?

Я ответил, что мы очень восхищаемся его лошадьми и что, хотя они не такие крупные, как наши, их телосложение очень хорошее.

– У меня тысяча лошадей, – продолжал Курман, – а сколько у бая?

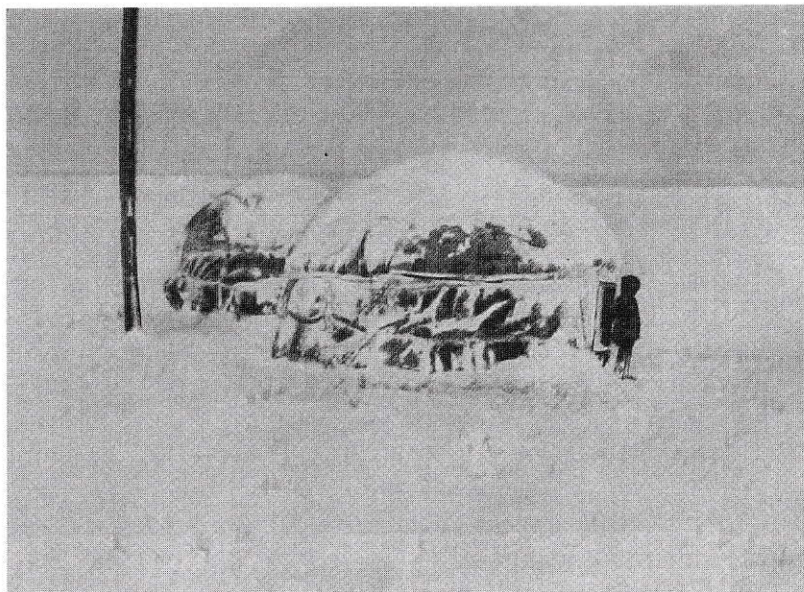
Я заикнулся, что у меня пять. Эта информация произвела самое гнетущее впечатление.

– Бай очень богат, – сказал он, – но у него всего пять лошадей. Я не понимаю этого. У султана Джангира четыре тысячи лошадей, у султана Жумабека две тысячи, у Адамбая, говорят, три тысячи, а вы говорите, что у вас только пять! А сколько овец у бая?

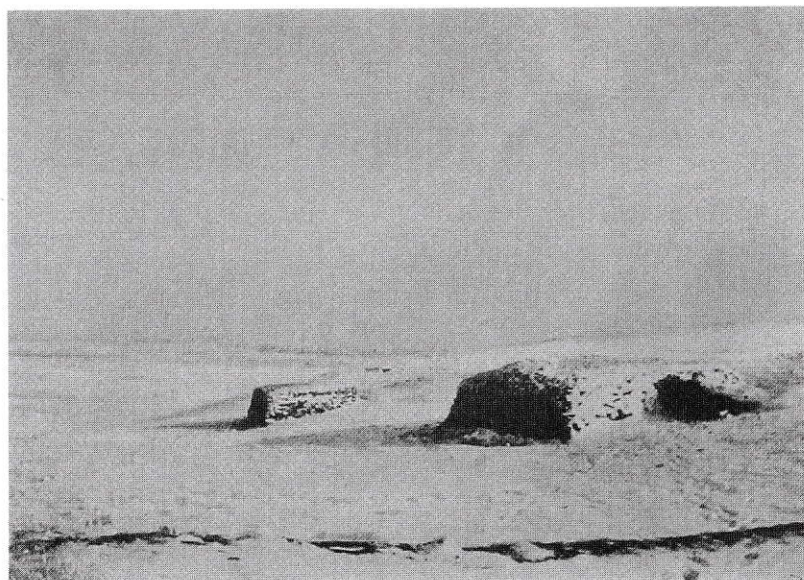
– С сожалением вынужден признать, что у меня нет овец, – ответил я.

– Ах! Наверное, у бая большие стада крупного рогатого скота?

– У меня две коровы, – сказал я.

МОЛОДАЯ АМЕРИКАНКА У ДВЕРИ СВОЕЙ КАЗАХСКОЙ ЮРТЫ

КАЗАХСКИЕ ЗИМОВКИ

Разговор принимал самый неудачный оборот, и я чувствовал, что с каждой минутой теряю почву под ногами. Нужно было сделать что-то отчаянное. Я вспомнил, что у меня в кармане лежит цветная фотография отеля «Пуанчиана» в Палм-Бич, которую я недавно получил от друга во Флориде.

– Это правда, друг мой, – сказал я, – что у меня нет ни крупного рогатого скота, ни овец, ни лошадей, но посмотри на дом в моей стране, в котором я живу.

И я показал им яркую цветную открытку. Эффект был волшебный. Открытку передавали из рук в руки со всеми выражениями изумления и восторга. Мои акции взлетели вверх и никогда после этого не падали ниже. Да будет мне прощено за мой обман!

Теперь я снова обрел смелость и с уверенностью взялся за вопрос о лошадях.

– Лошади в нашей стране очень дорогие, – сказал я.

Интерес Курмана мгновенно пробудился:

– Сколько стоит хорошая лошадь в вашей стране?

Я стал размышлять, вспоминая о возможной продаже Ормонда за сто двадцать тысяч долларов.

– Хорошая лошадь оценивается в двести сорок тысяч рублей, – ответил я.

– Звучит невероятно, – прокомментировал Курман. – Невозможно заплатить такую сумму за лошадь, которую двадцать или тридцать человек съедят за день.

Я отклонился от этой темы, зная, что он не сможет быстро принять такой новый и абсурдный взгляд на лошадей, предмет, который он действительно знал вдоль и поперек. Для казахов лошадь – лучшее из животных. Она легко переживает зиму, кобылы дают лучшее молоко, на них никогда не ездят и не работают, лошади дают великолепное мясо и служат верными слугами для передвижения кочевков, наблюдения за стадами. Невозможно представить себе жизнь в степи без лошади.

Заметив, что Курман носит зеленую шапку, я затем спросил его о паломничестве в Мекку. Если у казаха есть какая-то цель в жизни, кроме самой жизни, то это посещение хра-

ма пророка в Мекке. Только богатые могут достичь этого, и возвращающийся паломник отмечается печатью духовного и мирского успеха.

– Сначала мы проехали, – рассказывал Курман, – по железной дороге, насколько это было возможно, а затем сели на большую лодку на озере, которое полностью окружает остров, на котором стоит Мекка. И это озеро наполнено ужаснейшей вонючей водой, которая вызывает у тебя и твоих спутников-паломников самую страшную рвоту. Я никогда больше не поеду в Мекку из-за вонючей воды озера, которое его окружает.

Было очевидно, что его представления об океанах и географии в целом были довольно расплывчатыми, и я отказался от этой темы.

Затем я спросил его об образовании его детей и о том, как ему удалось их обучить.

– У меня есть свой школьный учитель, – ответил он, – и он учит моих детей и других детей, которые хотят, чтобы их учили. Пойдем и посмотрим, как он работает.

Мы вошли в другую юрту, из которой доносился гул голосов. Пройдя внутрь, обнаружили около дюжины детей, сидящих в ряд, перед которыми стоял учитель. Каждый ребенок держал перед собой фрагмент того, что когда-то, видимо, было книгой, напечатанной на арабском языке и переплетенной в бумажный картон. Возможно, это были остатки нескольких книг. У одного ребенка была одна сторона обложки, у другого – другая, у третьего – один фрагмент напечатанных страниц, у четвертого – другой. Все они читали так быстро, как только возможно, поднимая тона до самых пронзительных.

Когда мы вошли, учитель призвал к тишине, и мы задали ему несколько вопросов о его учениках. Он рассказал нам, что в настоящее время они изучают Коран, что ранее они ничего не изучали, и что они занимаются таким образом несколько часов в день. Дав сигнал, он разрешил каждому ребенку начать кричать во весь голос, читая с картонной обложки в своих руках. Удивительно, что чтение и письмо

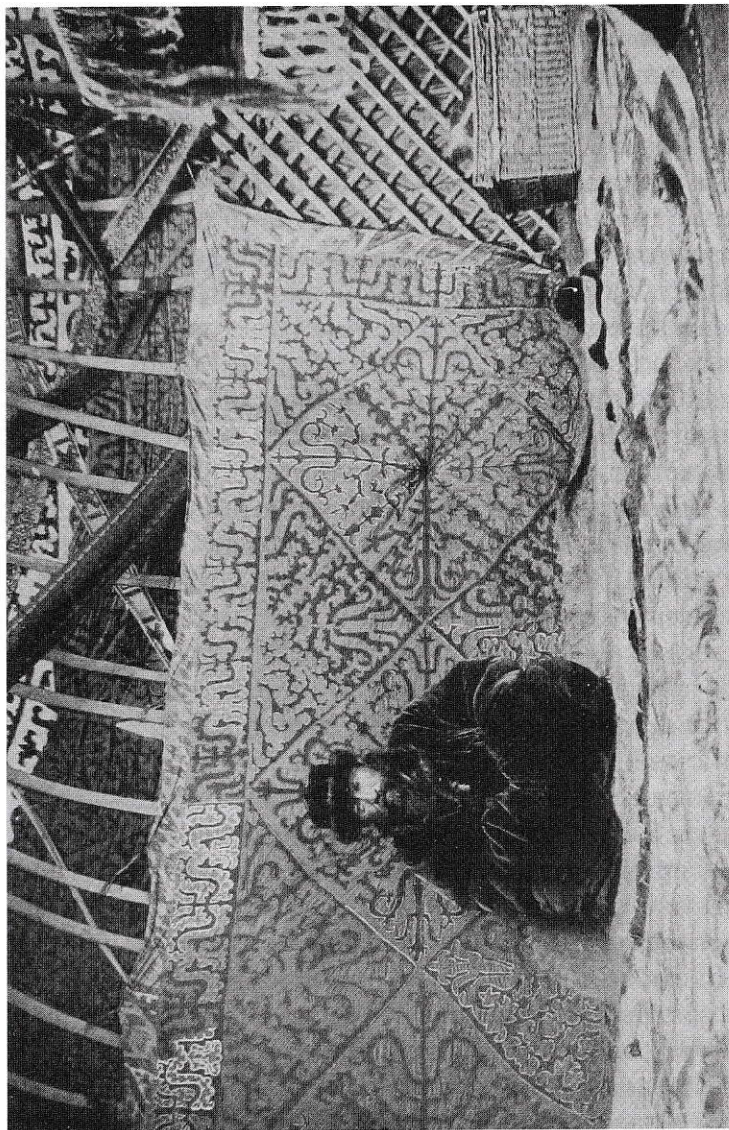
вообще могли выжить при такой системе. Надо сказать, что выживание это было весьма ограничено.

Когда мы вернулись в нашу юрту, солнце уже низко катилось по горизонту, и со всех сторон с пастбища возвращались стада. В обращении со скотом казахам не нужен наставник. Они и животные словно сливаются в единое целое. Лошади выращиваются вместе с младенцами в юртах, как и слабые козлята с ягнятами. Никакое насилие не применяется, только терпение. Было бы трудно представить себе два более различных метода достижения одной и той же цели, чем подход казахов на Востоке и техники американских ковбоев на Западе. Нет веревок, неистовых лошадей, повышения голоса или насилия в действиях. Что бы подумал житель западной равнины, если бы увидел оседланного быка и сидящего на нем человека, пасущего своих лошадей!

При свете полной луны мы гуляли по пастбищам, где животные аккуратно распределились и находились в покое для ночного отдыха. Все вокруг было безмолвно. Эффект этой необычайной тишины, в месте, где столько возможностей для движения и шума, оказался потрясающим. Казалось, будто весь мир пребывал в покое и умиротворении.

Нам пришлось завершить наши гастрономические обязанности, и по возвращении в юрту наш хозяин, его сыновья, акын и главные люди аула вошли сюда, неся с собой огромное дымящееся блюдо. Оно было полностью анатомически разделано. Каждая часть была легко узнаваема. Каждый внутренний орган был на месте, а из центра на тебя укоризненно смотрели два безжизненных глаза. Я знал, что утонченные пальцы гостеприимного хозяина скоро предложат мне отведать эти странные кусочки. Это было слишком для меня, и я сбежал. Что они подумали обо мне, я не знаю. Моя западная натура не смогла выдержать такого испытания.

Вечером вошел акын. Сев на землю, зазвенел деревянной домброй и наполнил воздух пронзительными напевами, восхваляющими добродетель и оплакивающими слабость человеческой природы. Это было подобно прослушиванию притч Со-

СУЛТАН ДЖАНГИР
Владелец четырех тысяч лошадей

ломона или псалмов Давида. Если бы Давид играл бы на своей арфе так, как наш бард исполнял на домбре, то Саула можно простить за то, что он пытался убить его своим копьем*.

К сожалению, это не был сезон для охоты, и большие орлы лениво сидели на своих жердочках, с закрытыми головами, ожидая зимы, когда их направят на лисиц, волков и снежных баранов.

Прошли несколько дней, и мы приготовились к отъезду, запрягая пегих лошадей. Курман тоже разбирает юрты и готовится к следующему пастбищу. Операция проходила с невероятной скоростью. Утром тут стояла деревня со всем необходимым для жизни на сотни душ, а через три часа все уже находилось на спинах верблюдов и двигалось вперед. Место, где они прожили месяц, выглядело так, будто там никогда никто не жил: ни остатков пищи, ни полусгоревших костров, ни мусора – ничего. Простая жизнь, где единственное желание – это самое необходимое.

– Кош!** – кричали они, когда мы покидали их. Многие следовали за нами несколько миль, чтобы удостовериться, что мы безопасно движемся по дороге.

Какими бы ни были результаты нашего визита, он навсегда закрепил за нами положение надежных друзей казахов, и все наши трудности стоили того. И хотя нам не удалось донести до них идею о том, что мир круглый, они смогли научить нас тому, что люди способны быть счастливыми и вести жизнь, наполненную достоинством и изысканной нежностью, среди такой простоты окружения, которую мы никогда раньше не считали возможной. Мы начали осознавать, насколько сложными и насущными условиями были окружены мы сами, и как мало для себя создали в сравнении с их невероятно простым, но счастливым образом жизни.

* Первая книга Царств гласит (1Цар. 10:26), что Саул был выбран и помазан на царство пророком Самуилом, позднее не исполнил его повеление и вступил с ним в конфликт, и пророк тайно помазал на царство юного Давида. Впоследствии Давид находился при царе, женился на его дочери и разогнал меланхолию Саула пением и игрой на арфе. Затем Саул попытался его убить, и Давид скрылся.

** До свидания!

ПОКУПКА УСПЕНСКОГО РУДНИКА

Мне было поручено провести переговоры по вопросу рудников, и я встретился с российскими юристами в Челябинске, важном железнодорожном узле Сибирской железной дороги, примерно в шести часах езды к востоку от вершины Уральских гор. Географически это было в Сибири, но административно – в России. Это произошло в июне 1904 года, во время японской войны, и вокзал был переполнен офицерами, солдатами, разнообразной толпой путешественников, татар и крестьян. Оставив суматоху главной линии, мы направились по ветке в шахтерский город Екатеринбург.

Сибирская железная дорога функционирует с высокой точностью и эффективностью, но наша линия была реликтом давних времен, и поезд двигался с крайне осторожной скоростью. Мы оставили позади поезд с электрическим освещением и уютным рестораном, где за пятьдесят центов подавали вкусные обеды из пяти блюд, и устроились в нашем унылом купе, освещенном 25-ю одиночными свечами. Так прошли утомительные часы видимой темноты. Когда поезд, наконец, подъехал к вокзалу Екатеринбурга, там уже стояла обычная толпа громких извозчиков, и мы выбрали самого нарядного из них. Городок выглядел милым, и нам было приятно снова оказаться на солнце. Мы весело тряслись по булыжникам. Внезапно карета дернулась и резко остановилась. Меня выкинуло из нее, и я начал придумы-

вать оскорбительные выражения по-русски, но юрист опередил меня:

– Ты, дьявольское отродье, почему позволяешь себе так ездить?

– О, милостивый сударь, разве вы не видите колесико? Посмотрите, как оно быстро катится, – пробормотал извозчик.

И в самом деле, одно из передних колес оторвалось и катилось по улице, пока не упало на бок в водосток.

– Черт бы побрал тебя самого и твое колесо! Подавай нам другую карету!

– О, господин, я сейчас принесу свое колесико и через несколько минут... вы сами все увидите.

И через несколько минут, с помощью веревки и бесконечного чертыхания, мы благополучно прибыли в отель.

Екатеринбург – это увлекательный старинный город, который возник и продолжает существовать благодаря крупным рудникам в окрестностях, на восточных склонах Уральских гор. На протяжении веков здесь добывают золото, платину, медь и железо. Этим рудникам и обязан своим богатством и дворянским чином род Демидовых, ведущий начало от старика Никиты Демидова, снискавшего расположение Петра I своим мастерством в кузнечном деле.

Горнодобывающие города всегда обладают своим уникальным колоритом, и Екатеринбург не исключение. Здесь полно старых семей, создавших своеобразную аристократию из богатства и традиций. Одна из них владеет Успенским рудником, именно для покупки его мы и прибыли в город.

Семья, владевшая рудником, была прочно связана с этим богатым регионом. Дед Иван был крепким первопроходцем и заложил основы семейного благосостояния. Отец Дмитрий приобрел в собственность Успенский рудник благодаря своему старому другу Егорову. Последний много лет находился в плену у казахов и стал для них настолько полезным, что они подарили ему сто верст земли. Руководству-

ясь инстинктом старателя, он выбрал участок, на котором впоследствии обнаружили прибыльные рудники. Чтобы получить средства для их разработки, он обратился к своему старому другу Дмитрию, и в течение пятидесяти лет до нашего приезда они успешно работали.

Эта сделка свидетельствует о некоторой настойчивости в характере, которая достойна внимания. Ведь до недавнего времени единственной связью между рудниками и базой в Екатеринбурге была открытая степь. Расстояние составляло около семисот или восьмисот миль, и путь занимал около двадцати или тридцати дней для обычных путешественников и около двух или трех месяцев для перевозки грузов. Однако, когда я выражал сочувствие владельцам в их трудностях, они презрительно отмахивались и спрашивали, как я представляю себе эксплуатацию их рудников на реке Амур в те времена, когда еще не существовало Транссибирской магистрали?

В те времена, когда мы находились в Екатеринбурге, перевозчики умоляли нас разрешить им транспортировать приобретенные нами машины на рудники по цене двадцать два доллара за длинную тонну^{*}. Учитывая, что одна лошадь с повозкой способна перевозить около полутонны, можно заключить, что одна лошадь с повозкой могут проехать семьсот миль туда и обратно за одиннадцать долларов. Эти предложения были сделаны ответственными фирмами-перевозчиками, соответствующими нашим ведущим курьерским компаниям. Проехать тринадцать или четырнадцать сотен миль казалось трудоемким путешествием для лошади и повозки за всего одиннадцать долларов.

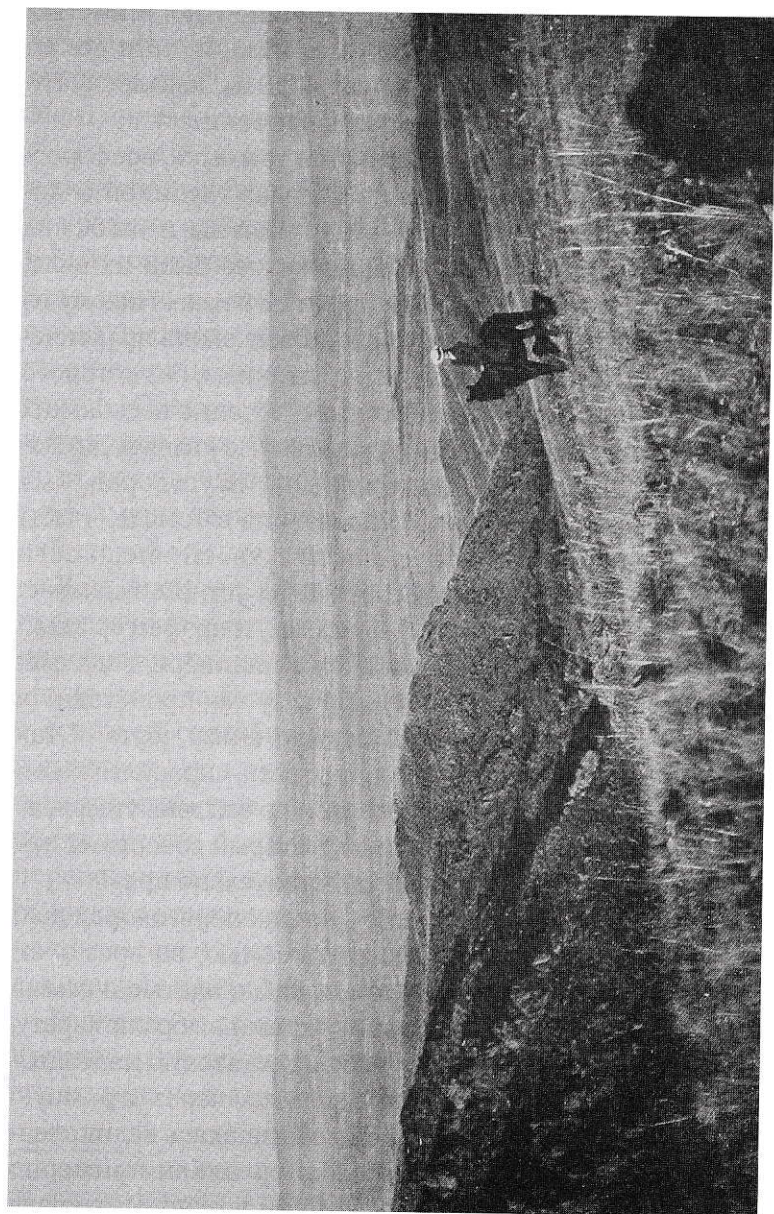
Вернемся к семье, занимающейся продажей рудников. Крепкие первопроходцы уже ушли из жизни, и среди многочисленных наследников, с которыми нам пришлось иметь

^{*} Английская тонна, также длинная тонна – название единицы измерения массы, которая в английской системе мер называется «тонна», используемое для того, чтобы отличить её от других единиц с тем же названием (в других системах мер). 1 английская тонна равна 1016 килограммам.

дело, в живых осталась только мать. Она была великолепным образцом старой школы, исполненной достоинства, врожденного остроумия и здравого смысла, и, хотя все ее дети относились к ней с полным уважением, казалось, что ее отделяет от них широкая пропасть времени.

В семье было две замужние дочери и три сына, все взрослые мужчины. Ни один из них не обладал глубиной и достоинством матери, хотя все были приятны и любезны в манерах. Все они побывали в Париже, это была их цель, и все, казалось, легкомысленно смотрели на жизнь. Никому из них не приходило в голову, что учеба может иметь практическое применение. Они считали ее украшением, без которого вполне можно обойтись. Один из них в течение нескольких лет был местным управляющим рудника. Не являясь дипломированным инженером, он, после долгих уговоров, был вынужден обратиться в Горное управление в Томске, чтобы сдать экзамен. Полный уверенности в своей внешности и фамилии, он предстал перед советом на устном экзамене. В ходе него была затронута тема о насосах, и профессор задал вопрос: «Когда плунжер поднимается в цилиндре, вода следует за ним и тоже поднимается. Почему так происходит?» Ответ был дан мгновенно: «Потому что внизу черт». Я так и не смог получить от него прямого ответа, справился ли он с экзаменом или нет. На самом деле он и по сей день утверждает, что прав и что внизу есть дьявол, который совершает эти чудесные подвиги. Возможно, он действительно прав!

Оказалось, что первым шагом в наших переговорах должен был стать официальный визит в семью, во время которого нас представят наследникам. Итак, одетые в самые красивые наряды, мы с друзьями-юристами выбрали карету, чьи «маленькие три колеса» казались достаточно надежными, и отправились в путь. Дорога вела нас через огромную площадь, на одном конце которой возвышалась великолепная церковь Святой Екатерины. Мы проехали примерно половину пути, грохоча по булыжникам у одного из краев площади, когда мои друзья внезапно встревожились.

БЕЗГРАНИЧНЫЕ ПРОСТОРЫ СТЕПЕЙ

– Сплюнь, сплюнь! – закричали они и начали плеваться и бурно жестикулировать, обращаясь к извозчику. – Направо, направо, черт бы тебя побрал!

Это были трезвые юристы из Москвы, или я сопровождал двух сумасшедших? Извозчик начал брызгать слюной и кричать на свою лошадь, дернул ее в сторону другого края площади и не спускал поводьев, пока не достиг его. Казалось, опасность миновала, и все почувствовали облегчение.

– Могу ли я спросить, – сказал я, – как интеллигентный и послушный иностранец, принято ли у русских юристов терять рассудок, когда они ездят по общественным площадям?

– Разве вы не видели священника? – воскликнули они оба.

– И что из этого? – спросил я.

– Вы, конечно, знаете, – сказали они, – что нельзя проходить мимо священника на общественной дороге, и если проходите, то должны трижды сплюнуть, тогда вас будет ждать страшная удача.

– Тише, – сказал я, – кто-нибудь может услышать вас и забрать в психиатрический приют.

И только когда мы подъехали к дому наследников, они вновь обрели самообладание.

Дом, в котором мы остановились, был внушительным сооружением, расположенным в закрытом дворе, полностью окруженном высокой стеной, с тем характерным достоинством, которое присуще домам зажиточных жителей российских провинциальных городов.

Нас провели через комнату за комнатой, и, наконец, мы попали в просторную приемную. Все помещения были искусно украшены, однако единственная физическая потребность, которая, казалось, была предусмотрена, – это сидение: вдоль стен каждой комнаты стояли небольшие стулья, иногда в углу устанавливали стол с вазой. Эффект пространства был великолепным, и оно отлично подходило для проведения бала, но это не было местом, где наследни-

ки и юристы могли бы почувствовать себя нескованно при первой встрече.

Мы чувствовали себя несколько неловко, пока не появился нотариус. Однако, когда он явился, казалось, что принял всю ответственность на себя. Я не понимал, зачем мы и наследники вообще там находились, было бы гораздо проще позволить ему самому поднимать все вопросы и отвечать на них. Он взял на себя все и никто из нас не оказался нужен. Нотариус объявил, сколько мы должны заплатить, что определенные претензии будут сняты, что нам нужно вернуться через три дня с наличными деньгами, что им нужно получить разрешения от жен всех умерших предков, и, наконец, не окажемся ли мы так любезными почтить его своим присутствием при чаепитии на следующий день? К тому времени он так полностью контролировал нас, что мы были готовы на все, лишь бы угодить такому всезнающему и всемогущему существу, и мы должным образом выразили свою благодарность.

– Мы с женой одни, – сказал он, – и нам доставит большое удовольствие провести чаепитие с такими уважаемыми гостями.

На следующее утро мы направились в банк, на который был выписан наш вексель, чтобы представиться, оставить свои подписи и выполнить другие формальности. Когда наступила моя очередь, и я предъявил паспорт и документы, в глазах клерка мелькнул необычный ум, и он поспешил с документами к своему начальнику. Тот посмотрел на меня, потом на паспорт, затем снова на меня и, наконец, послал за управляющим. Все они подошли ко мне и завели разговор, который показался мне таким ненужным и таким бесконечным. Состояние погоды в Петербурге, вероятная продолжительность войны, мои впечатления о значении демократических и олигархических институтов в развитии новой страны – эти и многие другие темы были тщательно обсуждены. Я возразил, что, хотя эти темы очень интересны и обладают огромным теоретическим значением, их обсуж-

дение в данный момент нисколько не продвигает текущий вопрос. Это замечание только раззадорило их интерес к общей беседе, и они становились все более разговорчивыми, пока дверь не распахнулась, и в комнату не вошел управляющий.

– А вот и управляющий, – воскликнули они. – Слава Богу!

Дальше, уже обращаясь к новоприбывшему, сказали:

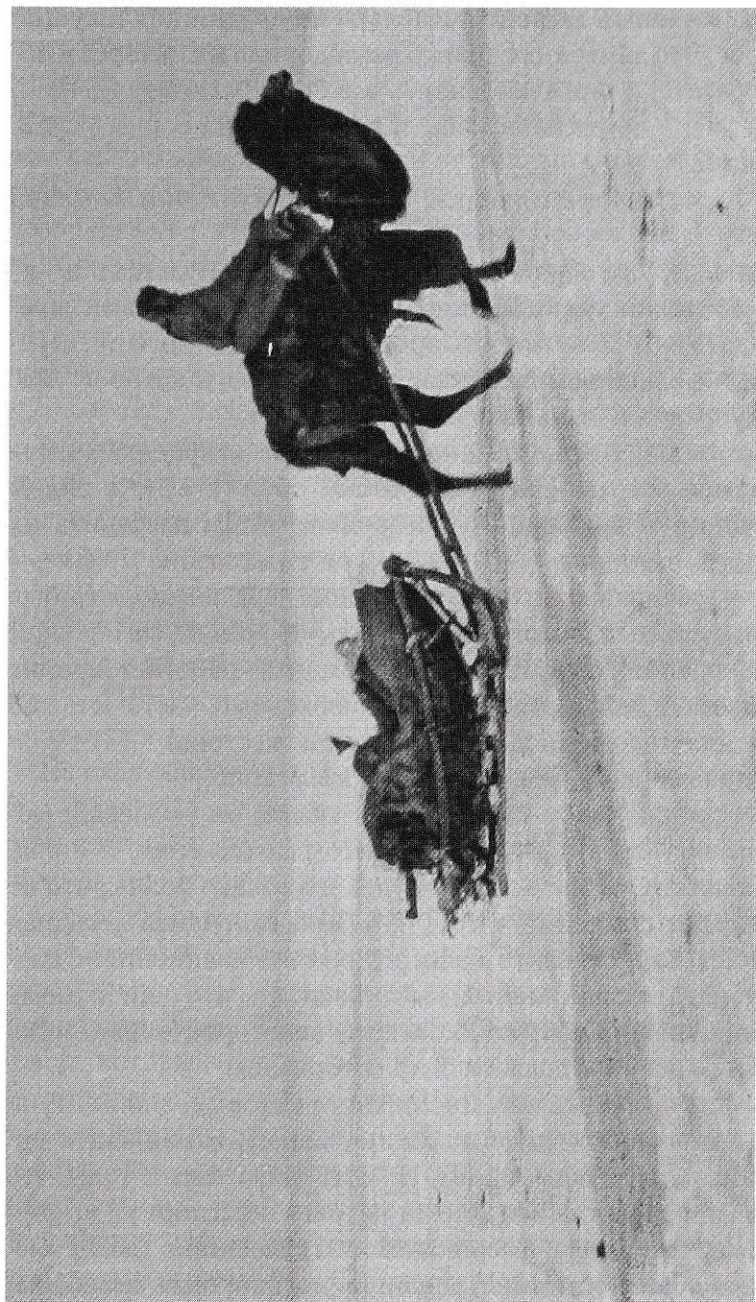
– Господин управляющий, нам выпал счастливый жребий дать вам возможность арестовать отчаянного преступника и фальшивомонетчика, о деятельности которого нас предупредил начальник полиции Москвы.

Вот те на! В этот момент, когда по всем правилам игры я должен был повернуться к своим обвинителям с видом холодного и надменного презрения, чтобы поставить их в стыд и смятение, к сожалению, мое поведение и манеры скорее убедили их в моей виновности. Я помню, что был очень нервозен, и могу подтвердить, что разум, сознающий свою правоту, в критические моменты работает крайне медленно и, когда это особенно необходимо, часто оставляет бедное тело без поддержки. Это так жестоко!

Управляющий банком первым взял слово.

– Приношу свои извинения, – сказал он. – Усердие сотрудников стало причиной вашего раздражения, и я рад, что доказательства в наших руках настолько полны, что не оставляют сомнений в том, что была допущена досадная ошибка. Сэр, примите наши искренние извинения. Однако, увидев эти документы, вы согласитесь, что ошибочному рвению наших сотрудников есть некоторое оправдание. В нашем деле мы должны быть осторожны.

Затем он предъявил мне письма, которые, якобы, я направлял в московскую полицию, мэрам, банковским чиновникам и другим лицам. Их суть сводилась к тому, что каждый раз, когда появляется человек с паспортом на имя Э. Нельсона Фелла, американского гражданина (далее следовало общее описание), полиция должна быть извещена,

БОЛЬШОЙ СЕВЕРНЫЙ СНЕЖНЫЙ ВЕРБЛЮД

и этот человек должен быть немедленно арестован, поскольку он представляет опасность как преступник. В этот момент я вспомнил все события, связанные с Х. Он был нашим переводчиком, когда мы только приехали в Сибирь. Он обладал выдающимися языковыми навыками и, благодаря своему положению, мог вникнуть в детали наших дел и истории. После шести месяцев работы с ним мы поймали его на мошенничестве и уволили. Затем этот человек обманным образом получил паспорт на мое имя в американском посольстве в Петербурге и начал путешествовать по стране, нанося ущерб доверчивым людям от моего имени. Это произвело на меня такое впечатление и вызвало тревогу, что я принял энергичные меры для его задержания, обратившись с жалобами в московскую полицию и другие официальные органы. Эти действия, очевидно, оказались эффективными, поскольку в течение нескольких лет я не слышал о новых преступлениях моего «друга» и вообще забыл об этом инциденте, пока моя память не была так резко освежена в банке. Примерно через полгода Х. был арестован за какое-то преступление, и перед нами раскрылась удивительная история успешного мошенничества. Все это подчеркивает, что паспорт может стать как опасным оружием в руках злодея, так и полезным инструментом в честных руках.

Интересное продолжение этого эпизода с паспортом произошло в далекой Колумбии, где я путешествовал шесть лет спустя. При обращении к консулу Соединенных Штатов в Барранкилье, чтобы зарегистрировать свой паспорт в Боготе, я столкнулся с неожиданными задержками. Оказалось, что один из секретарей в Боготе тогда же, в Петербурге, присутствовал при инциденте с моим паспортом и отказывался регистрировать его, пока не убедился в его подлинности. Это наводит на самые разнообразные размышления, ни одно из которых не приносит ясности в этот случай, поэтому оставим их на потом, когда настанет более подходящее время.

На следующий день после обычного изысканного обеда, который, как правило, подают в большинстве небольших

гостиниц России около второго часа, мы направились в дом нашего нового знакомого, всемогущего, но при этом очень приятного нотариуса, предвкушая великолепный чай, который так приятно сервируют в России.

Нет более захватывающего способа поддержать человеческий организм, чем чаепитие в хорошо обставленном русском доме. Русские, по своей природе, отличные собеседники и, кажется, находят вдохновение как в самом чае, так и в окружающей обстановке. Хозяйка сидит за самоваром и не устает полировать стаканы и блюда, ополаскивая их в бесконечной процессии. Самовар не перестает выполнять свою важную функцию – непрерывно подавать кипяток. Второй стакан так же хорош как и первый, затем следуют третий и четвертый. беседа течет весело, часы пролетают незаметно. Интеллект становится яснее, нервы успокаиваются. Все это абсолютно очаровательно.

После небольшой паузы нас представили хозяйке, которая пригласила нас в соседнюю комнату, как она сказала, «чтобы немного подкрепиться». В соседней комнате стоял большой стол, искусно накрытый для ужина на пять персон, и нас провели к боковому столику, который был накрыт необыкновенной, вызывающей недоумение экспозицией холодных блюд: несколько больших свежих рыб, приготовленных целиком, половина копченого лосося, такая же осетрина, большая миска свежей икры, икра соленая, ветчина, дымящаяся тарелка тушеных почек на блюде, куриное желе, ржаной хлеб, коричневый хлеб, белый хлеб, и опасный вид ряда бутылок. Мои представления о русском «стакане чая» получили грубую встряску.

Нотариус тут же взял ближайшую бутылку водки, сунул нам в руки стаканы, наполнил их и с тостом: «Пью за здоровье ваших превосходительств, веселитесь» опрокинул свой стакан, и мы, конечно, последовали его примеру.

– Начните с этой икры, – сказал он, – она свежая, с Волги.

– Не раньше, чем я выпью за ваше здоровье, – воскликнул юрист.

И это означало еще один стакан; затем последовала порция одной рыбы, потом другой, а между ними – явно необходимая рюмка водки.

– Я рад, что вам нравится водка, – сказал нотариус. – Это хорошая марка, но теперь вы должны попробовать мой херес и горькие настойки, они тоже хороши.

Он наполнил наши тарелки тушеными почками, а бокалы – хересом, а потом (кажется, хотя, признаюсь, память затуманивается) белым портвейном. После этого я продолжал есть без остановки, но в моей памяти не сохранилось разницы между ветчиной и рыбой, икрой и почками. Я помню, что продолжал есть чисто механически, видимо, чтобы услужить хозяину. Однако я совершенно четко осознавал, что ситуация крайне серьезная и что за ужином я должен сидеть рядом с хозяйкой и говорить с ней по-русски.

– Ага! – воскликнул наш хозяин. – Ужин подан. Надеюсь, у вас хороший аппетит.

Убогий юморист, подумал я. «Вам не уйти: что я ем, то и вы будете есть!» И он съедал, тарелку за тарелкой, выпивал бокал за бокалом. Это была честная борьба, никаких уклонений не было и не предвиделось.

Мы сели за стол. Для того, кто впервые оказался в такой ситуации, попытка заговорить с дамой по-русски считалась общепризнанной ошибкой, если его разум был не совсем ясен. Мои друзья-юристы становились все более мрачными и молчаливыми. Ситуацию надо было спасать, и кто-то должен был завязать разговор.

Ужин был подан. Сначала борщ – вкусный, но тяжелый суп, который наш хозяин подавал щедрыми порциями в сопровождении хереса. Затем на стол поступила гора раков, которые были довольно вкусными, но их поедание требовало времени и аккуратности. К ракам было предложено рейнское вино. За ними последовали котлеты с элем Басса*; жареная индейка и ветчина, которые сопровожда-

* Эль Басса, т.е. традиционный вид пива высокого качества, выпускаемый в Англии. Производство было начато в 1777 году Уильямом Бассом.

лись обильным потоком шампанского. Далее подали сладкий крем с портвейном, а за ним – множество маленьких десертов, сопровождаемых сладкими винами, которые в моих воспоминаниях слились в единое целое. Мои друзья-юристы продолжали сохранять полное молчание. Наш хозяин, к счастью, активно участвовал в беседе, и на своем лице я старался рисовать выражение искреннего интереса. Когда он делал краткие паузы, я немедленно просил его продолжить рассказ. Стрелки часов указывали девять. Я надеялся, что испытание приближается к концу. Ощущая свою неопытность перед хозяином, в то же время я чувствовал, что, несмотря на свой дилетантский статус, я довольно неплохо справляюсь и молил о силе, чтобы выдержать это испытание до конца.

Наши хозяева встали из-за стола, по обычаю мы пожали им руки, выразили благодарность за очаровательное гостеприимство, похвалили великолепный ужин и направились к выходу.

– О, вы не можете просто уходить. Вы должны выпить стакан чая, самовар в соседней комнате, – сказал хозяин.

Зловещие слова «стакан чая» он использовал накануне, чтобы заманить нас на верную гибель. Но на этот раз он говорил искренне. Самовар шипел на столе, и чай казался особенно освежающим. Разговор стал более открытым, стрелки часов показывали одиннадцать. Мы снова поднялись, чтобы уйти.

– Очаровательная хозяйка, любезный хозяин, уходя, мы оставляем наши сердца в вашем распоряжении.

– О, но вы же не думаете уходить сейчас, мы как раз собираемся ужинать, – он протянул нам руку, – идемте, я выпью за ваше здоровье.

Казалось, свет померк, и земля погрузилась во мрак. Вся надежда исчезла, когда мы снова вошли через роковые двери в столовую. Вдруг раздался стон. Но его «автор» так и не был найден, каждый обвинял другого. Наш хозяин продолжал невозмутимо вести беседу, но нам уже почти ничего не

грозило. Я знал, что мое заинтересованное выражение лица не выдержит еще одного испытания, подобного предыдущему. И действительно оно не выдержало – на смену ему пришла остекленевшая улыбка, но я с гордостью могу сказать, что, по-моему, наш хозяин этого не заметил.

Мы последовали всем формальностям, предписанным приличиями. Стояли у приставного столика, и в полночь повторили те же действия, что и днем. Тот же голос объявил о предстоящем ужине. Несколько блюд были похожи на те, которые мы ели на ужине, но они были абсолютно новые и свежеприготовленные. Один и тот же голос не прекращал разговор, та же улыбка застыла на моих губах. Стрелки часов указывали на два. Мы снова покинули помещение, и на этот раз все прошло успешно. Нет сомнения, что с хорошим делом можно зайти слишком далеко, даже со «стаканом чая».

На следующий день, в четверг, мы провели последнюю встречу с наследниками, чтобы обсудить детали завершения сделки. Нам предстояло заплатить около двухсот тысяч рублей, и мы предложили вручить им заверенный чек на эту сумму.

Но они отказались даже рассматривать этот вариант: оплата должна была быть произведена наличными. Это было серьезной проблемой, так как пятница и суббота являлись банковскими выходными. Чтобы иметь деньги наличными в пятницу, нам нужно было получить их в четверг днем и хранить в наших номерах в отеле всю ночь. Это была чрезвычайно беспокойная перспектива. Те были темные времена в истории России, когда правопорядок находился на низком уровне, и был разгул разнообразных преступлений, сопряженных с насилием, таких как грабежи, разбои, поджоги и убийства. Наш приезд в город широко обсуждался. Всем было известно, что у нас имеются значительные денежные средства. Любопытные глаза тщательно следили за каждым нашим движением, и любой наш визит в банк сразу привлекал внимание. Нам не очень нравилась идея отне-

сти дорожные сумки в банк, а затем, наполнив их деньгами, вернуться в отель. Однако мы согласились и договорились привезти наличные на следующий день, в пятницу, в десять утра.

– Это невозможно! – сказали они. – Мы, старообрядцы, придаем особое значение завтрашнему дню – для нас это священный праздник. Ни при каких обстоятельствах мы не можем вести дела завтра. Скорее мы откажемся от продажи рудника. Мы можем обойтись без его продажи, но мы не можем жить без божьей благосклонности.

Их позиция была полностью сведена к двум пунктам: никаких дел в пятницу и наличные деньги в субботу. Собрание было закончено.

После обеда мы направились в банк с дорожными сумками и запросили двести тысяч рублей наличными. Они ожидали, что мы предоставим заверенный чек, поскольку получение такой суммы наличными за два часа представляло сложность. После некоторых трудностей, связанных с купеческим и государственным банками, мы, наконец, получили деньги. Однако частые появления с дорожными сумками, набитых до отказа наличностью, привлекли всеобщее внимание, и руководство банков было взволновано.

– Вы действуете вопреки нашим рекомендациям, – отметили они. – К этому моменту весь город уже в курсе, что у вас есть крупная сумма денег. В вашем отеле нет безопасного места, где вы могли бы их оставить. В городе полно отчаявшихся преступников.

Действительно, веселый разговор, но ничего не поделаешь. Мы вышли из банка среди восхищенной толпы, с двумя большими сумками, полными банкнот. Швейцар отеля встретил нас с понимающей улыбкой: «Дорожные сумки барина очень тяжелые. В городе много желающих удостоиться чести нести сумки барина».

Весь тот вечер, всю ночь и следующий день с ночью мы стояли на страже этих несчастных дорожных сумок. Ни один из усталых стражей, несущих одиночное бдение, не

встречал своего освобождения с большей радостью, чем мы. В установленное время мы направились в нотариальную контору. Все наследники собрались, занимая места вокруг стен комнаты. Нотариус стоял за столом в центре. Наши юристы вошли и заняли свои места за столом, а я с моими драгоценными сумками остался в небольшой прилегающей комнате. Я много ждал, но слышал лишь приглушенный шепот голосов. Наконец, дверь распахнулась, и меня пригласили войти.

Все взгляды в комнате в мгновение ока были прикованы к двум сумкам, которые я нес в своих руках. Внутри них хранилось решение всех надежд, страхов и сомнений, которые не оставляли в покое наши сердца на протяжении многих недель. Здесь были настоящие денежные средства – не банковские кредиты или расписки, или же прочие нематериальные активы, а реальная сумма, позволяющая каждому рассчитаться со своими обязательствами и тем самым показать себя с лучшей стороны. Нотариус возвестил, что все документы оформлены с должным вниманием к деталям, и все формальности были исполнены в полном объеме. «Будьте любезны, – обратился он ко мне, – выплатить заранее оговоренную сумму».

Мешки были опустошены на столе, привлекая внимание ярко сверкающих глаз наследников. Нотариус, с тщательностью и вниманием к деталям, провел пересчет денежных средств, подтверждая их точность. Властвуя над происходящим до самого конца, он удерживал полный контроль над ситуацией. Денежные средства были разделены на несколько долей, для Джона, Тома и Мэри. Каждому из них было поручено взять свою справедливую долю. Через пять минут в комнате не осталось ни единой монеты, и ни одного человека. Процесс распределения был завершён окончательно. Все наследники покинули помещение, оставив нас вдвоем с нотариусом в тишине.

Это был отличный шанс для моралиста, но лишь педант почувствовал бы необходимость выразить наши мысли словами.

Нотариус улыбнулся, ответив нашим улыбкам. Выдающийся человек, обладающий глубоким пониманием человеческих страхов и слабостей. Мы уплатили ему комиссионные, отблагодарили его стенографисток, воздали должное носильщику, вознаградили шарманщика, оплатили услуги клерков в банке, которые содействовали пересчету денег. В конечном итоге, каждому, кто внес свой вклад, было уделено внимание. Мы ушли с опустошенными сумками и карманами. В конце концов, возможно, наследники были и правы: ничто не сравнится с осязаемой реальностью настоящих денег.

ЗАЙМЫ И СКИДКИ

Это была долгая и изнурительная зима. Все зимы кажутся утомительными, особенно если они тянутся семь месяцев подряд. Осенью первые штрихи морозных узоров по холмам вдохновляют, а первый звон саней по свежему снегу заставляет кровь стынуть в жилах. Но с приходом первых чисел мая свирепые ветра оголяют ровные места, а там, где лежит снег, он сбивается в ледяные сугробы и застилается наждачными порывами неугомонных бурь. Пейзаж выглядит таким же усталым, как и вы. Шуба и войлочные калоши становятся неприятным бременем, защитные двери и окна давят на ваш дом безвоздушной хваткой, и каждый год кажется, будто весна задерживается и никогда не наступит.

В конце апреля 1906 года мы с Генри Фордемом сидели в конторе компании, сетовали на медленное течение времени года и гадали, не предвещает ли погода каких-либо перемен. Старый казах по имени Байжан топил печи на ночь. В соседней комнате слышалось непрекращающееся щелканье счетных досок: клерки вносили бесконечные платежные ведомости. Снаружи из рудников только что прибыл верблюжий обоз – тяжелые двугорбые звери с длинными меховыми панталонами и горбами, дрябло лежащими на спине. Это были единственные живые создания, способные противостоять ледяной пурге и не сломаться. Каждый верблюд привязан к небольшой паре полозьев, на которых закрепле-

на повозка. В ней сложено около семисот фунтов богатой медной руды. В конторе перевозчика казахские погонщики разминались и болтали пронзительными голосами: «Ақша керек, ақша керек, бай»*, и мы слышали неизменный ответ нашего транспортного служащего: «Ақша жоқ, айда!»**. Но это их нисколько не удовлетворило, и шум то нарастал, то спадал, пока Фордем не зевнул и не пробормотал что-то о том, что надо послать кассира в Акмолинск за деньгами. Проснувшись, громко позвал: «Иван, Иван!», и войлочная дверь отворилась. Вошел Иван Корде, здоровенный эстонец из петербургской гильдии бухгалтеров, приписанный к компании своей гильдией.

– Иван, ты сможешь завтра поехать в Акмолинск?

– Да, могу.

– Сколько денег нам нужно?

– Двадцать тысяч рублей.

– Ну, выписывай чек в государственном банке и собирайся в дорогу. Деньги нам нужны к дню зарплаты на следующей неделе. И еще, Иван, пошли Токая за бригадиром конюшни.

В положенное время появился староста или бригадир конюшни.

– Что прикажете? – спросил староста.

– Я хочу, чтобы кассир выехал завтра утром в четыре часа в Акмолинск. Каштановых лошадей сразу же отправляйте к реке Нуре, а гнедых – в Батпак. Пусть он отправляется с пегими: для последнего отрезка пути до Акмолинска он может нанять лошадей в Бересовском, – сказал Фордем.

– Ваше благородие, вам виднее, – ответил староста, – но я прожил в этой стране много лет и знаю приметы. Если кассир уедет завтра в Акмолинск, то не вернется по крайней мере три недели: начинается оттепель, и реки скоро разольются. Он может доехать до Акмолинска, но успеет выпить много водки, прежде чем сможет вернуться.

* Дай нам наши деньги, начальник!

** Денег нет, уходите!

– Но как быть с деньгами? – спросил Фордем. – Нам нужны деньги, он должен поехать в Акмолинск.

– Ваше благородие правильно говорит о деньгах, – ворковал староста, – но я знаю, что если Иван завтра уедет в Акмолинск, то не вернется еще много недель.

Лицо Фордема выражало тревогу. В последнее время мы часто разочаровывали рабочих из-за финансовых трудностей и боялись представить себе еще один день, когда зарплату придется задерживать. Но староста оказался прав, и когда мы вышли из кабинета, в воздухе заметно ощущалась мягкость весны. На следующее утро сомнений не возникло: дул теплый ветер, земля стала мягкой, по оврагам стекали ручейки. Староста оказался прав: весна пришла. Тем не менее, несмотря на пробуждение природы, на лице Фордема не отразилось восторга, когда мы встретились на следующее утро.

– Что мы можем предпринять? – произнес он. – Мы не сможем встретиться с нашими людьми в день зарплаты, если у нас не окажется достаточно денег. Это может стать поводом для скандала.

Ситуация была крайне серьезной. Мы были абсолютно изолированы от мира, казалось, без возможности даже получить наличные, хотя бы на месяц. Мы обращались за помощью повсюду. Несмотря на это, не удалось найти тысячу рублей из всех возможных источников. И вот тут появился казах Кусаин и произнес:

– Вашему благородию нужны деньги?

Я был потрясен и не задумываясь выпалил:

– Конечно, мне нужны деньги, всем нужны деньги, и тебе тоже.

– Вашему благородию они сейчас нужнее, чем мне?

– Если я скажу да, можешь ли ты мне их дать?

– Нет, ваше благородие, я бедный человек. Но есть казахи, очень богатые казахи, которые держат свои деньги в рублевых бумагах, запертых в жестяных сундуках. Есть Адамбай, брат Джангира, чье стадо кобыл вы видели, когда мы

БОГАТЫЙ КАЗАХ СО СВОИМИ СЕКРЕТАРЯМИ
Слева сидит переводчик с русского языка

на днях вместе переправлялись через Нуру. Джангир богат, очень богат, но денег у него мало. Адамбай тоже богат, и свое богатство он хранит в деньгах. Возможно, он одолжит вам часть этих денег, но возьмет с них большую плату. Но он богат, он очень богат!

– Кусаин, мы пойдем к нему, где он сейчас?

– Он сейчас в своей стоянке на реке Ильинка за горами Кызыл-Тау, в тридцати верстах отсюда.

– Мы отправимся завтра и посетим его.

– Невозможно отправиться завтра, чтобы встретиться с Адамбаем. Ваше высокородие – знатный господин, и Адамбай – тоже знатный господин. Завтра я пошлю двух гонцов на лошадях, которые сообщат Адамбаю, что вы приедете, а на следующий день вы сможете отправиться самостоятельно, и Адамбай будет готов принять вас.

Итак, на третий день, мы, в сияющих нарядах, на лучших упряжках, каждую из которых тянули по три лошади в ряд, мчались на полном скаку через нашу маленькую деревню, уютно расположенную среди холмистых степей. Рядом шли наши сопровождающие-переводчики, а также многочисленные конные охранники и свита. Три дня весны сотворили настоящее чудо. Воздух наполнился ароматом и влагой, а цветочный коврик мчался впереди снега, покрывая холмы. Весна в степи – это упоение зарождающейся жизни. Цветы, птицы и животные чувствуют, что их долгожданный момент наступил.

Когда мы приблизились к стоянке Адамбая, к нам навстречу выехала свита из всадников и провела нас к приготовленной для нас юрте. Это было великолепное сооружение, диаметр которого составлял около двадцати пяти футов, с внешним покрытием из белоснежного войлока. Она поддерживалась легкой деревянной решеткой с куполообразной крышей. Внутри, благодаря отсутствию столбов, было свободное пространство. Пол был украшен изысканными коврами, а стены увешаны шелковыми циновками. Мы сняли обувь и вошли. Тундук, или укрытие,

КАЗАХСКИЕ РАБОЧИЕ ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

Замужние женщины всегда носят объемный белый головной убор

ГРУППА ДЕВУШЕК НА КАЗАХСКОЙ СВАДЬБЕ

был частично откинут, и последние лучи заходящего солнца наполнили палатку красным светом. Вокруг нашей юрты располагались юрты Адамбая и его людей. Они прибывали со всех сторон, ведя перед собой стада. Огромные группы верблюдов, овец, коз и крупного рогатого скота, которые разбредались без всякого беспорядка и лежали сами по себе. Природа так гармонична, когда ее не тревожат. Животные лежали вместе и терпеливо ожидали отдыха, который наступает с приходом темноты. Старейшины собрались у дверей своих шатров. Рахиль* черпала воду из колодца. Так они делали на протяжении сорока веков, а может и больше. Под этими звездами качалась колыбель нашей цивилизации, именно здесь прошло наше детство.

Адамбай вошел вместе со своими сыновьями, друзьями, секретарем и акыном по имени Изат. Мы устроились в круг на ковриках. Принесли огромный мех с кумысом, который разлили в крашеные деревянные миски. Затем привели жеребенка, и Адамбай объяснил, что изначально планировал нарезать его для нас, однако, к его сожалению, мы попросили заменить на овцу. После кумыса принесли самовар, подали чай и сладости, а также каменный сыр и баурсаки – лепешки, поджаренные на сале, – единственную пищу, которую употребляют эти люди, помимо мяса и молока.

Вечер пролетел в непрерывной беседе, и я многократно спрашивал Кусаина, наступил ли благоприятный момент для делового разговора, но ответ был всегда отрицательным. Наконец, когда наши изнеженные западные желудки больше не могли вмещать кислое молоко, перед нашими гостями появились несколько огромных тарелок с вареной бараниной. Молодой казах поставил перед каждым из нас медный чайник и миску, налил воды на руки, и началось настоящее гостеприимство. Никогда прежде я так остро не ощущал своей неполноценности.

* Вероятно, автор подразумевает Рахиль – ветхозаветный персонаж, одну из двух жен патриарха Иакова. Согласно библейскому сюжету, встреча Иакова и Рахили произошла у колодца.

Насытившись до отвала чаем, кислым молоком и твердым сыром, я погрузил руку в блюдо и смело принялся за уже ставшее ненавистным мясо. Однако все мои уловки были раскрыты, и Адамбай упрекнул меня в сдержанности. Выхватив пальцами потускневший глаз овцы, который лежал в мокром месиве, он сунул его мне в рот, и это считалось особенным комплиментом с его стороны. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным! Показалось, что способность глотать утрачена мной навсегда. Время тянулось бесконечно долго, когда я вращал во рту тот отвратительный глаз. Наконец, я справился. Адамбай, взяв в руки огромный кусок жира, решительно засунул его в ожидающий рот Кусаина. Как восхитительно было наслаждаться этим вкусным кусочком, который можно было жевать в тишине ночи.

На следующее утро, готовясь к отъезду, мои беспокойства возростали. Я опасался, что излишнее гостеприимство нашего хозяина может помешать осуществлению дела, из-за которого мы прибыли, и которое стало крайней необходимостью. Однако в последний момент Кусаин и секретарь взяли слово, и мне объяснили, что Адамбай, учитывая наше внимание к бедным казахам, вынужденным трудиться за деньги, предложил одолжить нам сумму в двадцать тысяч рублей. Единственное условие – вернуть ему двадцать две тысячи рублей в течение одного месяца.

Представления о успешных сделках, которые Иаков осуществил на этих же холмах, мелькали перед нашим воображением. С глубоким восхищением перед такими историческими успехами, перед нами возникали примеры, вдохновляющие нас. Мы пригласили этого удачливого сына пустыни посетить нас в конторе через неделю и привести с собой свои сокровища. Однако сам Адамбай не произнес ни слова. Он сидел неподвижно и невозмутимо. Не высокий, но очень полный, как и полагается всем богатым казахам, он сидел на полу, скрестив ноги в тюркской манере, в ватной

и вышитой одежде. Перед ним были перекрещены маленькие, ухоженные руки, а на его лице не отражалось никаких эмоций. Он сказал: «Қош», мы ответили также, и отправились в наши экипажи, решив пройти хотя бы заочный курс обучения в пустыне, прежде чем снова предпринимать попытку вступить на путь больших финансов.

Время шло, и наступал день, когда нам предстояло вы­платить людям жалованье. Нас преследовали воспомина­ния о той ужасной сделке, в которую мы ввязались, и, что более важно, страх, что Адамбай может нас подвести. Про­ходя мимо нас, рабочие спрашивали: «Деньги будут?» Мы сжимали зубы и уверенно отвечали: «Деньги будут». Они говорили: «Слава Богу» и шли дальше. Но в один прекрас­ный день до нас дошла весть, что завтра придет Адамбай, и мы зарезали овцу и приготовились принять хитрого спекулянта.

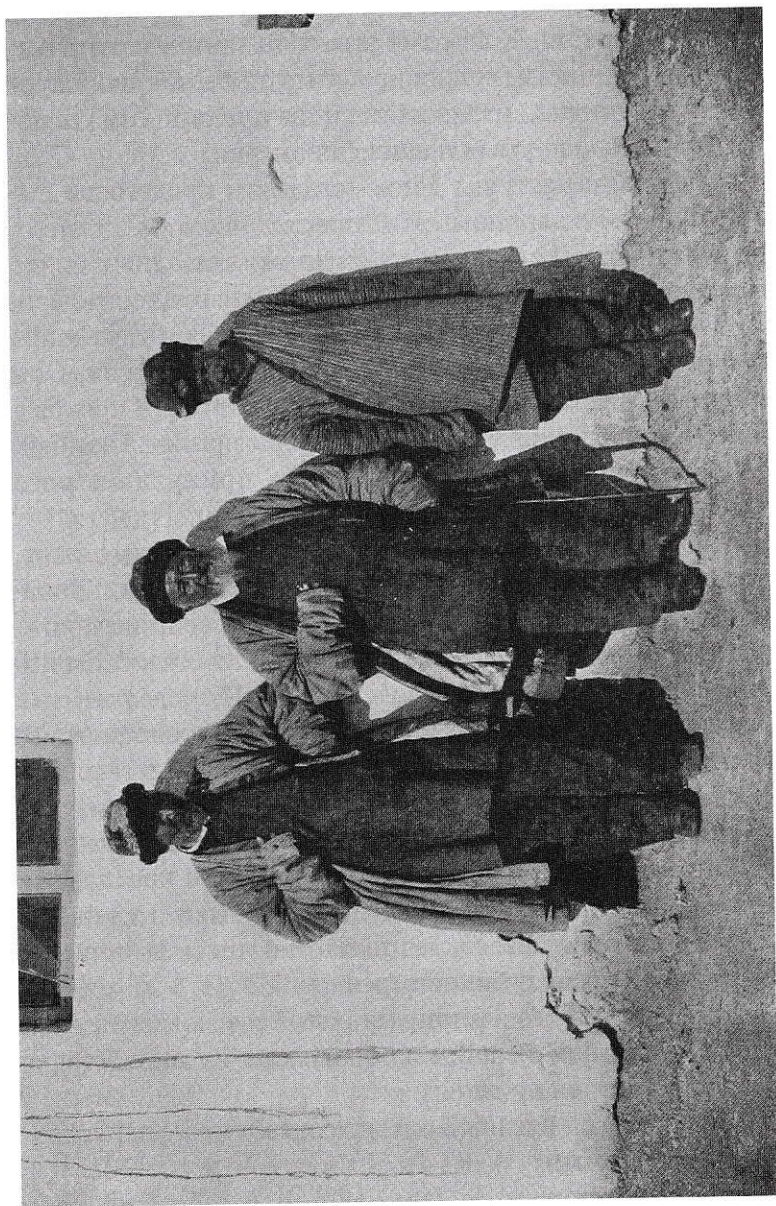
На следующее утро он прибыл в спешке: тьма всадников, несущихся на полном скаку по улице. Погонщики, крича­щие и понукающие своих лошадей. Карета неприглядного вида с неподъемной упряжью, в которой, словно китайский идол, восседал Адамбай со своим акыном. И после того, как он избавился от многочисленных шуб, мы проводили его к почетному месту, на котором он сидел и громко ворчал, по­тому что это было кресло, а он ненавидел кресла, так как от них болело его старое жирное тело. Но мы испытывали злорадное удовольствие, усадив его на наши кресла, как чувствовал аист, когда кормил лису из бутылки с длинным горлышком в ответ на гостеприимство лисы, накормив­шей его супом из неглубокой тарелки.

Подали чай, и разговор тянулся целый час, а может, даже больше. При первой же паузе я обратился к Кусаину: «Спро­си у него, принес ли он деньги».

– Тише, – сказал Кусаин, – он может тебя услышать.

Затем запел акын:

Жизнь подобна дороге; если ты заблудишься,
Не враги твои укажут тебе путь, а твои друзья.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ДРУЗЕЙ АДАМБАЯ

Настоящий друг подобен дубовой палке,
на которую ты опираешься и отдыхаешь.
Но ложный друг подобен трости,
на которую ты опираешься, и она ломается,
и щепки пронзают твою руку.

Я спрашиваю Кусейна: «Адамбай – дуб или тростник? Он принес деньги?»

А Кусаин снова отвечает: «Тише, он может тебя услышать!»

После того, как поэт закончил, подали обед. Несколько овец были моментально съедены. Но единственное выражение, которое выдает лицо Адамбая, – это гнев на ненавистное ему кресло. Его обслуживают слуги, и он наслаждается множеством сушеных вишен, выбрасывая косточки с огромной силой и взрывными звуками. Те, что не попадают в наши тарелки, падают на скатерть вокруг нас. День тянется, и мы все больше убеждаемся, что шансы на получение денег уходят, особенно когда секретарь начинает разговаривать по-русски, а Адамбай все глубже утопает в своем кресле. Мы посылаем за нотариусом, и за местным полицейским, и за судьей, и за русским управляющим, и за адвокатом. Приезжают все остальные служащие завода, и печник Байжан, и все наши слуги, и комната заполняется до отказа. Это самая торжественная и важная сделка, которая когда-либо происходила на заводе. Принесли чернила, зеленый песок, длинные перья, сургуч и печати, и все принялись за письмо. Почти все поставили свои подписи, а полицейский стал нанизывать бумаги на красную ленту и запечатывать их. Только Адамбай неподвижен. Он сейчас почти лежит в кресле. Я говорю Кусаину: «Теперь все почти готово, спроси у него, где деньги?»

– Тише, – говорит Кусаин, – ты должен подписать эти бумаги.

– Но я не буду молчать. Скажи Адамбаю, чтобы его слуги принесли деньги.

Но, по всей видимости, деньги волновали только меня, так как все остальные глубоко увлечены юридическими формальностями. Нотариус закрывает свою сумку, полицейский пристегивает саблю, и вся церемония, кажется, завершена.

Но я теряю терпение и говорю Кусаину, что вот-вот должно произойти что-то еще, и Кусаин тихо шепчет секретарю. Секретарь передает сообщение человеку в ватной одежде, и он начинает брюзжать. Начинается самая необычная сцена. Старик лежит в кресле, завернутый в бесчисленные слои ватных халатов, его толстые руки свисают через подлокотники кресла. Двое его людей бросаются к нему, по одному с каждой стороны. Они погружают руки в глубины его одежды, нащупывают там что-то и тянут обратно. Один из них вытаскивает пачку бумажек, другой – еще одну, а Адамбай лежит и ворчит. Каждая вытасченная пачка бумажек вызывает у него стон отчаяния, а последний сверток особенно велик, и процесс сопровождается самым жалким из всех стонов. Он падает на пол полностью изнеможенный.

Столько денег на столе завораживает зрителей, которые замирают от благоговения. Полицейский берет ситуацию в свои руки и передает пачки разным людям для подсчета. Приносят абак, и маленькие шарики начинают щелкать.

Адамбай начинает шевелиться в своем кресле, его слуги ищут свои пальто и шапки.

– Девятнадцать тысяч девятьсот девяносто семь рублей, – сказал мне полицейский.

Все надевали свои пальто.

– Кусаин, – сказал я, – трех рублей не хватает.

Кажется, Кусаин не расслышал и начал искать мою шляпу.

– Кусаин, – сказал я, – скажите секретарю, что нам не хватает трех рублей.

– Тут, тут! – сказал секретарь. – Я должен помочь Адамбаю, сделка завершена, он хочет уйти.

– Кусаин, – крикнул я, – скажи секретарю, чтобы он передал Адамбаю, что он дал нам на три рубля меньше.

Секретарь повернулся к Адамбаю, который по-прежнему сидел в кресле, и жестом указал на его ботинки. На меня никто не обратил внимания.

– Три рубля! – крикнул я. – Трех рублей не хватает!

– Не может быть! – сказал Адамбай и, кажется, пришел в себя: – Они, должно быть, под промокательной бумагой или упали под стол.

– Нет, – возразил я, – они не под промокательной бумагой и не под столом. Вопрос короткий: они мне нужны, чтобы нам закрыть сделку.

В это время секретарь стал просматривать бумаги, а Адамбай с большим интересом изучал все уголки, где могла бы находиться утерянная трехрублевая купюра. Все они обиженно глядели на меня невинными глазами, и я почувствовал стыд за свою настойчивость. Но я оставался в ожидании, пока они продолжали поиски. Наконец, наш поиск прервал возглас Адамбая:

– Смотрите-ка, – сказал он, заглядывая в свой рукав, – не странно ли, я нашел в рукаве трехрублевую купюру. Возможно, это та самая, которая была потеряна. Интересно, как она оказалась у меня в рукаве?

Эх, Адамбай! Недаром тебя называли в честь Адама. Ты донес до нашего поколения непорочное наследие первородного греха. Иди же теперь с миром. Тайны Иакова теперь в твоих руках.

В комнате воцарилась мертвая тишина, а Адамбай собрал свою одежду и покинул помещение. В последующем он так и не простил мне тех трех рублей.

СОЮЗ ПРОФСОЮЗОВ

Осенью 1905 года дела в России шли очень плохо. Война в Маньчжурии была непопулярна. Редкие успехи русских не пробуждали энтузиазма в массах, а более частые неудачи вызывали угрюмое недовольство. В пределах империи это недовольство разжигалось социальными агитаторами, приводя к раздорам, нападениям на крупных землевладельцев, мятежам, массовым убийствам и движениям, иногда приобретающим размеры революций. Даже в отдаленных степях, в пятистах верстах от железной дороги, где ближайшие почтово-телеграфные учреждения находились в ста семидесяти верстах, ощущалось чувство тревоги. Российское правительство расширило свое влияние на казахские степи примерно за пятьдесят лет до событий этой истории, и страна все еще находилась под военным управлением, под общим контролем степного генерал-губернатора. В целом, казалось, что система работает хорошо и отвечает существующим условиям.

Вдоль Сибирской железной дороги почва ровная и плодородная. На ней более или менее плотно заселены русские и татары, представители земледельцев и купцов соответственно. По мере продвижения на юг уровень местности постепенно повышается, и она становится более холмистой. Временами холмы превращаются в горы, огромные гранитные скалы высотой в две-три тысячи футов. Долины сужаются, осадков становится заметно меньше, а пахотные

земли привязаны к долинам редких рек. Древесина почти полностью исчезает. Чем дальше на юг, тем более выраженными становятся эти условия. Татары редко встречаются вдали от железной дороги и крупных городов, а русские представлены главным образом казаками – людьми весьма замечательного типа, с душой первооткрывателя, свободолюбием и страстным обожанием своего сословия. Казак питает величайшее презрение к русскому мужику и глубочайшее почтение к Богу и царю. Он никогда не бывает равнодушным. Если ему не нравится, он ненавидит. Если ему нравится, он любит. Его ненависть распространяется на всех немцев, евреев и поляков, а его любовь к России – просто детское обожание. Вы можете узнать его сразу: его дом чист, его осанка прямая и полна достоинства. Помню, как однажды ночевал в доме атамана у брода через реку Нура.

Дом был безупречен: свежая побелка и краска, окна были заставлены растениями и цветами. Мне была отведена лучшая спальня, и хозяин лично пожелал спокойной ночи.

- Где Глеб? – спросил я.
- Ушел на войну, – ответил старик.
- А Григорий?
- Он тоже ушел на войну.
- У тебя нет других сыновей?
- У меня нет других сыновей.

Мне стало жаль одинокого человека, и я высказал банальное замечание о том, как тяжело видеть, как все сыновья уезжают на войну за тысячи миль отсюда. Но глаза старика загорелись, и он встал со стула, выпрямился, поднял руку для приветствия и произнес:

- За Бога и Царя!

Он стоял на страже России, вглядываясь в безбрежные просторы, образующие ее границы, – воплощение детской простодушной веры. Я снял шляпу перед стариком, и с тех пор мы крепко дружим.

На юге, где страна слишком бедна для крестьянина и купца, казахи предпочитают бродить в поисках пастбищ, вести кочевой образ жизни и терпеть чрезвычайные трудности, лишь бы избежать полного упадка и необратимой потребности в ручном труде. Правительство обращается к ним с удачным сочетанием контроля и свободы, сохраняя старую систему патриархального правосудия и законов. Они имеют собственные кодексы, наказания и специфические методы приведения их в исполнение.

В их системе распределения собственности и придерживаемой кисломолочной диете трудно представить совершение преступления, способного привлечь внимание нью-йоркской газеты. Они редко сталкиваются с какими-либо трудностями в отношениях с русскими. По мере того как последние осваивают эту землю, условия могут измениться, но в настоящее время жизнь в степи протекает практически без вмешательства со стороны государственных чиновников. Вероятно, культ магометанской религии оказывает особое воздействие на казахских пастухов, а отсутствие алкогольных напитков, неоспоримо, уменьшает вероятность одной из распространенных форм правонарушений. Незвизывая на причины, факт остается фактом: казахи – народ чрезвычайно сдержанный, и результат этого выбора является исключительно благоприятным.

Но даже на этих отдаленных елисейских полях* стало беспокойно. С тех пор как в 1902 году мы вступили во владение рудниками и медеплавильными заводами, мы значительно расширили масштабы всех работ, и теперь на них так или иначе было занято около десяти тысяч человек. Российское правительство, видя размах нашего предприятия, благосклонно относилось к нашему региону и основывало поселки в наиболее плодородных долинах для приема переселенцев из населенных районов России, особенно из Малороссии; хохлов, как их называют на местном наречии, или,

* В античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна и где избранные герои проводят дни без печали и забот.

как мы привыкли говорить, «хузьеров»* из Индианы или «кокни»** из Лондона.

Начальник полиции Акмолинска Николай Григорьевич Нехорошков, заметивший царившее здесь беспокойство, явился в наш регион и провел длительные и серьезные беседы с нами. В тот момент, когда мы только начинали осваиваться в этой стране и понимать ее язык и местные обычаи, появление этого внушительного офицера вызывало у нас некоторую тревогу. Он приходил в дом в великолепном мундире, с бряцающей саблей, рядом с ним шли двое вооруженных полицейских. Его лицо было чисто выбрито, за исключением впечатляющей пары усов. Сразу по приезде в наш дом он занял все свободное пространство, организовал свой кабинет и начал принимать местных чиновников. Затем мы обнаружили, что за его внушительной внешностью и военными манерами скрывались необыкновенно доброе сердце и впечатляющий запас здорового юмора. С течением времени он осознал, что мы серьезно относимся к своей работе и что на нас можно полагаться, при условии осторожного и разумного подхода. По сути, он стал зависеть от нашей готовности поддерживать порядок в нашем районе.

Но во время своего последнего визита он был встревожен.

– Друзья мои, – сказал он, – я тревожусь, серьезно тревожусь, везде неприятности. В России крестьяне поднимаются против помещиков, на флоте бурлит мятеж, в Сибири повсюду беспорядки. В нашем округе пока что все тихо, но никто не может сказать, сколько это продлится. Мне уже известны некоторые подозрительные личности, поступившие

* Hoosier /'hu:zɜr/ – официальный демоним жителей американского штата Индиана. Происхождение термина остается предметом споров, но hoosier было общеупотребительным к 1840-м годам, его популяризировал житель Ричмонда Джон Финли в поэме 1833 года «Гнездо хузьеров». Индиана приняла прозвище The Hoosier State более 150 лет назад.

** Кокни – диалект английского языка, на котором говорят в основном в Лондоне и его окрестностях, особенно лондонцы, принадлежащие к рабочему классу и нижнему слою среднего класса. Термин «кокни» также используется как демоним для обозначения человека из Ист-Энда.

к вам на службу. С вашей стороны требуется максимальная осторожность, один ошибочный шаг, и мы можем быть втянуты в хаос и беспорядок. Я беспомощен, все казаки ушли на войну, другой силы у меня нет, и я сам буду первой жертвой. Ради Бога, друзья мои, будьте осторожны. Где Андрей Михайлович Топорнин?

– Он находится на Успенских медных рудниках, исполняя обязанности управляющего во время отпуска Ханнена, английского инженера.

– Он полностью контролирует ситуацию, действуя как поверенный в соответствии с российскими законами?

– Да, – подтвердил я.

– Ах, друг мой, это плохо. У меня есть серьезные подозрения насчет этого человека. Я пытался предотвратить его прибытие сюда, но безуспешно. Боюсь, его присутствие не сулит ничего хорошего. Следите за ним, друг мой. Его поведение до сих пор было хорошим?

– Образцовым.

– Присмотрите за ним, друг мой. До свидания, да пребудет с вами Бог и поможет вам. Держите меня в курсе того, что происходит, и обращайтесь ко мне во всем, что в моих силах. Прощайте. Теперь Жумабек! Где этот черт Абдрахман! Положите подушки в карету, дайте мне шубу и шапку!

Он скрылся в карете за массой подушек и ковриков. Кнуты затрещали, лошади рванули, и он скрылся из виду.

После его ухода мы все стали более серьезно относиться к событиям. Нам стало ясно, насколько мы абсолютно не готовы справиться с критической ситуацией, если она возникнет. Начальник полиции предупредил нас, что в случае необходимости он не в состоянии обеспечить нам какую-либо защиту и что мы должны полагаться только на свою сообразительность.

Согласно российским законам в области разработки полезных ископаемых, все руководители управлений были русскими, и мы, полдюжины англичан и американцев, не обладавших ни официальным положением, ни властью,

являлись единственной защитой между потоками русских и казахов и безопасностью нам доверенного имущества. Мы рассмотрели состав всех начальников наших отделов и оценили надежность каждого из них. Здесь числились главный управляющий, руководитель медеплавильного завода, управляющий железной дорогой, управляющий колонией, врач, священник, управляющий медным рудником – тот самый Топорнин, о котором нас предостерегал наш друг. У них у всех были доверенности, они полностью контролировали ситуацию. Мы были всего лишь советниками, скромными фигурами. Наша реальная власть заключалась в контроле над средствами.

Кто из них лгал, а кто говорил правду? Когда ты не знаешь, что предпринять, самое разумное – воздержаться от действий. Мы с особым вниманием изучали все поступающие отчеты, особенно те, которые шли от Топорнина с медного рудника. Однако все они были подготовлены с тщательной точностью, и по прошествии нескольких недель мы стали считать, что беспокойства нашего друга не имеют основания, и что его подозрения скорее всего вызваны кошмаром на почве необоснованных сомнений.

Двадцатого января 1906 года мы, собравшись за низким столом в гостиной, по-казахски пили чай. Этот час был нашим любимым. Рабочий день подходил к концу, свечи светили ярко, занавески скрывали темноту, и в толстых каменных стенах дома мы могли на мгновение забыть о вихрящейся метели снаружи. В нашей компании были два англичанина, русский доктор (блестящий прогнозист, называвший себя социал-демократом и выпускником Московского университета) и наш главный менеджер, поляк из Лодзи.

Вдруг мы услышали скрип дверей, и в гостиную вошел наш казахский слуга Нурман. Он сообщил, что гонец Укибас принес письмо из медного рудника. Оно содержало следующее:

Директору:

Мы, нижеподписавшиеся служащие и рабочие вашего медного рудника, требуем удвоить нашу зарплату, расширить наши помещения и снабдить их новыми окнами, установить здесь врача-резидента вместо аптекаря. В противном случае, если эти требования не будут выполнены, мы и все рабочие рудника объявим забастовку через сорок восемь часов с момента написания этого письма.

Андрей Топорнин

И множество подписей на арабице, выдаваемых за подписи казахов. И еще дюжина подписей, включая подпись самого аптекаря.

Одного прочтения письма было достаточно, чтобы понять, что его целью не было урегулирование каких-то обид, а скорее объявление войны. Главный управляющий Топорнин поставил свою подпись вместе с подписями других людей, и стало ясно, что начальник полиции правильно оценил ситуацию, и этот человек является организатором беспорядков. Мы допросили посыльного Укибаса:

— Были ли какие-нибудь намеки на неприятности, когда ты покинул Успенский медный рудник?

— Нет.

— Знаешь ли ты о каком-либо недовольстве среди казахских рабочих?

— Не знаю.

— Укибас, ты хороший человек и всю свою жизнь верно проработал на этих рудниках. Ты получал хорошую зарплату и теперь должен оказать нам большую услугу. Ты проехал сегодня восемьдесят миль, но отдохнуть еще не можешь. Я напишу письмо волостному управителю Токсану, и ты должен передать его ему завтра утром. Где сейчас Токсан?

— Он пребывает на своей зимней стоянке в Нылды, в двадцати пяти милях от рудников.

— Завтра днем я прибуду на рудники, и Токсан должен быть там. Ты тоже обязан явиться.

– Жақсы. Қош!*

– Сходи в конюшню и скажи старосте, чтобы он дал тебе двух хороших верховых лошадей, а моих лошадей пусть подаст мне в семь часов, со сменами в Байдаулете, Кызыл-Тау и Сарысу. Доктор, вы поедете со мной? Вы сами немного анархист, и люди, возможно, послушают вас, а меня могут не слушать.

– Да, конечно, я поеду. Заскочите ко мне домой, когда будете мимо проезжать.

И он ушел, и наши гости ушли, и Укибас взял свое письмо и тоже ушел, оставив нас наедине со своими размышлениями. Конечно, существовала вероятность, что мы неправильно оценили ситуацию, что письмо было подлинным и имело своей целью выражение конкретных претензий, и что все можно легко разрешить. Но это была всего лишь тонкая нить надежды, и в общем наши мысли были мрачными.

На следующее утро, при рассвете, я отправился в дорогу, заехав за доктором. Сани неслись по туманной зимней дороге, где виднелась лишь колея в снежных завалах. Управлял санями старый Жумабек, а Кусаин лежал на ящике, но был начеку. Поездка была довольно комфортной, за исключением тех моментов, когда мы встречали длинные транспортные конвои с верблюжьими упряжками, перевозящими руду из шахт. Тогда нам приходилось выезжать на нетронутый снег, и лошадям приходилось туго. Полуденный чай мы выпили в хижине погонщика в Кызыл-Тау.

Зимой казахи оставляют свои юрты и укрываются в подземных жилищах, куда не проникает воздух, а свет – лишь немного. Однако замерзшего путника эти укрытия приводят в восторг, поскольку он сражается с бесконечной метелью снаружи часами, а то и днями, и ночами!

Поселение вокруг Успенского медного рудника обычно не производило особого впечатления, но в тот день оно казалось особенно неприветливым. Никаких радушных при-

* Хорошо. До свидания!

ветствий не звучало, и по прибытии к конторе и дому мы столкнулись с огромной толпой мужчин. Все до единого были вооружены огнестрельным оружием. Проходя через молчаливый коридор лиц, мы вошли в дом.

К моему великому облегчению, в комнате я увидел Токсана, казахского управителя, сидящего на корточках на нашем диване, поджав под себя ноги. Укибас превосходно справился со своей задачей! По крайней мере, здесь уже присутствовала тень власти, которую забастовщики, вероятно, уважали, ведь им наверняка не пришлось бы в голову ранить казаха, без помощи которого им не удалось бы рассчитывать на победу в схватке.

Дав нам несколько минут на то, чтобы выпить чаю, самозванный комитет из трех человек принес мне записку от Топорнина, в которой говорилось, что он ждет меня в своем кабинете. В ответной записке я сообщил, что он уволен. Через несколько минут комитет вернулся и уведомил меня, что забастовка начнется в шесть часов и что мне лучше самому позаботиться о насосах и котлах.

Я обменялся несколькими словами с Токсаном, и он направился наружу. Когда он вернулся, он рассказал мне, что поручил нескольким казахам следить за безопасностью насосов и разместил сторожей в различных точках для предотвращения возгорания.

Вечер прошел в бесплодных препирательствах с комитетом из трех человек. Они утверждали, что Топорнин – законный управляющий, что он обещал им те требования, которые они выдвинули. Они утверждали, что забастовка была организована под руководством Союза профсоюзов в Москве, и что мне лучше согласиться, иначе они разрушат медный рудник, а затем перейдут к плавильному заводу и разрушат его тоже.

Я спросил их, почему, если Топорнин стал управляющим и обещал им двойную зарплату и удовлетворение всех остальных требований, они не вышли на работу? Неужели они сомневались, что он им заплатит? Они подтвердили

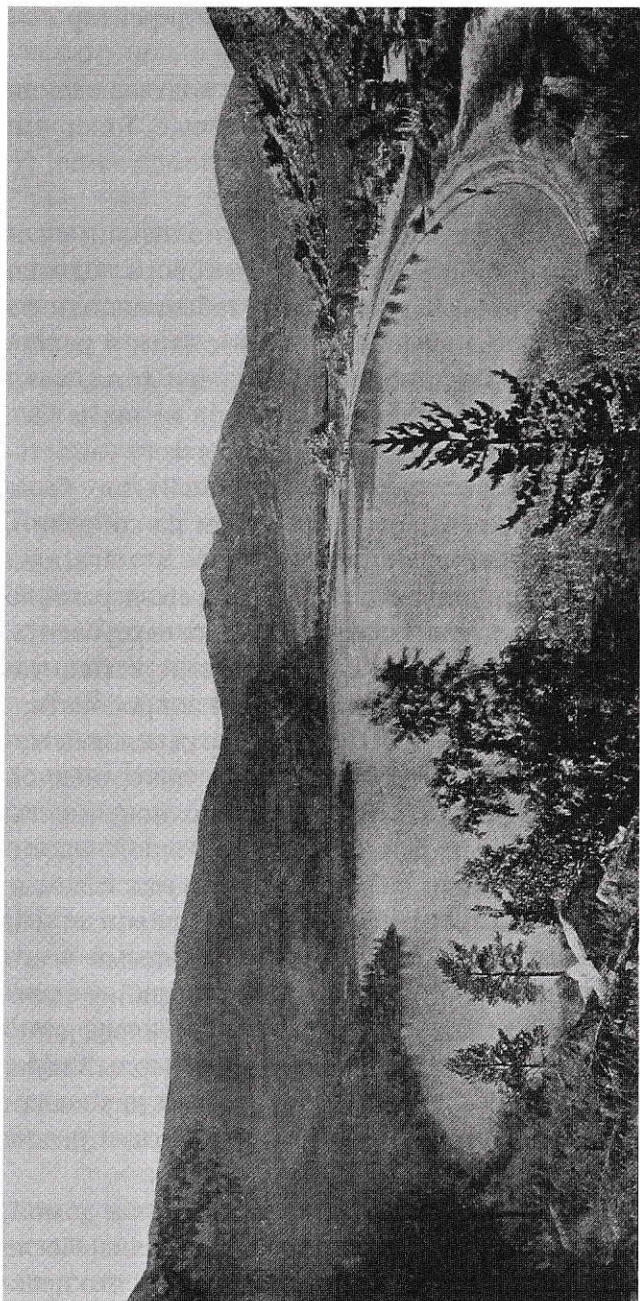
свои сомнения и выразили желание, чтобы директор сам заверил новое положение.

– Что ж, – сказал я, – никогда не дам я подтверждения этому, ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо еще. Топорнин уволен, и если вы не вернетесь на работу немедленно, то и вас ждет увольнение.

На следующее утро я послал за разными людьми, с которыми был знаком, пригласив их для разговора. Однако посланцы вернулись с сообщением, что забастовщики не позволят передать мое послание. В связи с этим я решил отправиться сам. Когда я приблизился к двери дома, меня окружили полдюжины вооруженных людей, в их числе был комитет из тройки. Они сообщили мне, что я могу увидаться с моими друзьями только в их присутствии. В итоге было решено, что я встречу со всеми рабочими на собрании, запланированном на вторую половину дня в магазине. Я осознавал, что если мне удастся пообщаться с лидерами по отдельности, у меня может появиться шанс их переубедить. Однако я не слишком надеялся на успех в присутствии зачинщиков забастовки. Тем не менее, стоило попробовать.

Русский язык не так прост в изучении. Хотя человек может довольно свободно общаться на нем в повседневной беседе, он все же остро чувствует свою неполноценность, когда сталкивается с разъяренной русской толпой, насчитывающей несколько сотен забастовщиков, возглавляемых умелыми провокаторами. Попытка донести свои мысли или тронуть их чувства и сердца словами, усвоенными всего лишь за последние два-три года, оказывается крайне сложной задачей. Всякий раз, когда мне почти удавалось донести свою мысль, агитаторы поднимали невероятный шум, и мой голос тонул в их криках. После часовой перепалки я осознал, что ситуация стремительно ухудшается, и решил покинуть собрание.

В тот вечер водовоз и угольщик не явились к нам домой, и нам сообщили, что все поставки приостановлены. После тщательного осмотра наших запасов я обнаружил, что прак-

ОЗЕРО ЖАСУБАЙ
Небольшое озеро со сладкой водой в гранитной гряде у казачьей станции возле Баян-Аула

тически ничего не осталось – только уголь и вода на следующий день, и почти никакой еды. Всем, кроме Токсана, было строго запрещено входить или выходить из нашего дома, а его русские боялись трогать. Несмотря на то, что они не понимали языка казахов и невежливо относились к ним, испытывая надменное презрение, инстинкт им подсказывал, что Токсана трогать нельзя. Мысль о том, что столь невзрачный казах сможет нарушить их тщательно согласованные планы, казалась чересчур наивной, чтобы ее принимать в расчет. С самого начала я осознавал, что союз с казахами является слабым звеном в русском военном плане. После того как моя прямая атака на самих русских потерпела неудачу, я почувствовал, что единственная моя надежда на успех заключается в обходе их казахских флангов.

Токсан оставался молчаливым и загадочным, исполняя свою роль как подлинный представитель Востока. Через нашего переводчика Кусаина я прикасался к каждой струне, которая, казалось, подавала надежду на гармоничную ноту. Я подчеркивал для себя, что русские преследуют цель грабежа и разрушения имущества, и что их успех означал бы разорение казахов. Говорил, что положение казахов улучшилось благодаря компании и продолжает улучшаться, и что мы готовы скорее умереть, стоя на своем, чем уступить хоть дюйм* перед такими требованиями. Кусаин заверял меня, что Токсан усердно работает на наше благо, и я тоже верил в это, но не видел никакого прогресса.

Третий день прошел в удручающей обстановке. Люди становились все более сердитыми и агрессивными, слышны были угрозы, что проклятых иностранцев могут сбросить в шахту. Российский флаг был сорван, а на его место подняли большой красный флаг, который развевался весь день, говоря, что старый порядок закончился. Каждые несколько часов гонцы шли на телеграфную станцию в Акмолинске, чтобы отправить телеграммы в Союз просоюзов о том, что

* В английской системе мер мера длины, равная 2,54 сантиметра.

происходит с забастовкой. Казахи были оттеснены от насосов, мотор молчал. Токсан, казалось, ни на шаг не продвинулся вперед. Наша печка погасла. Мы наполнили наш самовар последней каплей воды, оставшейся в тот вечер, и пили чай в тишине. Доктор считал, что социал-демократия восторжествовала, и предлагал капитулировать. Я долго и серьезно беседовал с Кусаином, и, когда он уходил, знал, что в эту ночь ему придется много работать. Токсан оставался таким же непостижимым, как всегда.

Перспектива следующего утра была чрезвычайно угнетающей. Печь остыла, дом был холодным, воды для чая не хватало, а холодная корка хлеба в морозное утро мало кого сможет поддержать. Снаружи шел снег, а красный флаг нарочито развевался. Кусаин заскочил на минутку и рассказал, что Топорнин всю ночь выдавал людям новые расчетные книжки, предлагал им удвоенную зарплату и начинал каждую книжку с займа в двадцать рублей. То же самое он сделал с казахами. Он собирался открыть магазин и выдать каждому товары на эту сумму. Это была его взятка, но Кусаин продолжил:

– Я сомневаюсь, что казахи примут ее. Они видят, что рудник наполняется водой. Они понимают, что их средства к существованию ускользают. Будьте уверены, Токсан работает не напрасно.

На улице вокруг магазина собралась большая толпа, было много шума и суматохи. Я заметил, что русские теснились у дверей, а казахи стояли во внешнем кругу, совершенно молча. Топорнин подошел к магазину, отпер дверь и начал раздавать чай, сахар, муку, меховые шапки и шубы. Сначала царило подобие порядка, но аппетиты росли, толпа становилась все многочисленнее и агрессивнее, а некоторые смельчаки начали угощаться тем, что им больше всего нравилось. Топорнин стоял на ступеньках и громко призывал казахов взять муку и сало, которые они так любили. Однако, к их чести, они оставались стоять в кругу перед неистовой толпой русских, осаждавших дверь, и не шевелились. Так

они стояли, бедняги, голодные и мерзнущие, вынужденные переносить бурю в своей жалкой ватной одежде, и наблюдали, как разбирают прекрасные шубы и вкусную еду.

Я осознал, что русские потеряли рассудок и контроль, и что этот кратковременный триумф окажется для них последним. Толпа нарастала. Русские все еще мародерствовали в магазине, в то время как наши казахские рабочие высыпали на улицу со всех сторон. Их прежняя кротость уступала место растущему гневу. Кусаин подбежал и сообщил, что они захватывают шахты, насосы и устанавливают пожарную охрану на ключевых пунктах. Улица теперь наполнилась бурной толпой, раскачивающейся взад и вперед и кричащей:

– Қайда бай? Бай қайда?*

И тут они ринулись к двери дома. В одно мгновение он наполнился ревушей, борющейся массой заснеженных, орущих людей в ватных одеждах. Они подняли меня на плечи с криками «Жақсы бай!»**. Это был драматический момент. Токсан не подвел нас.

Через несколько минут пришла записка от Топорнина:

Директору:

Забастовка отменяется. Пожалуйста, обеспечьте нам защиту, нашей жизни угрожает опасность.

Андрей Топорнин.

На следующий день Топорнин бежал из Успенских медных рудников, но его арестовали, прежде чем он успел добраться до дома.

* Где хозяин?

** Добрый хозяин.

ОТЕЦ И СЫН

В 1906 году тьма в России достигла своего апогея. Правительство было неустойчивым и колеблющимся. В один момент принимались либеральные решения, в другой – внезапно распускалась Дума. Иногда казалось, что беспорядки поощряются, чтобы правительство могло вмешаться и предстать в роли защитника своих граждан. В крупных городах вспыхнули страшные беспорядки, а самый ужасный случился в Томске, где бунтовщики подожгли огромное здание местного исполнительного органа и расстреливали служащих, выбегавших из горящего здания*. Убийства и жестокость прочно укоренились везде.

Благодаря отдаленному расположению нашего предприятия в степях, мы не испытывали опасений относительно наших постоянных работников, большинство из которых трудились с нами годами и поддерживали очень дружественные отношения. Однако, когда из лондонской конторы поступило уведомление, что наши планы по новому плавильному заводу были утверждены, мы осознали

* Речь идет о т.н. Томском погроме – трагических событиях периода Первой русской революции, произошедших в г. Томске 20–22 октября 1905 года. По числу жертв эти события сопоставимы с известными погромами 1903–1906 годов в европейской России, а по своей жестокости и разрушительности – даже превосходят их. По воспоминаниям очевидцев, в эти дни октября 1905 года в Томске «для того, чтобы быть убитым, достаточно было обладать приличным костюмом и интеллигентной физиономией. Студенческая фуражка или лишь похожая на нее папаха и еврейский тип лица были вернейшими смертными приговорами».

необходимость увеличить наши силы в десять раз, и что, скорее всего, нам придется принять новых сотрудников, чужих нам людей. Недавняя забастовка на Успенском медном руднике была еще свежа в нашей памяти, что заставило нас немного беспокоиться из-за возможных проблем с новыми работниками.

Нам пришлось нанять не менее тысячи человек, чтобы осуществить запланированные работы в установленные сроки. Ведь в России, и по крайней мере, в нашем регионе, все делается вручную. В начале ты плавишь железо, затем создаешь инструмент, рубишь дерево, делаешь колеса для своей телеги, таскаешь бревно, распиливаешь его. После этого берешь топор и вырезаешь шпунт на одной доске и паз в другой, таким образом укладывая пол. Каменщики придерживаются одного и того же плана, так же как и известежигатели*, и в итоге по завершению все это превращается в отличную работу. Находчивость этих людей просто поражает. Если нам нужен был новый котел, наш кузнец запрашивал чертежи и изготовлял его. Если мы хотели преобразователь, наш механик его делал. В нашей части мира фраза *ex nihilo nihil fit*** не является правдой. Ты начинаешь с нуля, а в итоге получаешь гармонику или преобразователь, как угодно вашему вкусу. Однажды я увидел человека, резавшего овцу, и беспечно сказал ему:

– Сегодня у вас будет хороший ужин.

– Глупости, – ответил он, – я делаю пару сапог.

– Конечно, – произнес я, – какой я глупый, из кожи получатся хорошие сапоги.

– Так сапоги не делают, – и он посмотрел на меня с удивлением и жалостью. – Нужно взять внутренности овцы и вытянуть их в тонкие нити, как струны домбры, и с их помощью чесать шерсть, а потом делать войлочные башмаки,

* Работник, чья задача заключалась в обжиге известняка для получения извести.

** Латинское выражение, буквально означает: «из ничего не происходит ничего».

как эти. Я сам их сделал, – сказал он, указывая на пару войлочных калош на своих ногах.

Точно так же казахи необычайно искусны в своем ремесле. Их община начинается с верблюда, овцы, вола и лошади, и на основе этих ресурсов, в пути своих странствий по степям, они развивают свои юрты, одежду, вышивки. Для нас, привыкших к машинному производству и готовой одежде, удивительно видеть, как эти же результаты могут достигаться умелыми руками без использования техники, и как можно достичь высокого уровня комфорта при минимальных затратах. После того, как мы пренебрежительно избавились от старых конских лебедок для подъема руды или воды из шахты и установили красивые, отлаженные клетки, нам так и не удалось снизить наши затраты до уровня, который был до этих перемен. Возможно, когда-нибудь в нашей старой стране «ручной работы» будет построена железная дорога, но я сомневаюсь, что она будет дешевой. Наша стандартная стоимость перевозки составляет от восьми до девяти долларов за длинную тонну для всех классов грузов на расстояние в четыреста восемьдесят миль. У русских существует старинная песенка, которую они исполняют, когда совместно трудятся. Она называется «Забойщики свай»*, и звучит так:

Англичанин искусен в изобретении средств,
чтобы облегчить свой труд,
Создает сначала одно, потом другое,
Но когда труд становится тяжелым, наш сын земли
Тянет дуб матушки-России.

Припев

Эй, ты, верный дуб! Лилелю!
Эй, ты, листопад! Она уходит!
Она уходит!
Так что тяните все! Эй, тяните все! Лилелю!

* Не удалось найти оригинальный текст песни на русском, поэтому здесь приведен ее подстрочный перевод с английского языка.

Это было вдохновляюще – слышать, как русские поют эту песню. Они так любят ее петь. Когда я их слышал, мне всегда казалось, что они выражают неизбежную судьбу труда всего человечества: когда одна свая забита, надо забить следующую, и работа эта вечная, без конца. Музыкальные гармонии песни светлы в своей глубине, овеяны красотой и грустью минорной тональности. Труд, поэзия и музыка – вот из чего состоит русский язык. Поет ли он «Господи, помилуй» в своей церкви, или подпевает своим товарищам по работе, забивающим сваю, или воспевает своего коня, чтобы тот быстрее нес его по длинной дороге – музыка одна и та же, человек один и тот же.

Эта жизнь бесконечного труда, переплетенная с яркими нитями музыки, поэзии и танцев, приятна. С детской верой в Бога и простотой ребенка, живущей в душе и теле человека, Россия уникальна. В мире существует много стран с простыми и грубыми условиями жизни, но ни одна из них не сравнится с Россией в сохранении этой душевной простоты. Если вы хотите понять их, вам следует отказаться от устаревших форм, в которые были закованы ваши западные мысли. Если вы возьмете на себя труд разобраться, это того стоит. Вы обнаружите, что большой бородатый мужчина, обладающий огромной физической выносливостью, подобен ребенку в своем несознании себя, отсутствии условностей, подчинении импульсам, ясной прямоте мысли и любви к первичным проявлениям природы. Он жалок, подобно ребенку – счастливому от бессознательной радости, но, как и ребенок, он смутно осознает неразрешимую тайну жизни и трагедию человеческих усилий, подобную прометеевой. Несмотря на благородство и чистоту взгляда, характерного для детей, им легко управлять. Русская толпа, как трагический образ, слепо следует за различными лидерами, подчиняясь направлению, в котором ее ведут. Поэтому в Думе преобладает единогласие в большинстве голосов.

Но это не эссе о русском народе, и я должен вернуться к нашей истории.

Таким образом, перед нами встала неотложная задача привлечения значительного количества технически подготовленных рабочих, если мы стремились завершить строительство нашего медеплавильного завода в разумные сроки. Мы осознавали, что трудности, связанные с привлечением такого объема неопытной рабочей силы, а также с их размещением, питанием и обеспечением заботой о них и их семьях, станут самой сложной частью нашей задачи.

Мы отобрали лучших людей в качестве вербовщиков и направили их в различные районы вдоль железной дороги. Каждый из них получил инструкции по обеспечению выполнения своей квоты людей нужного класса.

Все было готово, я отправлялся в Лондон, и должен был вернуться только в июне. Выходя из поезда в Петропавловске, заметил, что персонал нашей конторы был встревожен. Наш поверенный очень хотел, чтобы я не задерживался. Он оформил все необходимые почтовые поручения, тройка ждала у дверей, а мой доверенный слуга-казах стоял на ящике.

– К чему такая спешка? – спросил я. – Разве я не могу насладиться немного вашими прекрасными речными раками, попробовать мяса и рассмотреть ваши счета и медные запасы?

– Да, ваша честь, можете, – ответил доверенное лицо Порфирий Васильевич, – но я рекомендую вам начать немедленно. До меня доходят тревожные слухи с завода. Новые рабочие не похожи на прежних. Агитаторы кормят их порочными идеями. Им морочат голову. Им говорят, что они могут заполучить то, что желают, достаточно просто взять это силой. Особенно я опасаюсь томской артели: она состоит из отчаянных людей из Томска, тех самых, что напали на правительственное здание и несколько недель держали город в страхе. Этим людей не следовало нанимать на работу. Они ищут не работы, а грабежа. И готовы пролить кровь, чтобы получить желаемое. Слухи, которые доходят до меня из рабочего коллектива, заставляют меня беспоко-

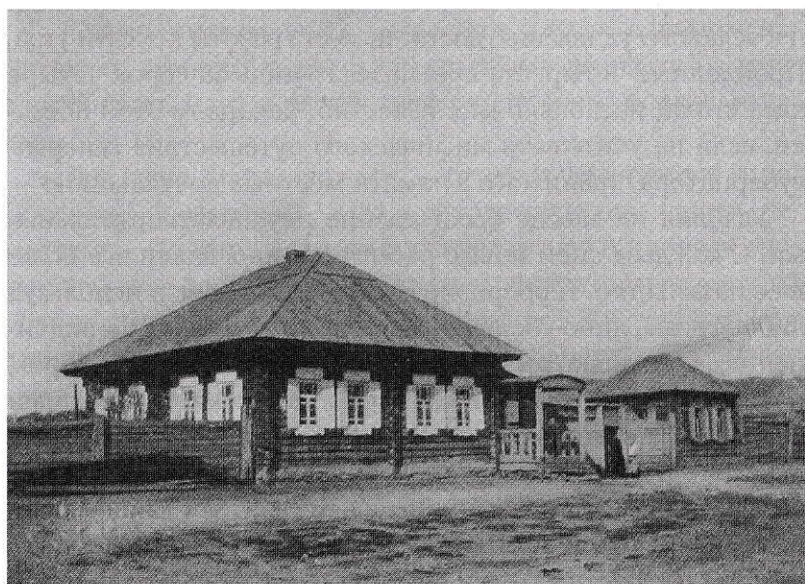
иться. Я рекомендую вам, ваше благородие, уехать без промедления.

Мы тут же заняли свои места в карете. «Айда!» – воскликнул погонщик, и наша карета пустилась в обычный галоп. Мы пересекли железную дорогу и помчались на юг. Решено было делать остановки лишь на запасных станциях, чтобы не терять время на смене лошадей. Если мы совершали остановку, то лишь на тот период, который требовался для смены лошадей. При наличии кипящего самовара мы наслаждались чашкой чая, в противном случае продолжали путь без него. Погода благосклонно располагала к скоростному движению: ясное небо, хорошо ухоженные дороги. Задержек на почтовых станциях не возникало, поскольку мы пользовались услугами частных почтовых лошадей, и наше присутствие на дороге было широко известно. Один этап пути в двадцать шесть и три четверти мили мы преодолели за два часа. Всю ночь и весь последующий день мы продолжали движение, а на рассвете второго дня остановились у реки Нура, воспользовались возможностью для купания и к великому удивлению достигли места работы к десяти утра. Пройденные четыреста восемьдесят миль за сорок четыре часа стали, насколько мне известно, рекордом этой поездки, если не учитывать мифического путешествия генерал-губернатора, хранимого в памяти местных почтальонов.

Условия на заводе были крайне неудовлетворительными. С каждым днем новые работники проявляли все большее нахальство, терроризируя старших коллег и используя либо угрозы, либо убеждения для принуждения их к подчинению. Они ловко выявляли все слабые места в договорах, некоторые из которых были небрежно составлены нашими доверенными лицами при найме персонала. Оказав воздействие на местные власти, они довели их до состояния бездействия, и стало ясно, что представители закона в нашем округе готовы пожертвовать каждым долларом, находящимся в распоряжении компании, ради избежания конфликта с такими настойчивыми противниками.

КАЗАХСКИЕ ВСАДНИКИ

РУССКИЙ ПОЧТОВЫЙ ДОМ

Даже некоторые из наших прежних друзей, которые должны были поддерживать нас открыто, колебались или высказывались в пользу мятежников. Наш старый приятель, доктор, который раньше громогласно объявлял о победе социал-демократических принципов во время забастовки на медном руднике, теперь открыто стал сторонником этих бунтовщиков. Новый священник, в свою очередь, сам стал источником серьезных разногласий, ибо он провозгласил Христа первым социалистом. Иными словами, они захватили контроль над производством и отреклись от власти. Самым мощным оружием в их арсенале, примененным с разрушительным эффектом, стало условие их соглашения: восьмичасовой рабочий день и двойная оплата за сверхурочную работу. Им удалось добиться такого контроля над системой, что они бездельничали восемь часов с шести до двух, а затем еще четыре часа, получая компенсацию в размере двухдневной заработной платы за один крайне неудачный рабочий день. Они также успешно использовали другие выявленные ими недочеты в плохо составленных соглашениях. И поскольку аппетит приходит во время еды, ситуация становилась просто невыносимой.

Я посетил новый завод, где возводили огромную подпорную стену, и, безусловно, это выглядело впечатляюще. Позже мы обнаружили, что наши доверенные лица были обмануты чиновниками в Томске. Местные власти узнали о том, что наши агенты искали рабочую силу, и решили избавиться от нежелательных лиц, свалив их на нас. Наши скромные доверенные, поглощенные заботой и вниманием высокопоставленных чиновников, оказались легкой жертвой их уловок.

Ситуация была столь критичной, насколько это только возможно, и путь впереди казался мрачным, но стало ясно, что первым и главным шагом, который необходимо предпринять любыми средствами, – это взять бразды правления в свои руки и самостоятельно управлять каретой, полага-

ясь на тот случай, который, возможно, подкинет нам удача. Поэтому, по окончании рабочего дня, я опубликовал объявление о том, что впредь сверхурочные работы не будут разрешены, за исключением случаев крайней необходимости. Когда на следующее утро они увидели эти объявления, к нам явилась делегация и выразила свое недовольство:

– Хотя мы заметили объявление об отмене сверхурочных, сообщаем вам, что мы намерены работать ежедневно по четыре часа сверхурочно.

– Больше никаких сверхурочных, – отрезал я.

– Но, – сказали они, – Павел Дмитриевич, управляющий, по доверенности разрешает нам работать сверхурочно.

– Так пусть он вам за это и платит. Я не буду.

– Когда наша артель узнает сегодня вечером, что вы отказались платить нам сверхурочные, они придут и заставят вас их заплатить.

– Это не в их власти, – ответил я.

– Вот увидите.

Через несколько минут к нам приехал русский управляющий и стал умолять меня не предпринимать столь неудачного шага. Он убеждал, что работники в настоящее время продуктивно трудятся, что условия их соглашений включают сверхурочные, что мы бессильны противостоять такому числу и таким людям, и что нам всем грозит неизбежная гибель и так далее.

Приходит пристав или агент полиции и настоятельно рекомендует подчиниться. Он предполагает, что, согласно их договоренностям, на стороне работников право, что наступили трудные времена, что важно избегать любого повода для конфликта, поскольку последствия могут быть чрезвычайно серьезными.

Подсчитав наши силы, я обнаружил, что меня поддерживают три наших англичанина и один русский, небольшой по рангу чиновник, но верный друг, Петр Сергеевич. Русский управляющий представлял собой студенистую массу, очень ненадежную опору. Хотя он мог бы открыто выступить на

стороне рабочих, он хорошо понимал, что такой шаг приведет к его быстрой отставке.

Наш дом стоял на ровной террасе, и на рассвете следующего дня я услышал снаружи шорох шагов. Мужчины собирались: сначала маленькими группами, затем объединяясь в более крупные. Их беседы звучали неприятно, и голоса не доставляли радости своим звучанием.

Вошел Петр Сергеевич.

– Вам лучше готовиться к встрече с мужчинами. Я останусь с вами, вам понадобится любая поддержка.

– Спасибо, Петр Сергеевич. Позовите Дункана и Герберта, поторопитесь, нельзя терять времени.

В нашем доме имелась просторная пустая комната, и мы переждали там бурю. К шести часам на террасе собралась шумная толпа, и в помещение, где мы ожидали, ворвалась дюжина мужчин, за которыми последовали все, кто мог протиснуться внутрь. Толпа была настолько густой, что нас отгеснили в дальний угол комнаты. У всех этих людей не было ни одного приятного выражения лица. Я тут же спросил, почему они не находятся на работе.

– Верните нам наши сверхурочные! – кричали они.

– Нет, больше никаких сверхурочных, – решительно ответил я.

На это вся комната вскрикнула, и было трудно разобратить, что именно они говорили. Но в целом они выражали протест против того, что мы нарушили соглашение с ними, и поэтому мы должны немедленно выплатить им за весь сезон работы, обеспечить транспорт до их домов и бесплатное питание до момента, пока они не будут готовы возобновить работы.

Мы стояли в небольшой группе в дальнем углу комнаты, спиной к стене, а толпа обступила нас, создавая небольшой круг вокруг.

Сначала я пытался их образумить, но мои усилия оказались тщетными – они лишь кричали в ответ. Время от времени взволнованные люди прорывались сквозь толпу,

трясли кулаками, требовали деньги и орали, пока другие не отталкивали их назад, чтобы могли кричать уже сами. Я отказался от попыток умиротворить из – напрасно пытаться уgomонить массу, когда она в ярости. К обеду шум стих, и к нам подошли пристав и русский управляющий, умоляя нас уступить. Но помимо политических вопросов в нас пробудилось упрямство. Невозможно провести шесть часов перед вопящей, улюлюкающей толпой, с направленными в тебя кулаками, и не превратиться в «кого-то», и у нас это приняло форму упрямства. После ужина они напали на меня с еще большей силой и яростью. Во время короткого затишья я объявил им о нашем решении: во-первых, что все они уволены, во-вторых, что мы отправим их домой при определенных условиях, о которых нет необходимости рассказывать.

Я осознал, что эти предложения вызовут настоящую бурю, но необходимо было провести решительную черту, встать на борьбу, и чем раньше, тем лучше. В течение нескольких часов, весь долгий и утомительный полдень, мы стояли, спиной к выходу, встречая взгляды разъяренной толпы, при том что терраса была переполнена до предела. Минутное ослабление могло привести к настоящей катастрофе, но, наконец, наступила милосердная темнота, и голод рассеял толпу.

В течение всей ночи толпа бродила по улицам, вопя такие фразы, как: «Мы залили улицы Томска кровью, кто посмеет нам противостоять?», «Мы режем проклятых иностранцев на мясо» и так далее. Наши дружелюбные рабочие оказались в отчаянном меньшинстве, и мы решили временно закрыть заводы, чтобы избежать ненужных оскорблений в их адрес. Однако мы приложили все усилия для организации охраны, и ночь прошла без происшествий.

На следующий день, с первыми лучами солнца, вновь разразилась буря, и наш небольшой угол в приемной стал центром шторма. Однако теперь мы чувствовали себя в безопасности. Мы предприняли необходимые меры, и агрессоры знали, что они побеждены. К полудню они начали вести

разумный разговор, и к вечеру мы достигли соглашения об условиях перемирия. На следующий день мы начали арендовать повозки для их вывоза, и день за днем агитаторы покидали завод – сто человек в один день, двести на следующий и так далее.

После того как недобросовестные работники покинули помещение, завод восстановил свою деятельность. Тем не менее, мы решительно отказались принимать обратно наших пожилых коллег, которые присоединились к этим бунтарям, и в них проснулось чувство сожаления. Они начали осознавать, что допустили серьезную ошибку. И вот однажды представители этой группы обратились ко мне:

– Барин, – произнес плотник Дмитрий, – новые работы продвигаются очень медленно.

– Да, – подтвердил я, – вы все отказались работать, и, конечно, мы все страдаем от вашей глупости.

– Да, барин, мы поступили очень глупо. Но Иван Константинович из Томской артели уверял нас, что за один день работы мы можем получить двухдневную плату, и мы ему поверили.

– И теперь ты видишь, насколько ты ошибся.

– Да, теперь мы все это ясно видим. Но вы, барин, не откажетесь же принять нас обратно, ведь у вас не идет работа?

– Нет, вы уволены. Вы принесли массу проблем на завод, и теперь вам следует вернуться в Малороссию.

– Ладно, если барин так решил, мы уйдем. Но мы вернемся рано следующей весной.

– Нет, не вернетесь. Ни один из вас больше не будет здесь работать.

– Ох, барин, не говорите так грубо. Вы нам очень нравитесь, и нам жаль, что мы послушали этих томских негодяев. Мы все вернемся в следующем году, и, надеюсь, вы примете нас обратно.

– Нет, ты больше здесь не будешь работать.

– О, барин, мы все вернемся весной с нашими женами и семьями. Когда вы увидите, что у нас всем здесь нечего есть

и негде нашим семьям спать, мы знаем, что вы дадите нам работу. Мы верим, что вы это сделаете.

– Нет, не вернетесь, не вернетесь, не вернетесь!

– О, да, барин, мы все вернемся в следующем году. Вы нам очень нравитесь, и мы всегда будем у вас работать. А сейчас нам пора прощаться, потому что плотники закончили ремонт повозок. Барин, пожалуйста, дайте распоряжение в сенной двор, чтобы у нас было достаточно сена для укладки в повозки. Это позволит женщинам и детям чувствовать себя комфортнее. Беспokoюсь, что лошади, которых барин нанял у негодяя Токпая, выглядят очень истощенными. Пройдет еще много недель, прежде чем мы достигнем железной дороги. Мы, мужчины, можем пойти пешком, но для женщин, особенно у которых маленькие дети, это будет трудно.

– Смогут ли женщины и маленькие дети выдержать столь долгое путешествие? – спросил я.

– Мы живем под Богом, наша жизнь в его руках. Если он того пожелает, они смогут выстоять. Прощайте, барин. Когда мимо вас пройдут повозки, подойдите попрощаться с нами.

К концу дня мимо проехал длинный поток повозок. Маленькие деревянные вещицы, скрепленные деревянными кольшками, каждую из которых тянет маленькая лошадка, зарытая под огромной дугой или ярмом. Каждая лошадь следует сразу за повозкой впереди себя: когда одна останавливается, останавливаются все. Когда одна движется, они все движутся. Женщины и дети толпились в фургонах, мужчины шли сбоку.

– Прощай, барин, до новых встреч.

– Прощайте, Дмитрий Ильич, пусть дорога ваша будет расстелена перед вами, как скатерть!

Какими жалкими были эти люди, исчезающие в лучах заходящего солнца, с печалью и покорностью на лицах! А нам так необходимы были эти труженики для нашей строительной программы. Все это казалось столь излишним, но

неизбежным. И божественное сияние разума просвечивало сквозь грубые черты их лиц, когда они уходили за холм и махали нам напоследок, произнося «прощайте!»

Во всяком случае, облегчением было то, что все это закончилось, и работа снова вернулась к той рутине, которую так грубо прервали.

Через два или три дня после отъезда группы Дмитрия, я был поражен, увидев его брата Константина, двух его сыновей и двух или трех других рабочих, стоящих однажды утром в коридоре моего дома.

– Боже мой, Константин, неужели произошел несчастный случай? Где Дмитрий?

– Барин не понимает. Наша группа не уехала с Дмитрием.

– А почему?

– Отчасти потому, что наши повозки еще не были готовы, и отчасти из-за того, что Степан получил серьезное ранение в ногу топором и не мог отправиться в путь.

– Константин, я хочу, чтобы ты понял: я не могу позволить вам и вашей семье бродить по заводу, потреблять мясо и муку, не зарабатывая денег. Ты должен немедленно уехать, слышишь?

– Да, слышу, но мы не можем уехать до вечера, потому что наши повозки не будут готовы к этому времени. Барин, здесь очень скучно, нам нечем заняться, пока плотники трудятся над повозками.

– Ну, если вам так скучно, почему вы не уезжаете? – спросил я.

– Вы знаете, барин, отец не может оставить сына, когда тот ранен и не может идти. К тому же, подводы еще не готовы. Да, нам действительно скучно, но если бы барин дал бутылку водки, то мы могли бы скоротать время, – ответил Константин.

– Глупости! Вы же знаете, что я не держу в доме водки, разве что по праздникам.

– Все-таки у барина, вероятно, припасена хотя бы одна бутылка в шкафу под полом.

И, чтобы избавиться от него, я пошарил в шкафу и нашел одну из больших бутылок водки, называемых «четвертинками». Глаза старого Константина заблестели, когда он увидел размер бутылки, но я сказал ему:

– Я могу отдать вам только половину бутылки, остальное я оставлю себе. Возможно, мне тоже покажется, что все скучно.

Затем перелил им половину бутылки, они взяли ее и ушли.

Ближе к вечеру Константин снова появился у меня дома.

– Боже правый, – удивился я, – ты еще не уехал?

– Еще нет, барин, но уже все готово: подводы здесь, все готово к отъезду. Степан просит вас зайти к нему попрощаться.

И вот я направляюсь к тому месту, где стоят повозки, и маленькая группа мужчин протягивает мне руки, прощаясь, заставляя меня пожать руки детям. Наконец, я вижу Степана, сидящего в одной из повозок, с ногой, перевязанной окровавленной повязкой.

– Прощай, Степан. Мне жаль, что у тебя так сильно болит нога.

– Ничего, барин, – сказал Степан, – но я не могу идти. Прощайте, мы все вернемся весной!

У меня не хватило духу спорить с ним, и я просто сказал:

– Прощай, Степан, да пребудет Бог с тобой и твоей семьей.

Трещали кнуты, скрипели повозки, небольшая группа всадников медленно удалялась и исчезала за холмом. Я поспешил прочь и направился к дому. Мне было жаль видеть, как столько порядочных людей покидают нас, ведь мы так нуждались в них. Но это было неизбежно, и я почувствовал облегчение от того, что все закончилось. Сев за стол, я начал перебирать планы новых работ, но вскоре мои мысли ушли в сторону. Снаружи послышались шаги.

– Барин, – раздался голос снаружи.

– Как бы мне хотелось, чтобы меня не беспокоили хотя бы пять минут!

Я подошел к двери, и, к моему изумлению и досаде, там стоял Константин с головным убором в руке.

– Константин, – закричал я, – какого дьявола ты здесь делаешь? Уходи немедленно!

– Барин, не сердитесь. Вы знаете, я говорил вам, что отец никогда не должен разлучаться с сыном. Точно так же, барин, одна половина бутылки водки никогда не должна быть разлучена с другой. Не отдадите ли вы нам вторую половину той бутылки, которую вы подарили нам сегодня утром?

Я смирился с неизбежным и достал из шкафа остатки водки.

– Теперь, Константин, – произнес я, – возьми ее, и если я еще раз увижу твое лицо, я позову пристава и арестую тебя.

– Прощай, барин! – старик зашаркал прочь и исчез за холмом, в направлении скрипящих повозок.

– Прощай, отец! И прощай, сын, – сказал я себе и вернулся к своим делам. Следующей весной, как и было обещано, они все вернулись.

ПАСХА

Кирилл Иванович Фалалей – так звали нашего сельского священника.

В нескольких словах невозможно определить глубину души народа. Самое большее, что можно сделать, – это бросить несколько лучей света на определенные тропы, по которым она движется, и, возможно, указать на некоторые мотивы, побуждающие ее следовать тем или иным путем. Читатель, при желании, может попытаться систематизировать эту информацию и выразить ее формулой в своем сознании. Однако мудрее будет, если он оставит это дело и насладится моментом, вдыхая аромат цветов, которыми усыпан путь его исследования, не настаивая на строгом определении запутанных углов этой души. В самом деле, если вы стремитесь к глубокому исследованию, то какой инструмент в руках различных наблюдателей, сможет направить их к общей цели, когда они пытаются следовать по запутанному пути души в лабиринте человеческих желаний и мечтаний? Каждый изгибает инструмент под влиянием своего характера: для одного этот путь ведет к божественному присутствию, для другого – к гибели, а для большинства он теряется в тумане таинств.

Тем не менее, никто не может взаимодействовать с русским народом, не испытывая глубокого впечатления от сил, связывающих его с религией и церковью. Происходит ли это из-за мистического качества, присущего русскому уму,

или из-за отцовской заботы правительства о том, что является причиной, а что – следствием, на эти вопросы, вероятно, ответит каждый в соответствии с тем, каким образом он рассматривает данное явление.

Несомненно, все наблюдатели согласятся с двумя ключевыми аспектами: во-первых, с детской верой русского человека в Бога; во-вторых, с кратковременным патернализмом, который сопровождает каждый его поступок. Писателю кажется, что русская форма патернализма источает свою силу изнутри, а не извне. Она происходит не столько из стремления власть имеющих контролировать действия масс, сколько из желания последних переложить ответственность за свои поступки на плечи других, кроме своих. Духовно они полагаются на Бога, а практически – на кого-то, кто стоит выше, чем они сами, в роли руководителя. Логический вывод: власть Бога во всем духовном и власть государя (или царя) во всем мирском.

Более того, это различие между духовными и физическими потребностями человека является проявлением нашего западного мировоззрения. У русского человека духовное тесно связано с физическим, и следует отметить, что физическое не находится слишком далеко от духовного. Присутствие Бога – это вечно живая идея в его уме, и служение Его церкви так же естественно для него, как и любая другая физическая функция. Бог для него не является отдаленным существом, к которому он может обратиться в случае необходимости, которое может радоваться или злиться, и которое прерывает или направляет его личные дела. Он – первоначальная сила, побуждающая все двигаться, сила, которая заставляет зерно прорасти, а солнце восходить, и которая, в свое время, уложит его под землю. Бог – это космическая сила, перед которой он наклоняет голову и поклоняется. Он признает эту силу в каждом простом жизненном действии. Если он направляется на работу, он проходит через церковь и кланяется Божеству. Если он принимает пищу, он сначала склоняется перед Его изображением. Если он входит в ваш

дом, он должен сначала перекреститься под иконой в вашей комнате, прежде чем приветствовать вас. Он рассматривает Церковь как символ Его власти, а священника – как посредника между ним и Богом. Между священником и мирянином нет никаких личных отношений. Сам по себе священник не важен, он лишь инструмент божественной силы. Может быть, он и шатается от водки, когда возносит крест, но это ничто для прихожан, которые видят не священника, а лишь таинство, вестником которого он является. Меркурий подворовывал, но он, тем не менее, нес послания Юпитера*.

Бывшие владельцы наших рудников принадлежали к старой школе екатеринбургских рудокопов на Урале, людям весьма благочестивым, и за много лет до нашего приезда они построили церковь. Это была симпатичная маленькая церковь, очень красиво украшенная внутри и стоящая на самом высоком месте в окрестностях. Когда генерал-губернатор или другие высокопоставленные лица прибывали на завод, они всегда сначала заезжали в церковь и воздавали почести Богу, а затем ехали в деревню, где мы их ждали, держа в руках традиционный хлеб и соль, что символизировало гостеприимный прием жителей деревни. Вступив во владение собственностью, мы пошли по стопам наших предшественников и всячески помогали поддерживать церковь.

Кирилл Иванович Фалалей был человеком удивительной внешности, напоминавшей образ Христа, подобный тому, который пытаются передать нам тирольские крестьяне в представлениях Страстных пьес**. Черты его лица были не-

* Юпитер – верховный бог, Меркурий – бог торговли в древнеримской мифологии.

** Страстная пьеса, или Пасхальное представление, представляет собой драматическое произведение, изображающее Страсти Иисуса Христа: его испытания, страдания и смерть. Почти все эти страстные пьесы имеют определенное отношение к тирольским пьесам, часто базируясь на традициях, заложенных в пьесе «Тирольские страсти», созданной в период с четырнадцатого по пятнадцатый век. В Тироле страстные пьесы получили тщательное развитие. Тироль – историческая область в Центральной Европе, расположенная в восточной части Альпийских гор. Она включает в себя федеральную землю Тироль в составе Австрии и автономную область Трентино-Альто-Адидже в Италии, которая в свою очередь состоит из автономных провинций Больцано и Трентино.

обычайно тонкими, волосы тициановского рыжего оттенка рассыпались по плечам, а его большие голубые глаза смотрели глубоко и мечтательно. Кроме того, он был казаком, отличным наездником и спортсменом, а также страстным любителем выпить. Его домашняя жизнь не была безупречной, но, как я уже упоминал, личность русского священника часто оказывается вне зависимости от его священства. После его ухода у нас быстро сменились два священника: социалист Протопопов и Тимофей, человек тихий и образованный. Тем не менее, я сомневаюсь, что любой из них смог бы сравниться с успешностью дикого казака Фалалея в священнической деятельности. Он, помимо прочих талантов, обладал еще и музыкальными способностями: был прекрасным певцом и поклонником музыки, особенно русской церковной. Для нас откровением стало услышать, как он исполняет «Волгу-матушку». Как и все русские, он любил минорную гамму, и мелодичные гармонии Бетховена были ему не нравились. Помню, как однажды вечером, во время исполнения «Пасторальной симфонии», он в сильном волнении поднялся и стал умолять исполнителя прекратить играть в мажорном ключе, потому что такая музыка сбивала его с толку.

Он был одним из ведущих голосов среди тех, кто обычно приходил к нам в дом в субботний вечер. Гости, с полдюжины человек, собирались у нас на ужин, и после трапезы начинал петь один, присоединялся другой, а затем все вместе. Пение то нарастало, то спадало, пока старый день не сменялся молодым. За всю свою жизнь я не помню более впечатляющего момента, чем когда певчий хора Федор Ильич исполнял замечательные строки Пушкина: «Я помню чудное мгновенье». Федор Ильич был огромным крепстьянином, в высоких сапогах и с синей хлопчатобумажной рубашкой, перетянутой на талии шнуром. Его религиозная преданность тесно переплеталась с любовью к музыке, и его величественный голос наполнял пространство словами из его любимой песни. Возможно, он стал прототипом

брата-мирянина, который переправлял монахов на пароме в рассказе Чехова «Святою ночью».

Приближался Великий пост, и мы решили устроить прекрасную службу в ночь перед Пасхой. Русский Великий пост – это настоящий сезон самоотречения. Мужьям нельзя было целовать своих жен, прикасаться к мясу, употреблять молоко, масло или яйца, и, конечно же, воздерживаться от водки. По мере приближения к Страстной неделе правила становились все строже, осторожные – более строгими, небрежные – более сдержанными, а в саму Страстную неделю самоограничение приобретало почти аскетичные черты. Они берут на себя необычные обязанности: женщины ухаживают за домом, мужчины заботятся о внешней части, а подготовка к пасхальному празднику продолжается до поздней ночи. Ведь для них «пир», который дошел до нас только как слово, становится настоящим праздником. Какие усилия вкладываются в приготовление! Тщательно готовятся блюда из рыбы и мяса, а пасхальные куличи возвышаются величиной в два фута, маня своим видом искушенные воздержанные рты. Каждый вечер собирается хор и занимается репетициями музыки для службы года.

В то время как православные русские готовились к пасхальному празднику через воздержание, пропитанное духом мистической преданности, мы наблюдали, как казахи-мусульмане формально готовятся к своему большому празднику. Как и христиане, но с акцентом на практичность, а не на идеализм, мусульмане приняли прекрасную практику периодического поста. Нам он известен как месяц Рамадан, но казахи называют его ораза. Период поста – подвижный, каждый год начинается позже, чем предыдущий. В течение одной луны казахам запрещено прикасаться к еде и питью с восхода до заката солнца. Когда пост приходит на короткие зимние дни, период воздержания от восхода до заката оказывается невеликим. Но в течение долгих жарких летних дней казахи, работающие у печей, переносят истинное испытание, поскольку в течение четырех недель они

трудятся без еды и воды. Как горбы дромадера становятся хромыми и дряблыми после долгой работы без еды, так и бедные казахи, трудясь у раскаленных печей, теряли большие силы по мере продолжения поста. Вероятно, Магомет не предвидел подобного труда, когда вводил столь строгий режим. Одно дело – сидеть у дверей своей юрты и наблюдать, как солнце проходит по небу, и совсем другое – работать у раскаленной медью у печи.

Казахский пост не имеет определенной даты окончания. Когда на западе неба появляется новая луна, пост заканчивается, но не раньше. Если небо пасмурное и луна не видна, они должны продлевать свой пост изо дня в день, пока не увидят вечером полумесяц и не получат освобождение. Поскольку их система распространения знаний очень несовершенна, а «Маркус Уорд»* не опубликовал ни одного казахского календаря, их незнание точного времени появления луны вызывает жалость. Рядом с плавильным заводом был естественный уступ, выходящий на запад, и здесь, за два-три дня до наступления окончания поста, казахи собирались к закату, тщетно ища долгожданный знак своего избавления. Когда небо темнело, а луна не появлялась, они устало отворачивались и шли вниз по склону. В Страстную пятницу в русской церкви начинается служба, которая практически не прекращается до часа Воскресения. История распятия и смерти Христа частично разыгрывается, а частично рассказывается и поется. В течение всей субботы тело Христа лежит на одре перед алтарем, и благочестивые верующие обходят его, целуя лоб своего распятого спасителя. По мере приближения вечера субботы, толпа начинает собираться, и мы вместе с ней направляемся к небольшой церкви на холме, обращенном на восток. По пути мы проходим мимо площадки, где казахи обычно собираются, чтобы молча наблюдать за долгожданным знамением. Как близко друг к другу в этой

* Marcus Ward & Co. – ирландская издательская компания. В 1860-х годах начала массовое производство календарей и поздравительных открыток.

далекой пустыне расположены эти два холма, и какая непроходимая пропасть разделяет их!

На одной стороне – мусульмане, обращающие свой взор на запад, чтобы увидеть бледный свет своего полумесяца, а на другой – христиане, смотрящие на восток, чтобы уловить восход своей звезды. Резкая грань проведена между ними, и все же, какая крепкая связь объединяет их, если бы они только знали об этом!

Мы входим в церковь и покупаем свечи: большие – чтобы поставить их в подставки перед образами святых, маленькие – чтобы держать в руках.

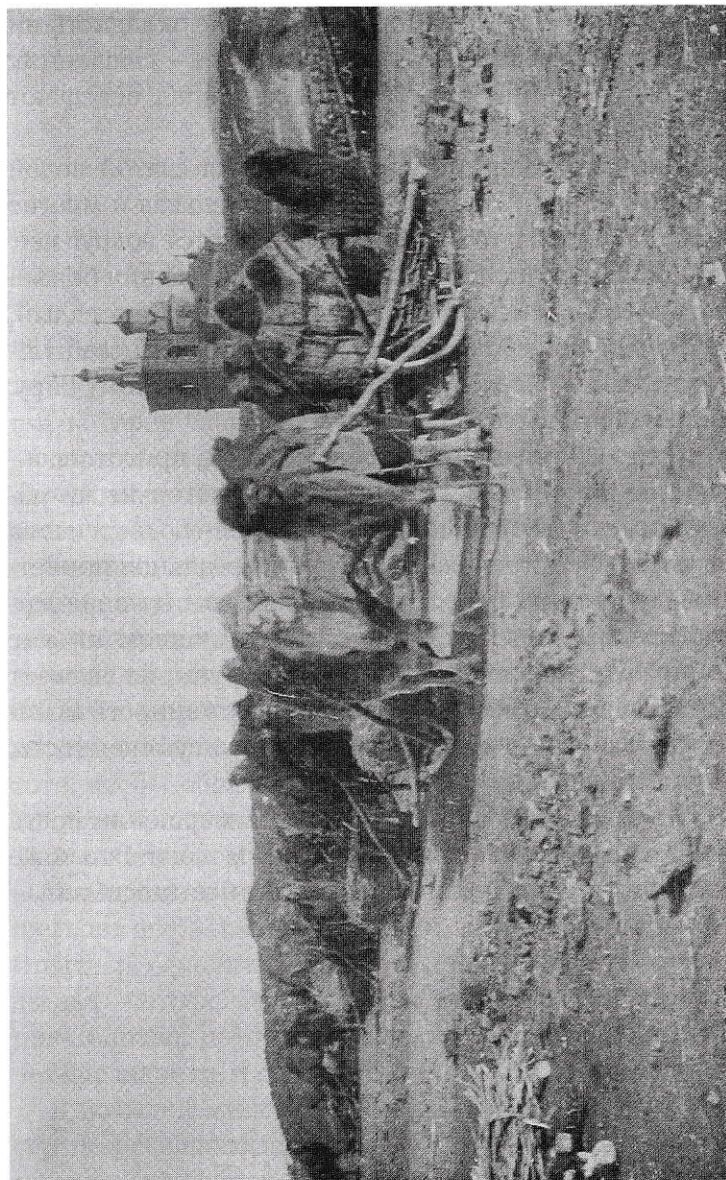
Служба продолжается.

Часами мы стоим, а новые толпы продолжают прибывать, пока церковь не наполняется до отказа. Каждый зажигает свою лампадку, и давка настолько велика, что приходится держать ее над головой, чтобы не задеть соседа. Пение хора то поднимается, то опускается, глубокий голос певчего разносится по зданию, а непрекращающееся «Господи, помилуй!» завораживает своим бесконечным повторением. Эта музыка не похожа ни на что, кроме самой себя. Те, кто слышал ее, знают ее силу и пафос. Ближе к полуночи пение прекращается, наступает глубокая тишина, пока тело Спасителя несут за алтарь. Тишина напряженная. Маленькие огоньки светятся, как звезды в золотой волне, наполняющей церковь. Здесь царит абсолютная неподвижность.

Христос воскрес! Звонят колокола, стреляют пушки у церкви. Из-за алтаря выходит процессия со священником в роскошной рясе из белого и золотого полотна, несущим пустой гроб. Она проходит по церкви и выходит в звездную ночь, в то время как колокола звонят от радости, а пушки дают залп за залпом.

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Когда священник возвращается после своего триумфального шествия, он замечает, что люди собрались в круг и стоят на коленях на полу. Женщины выступают впереди, одетые в яркие красные и синие одежды, с вышитыми плат-

ЦЕРКОВЬ НА ХОЛМЕ
Караван из верблюдов отправляется с завода в Петропавловск

ками на головах. Они держат перед собой хлеб и куличи, которые так долго готовили и ожидали, чтобы Бог благословил их и их семьи. За ними стоят мужчины, с окладистыми бородами, прямыми и серьезными; в центре – священник и церковный певчий. Сотни восковых лампад освещают сцену мягким, таинственным сиянием.

Священник проходит по кругу, окропляя святой водой приготовленную еду. А так как церковь маленькая и многие внутри не поместятся, то остальные собираются вокруг нее. Каждый преклоняет колени, ожидая благословения божьего на свой хлеб. Затем все расходятся по домам, где каждый, вместе со своей семьей, преламявает освященный хлеб. После этого все готовы к следующим визитам и веселому пиру, который обычно следует за этим событием.

Наш дом до отказа наполнен горами блюд, приготовленных в последнюю неделю, а бутылки с алкогольными напитками всех оттенков наполняются, наполняются и снова наполняются. «Христос воскрес!» – универсальное приветствие между хозяином и гостем, работником и начальником. Это красиво и демократично, пока слишком многие не перебирают с напитками. Но пьянство, увы, не уважает даже воскресения Христова. Конечно, сдержанность и минорная тональность всегда красивее, чем неумеренность, исполненная в мажоре.

Точно так же мусульмане отмечают завершение поста пиршеством из вяленого мяса и кислого молока. Это тоже не самое приятное зрелище, а запах стоит невыносимый.

ПРОСТОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Если вы учились в западном мире, то, скорее всего, считаете сложение чисел простейшим арифметическим действием, которое заключается в том, чтобы разложить цифры в упорядоченную колонку и затем сложить их. Но стоит вам пересечь российскую границу, как вы сразу же заметите, что у каждого, кто имеет дело с цифрами, под рукой есть небольшая деревянная рамка, через которую перекинута тринадцать проводов. На каждой проволоке нанизаны маленькие деревянные шарики, которые свободно перемещаются по проволоке. На десяти верхних проволоках шарики белые, а на двух нижних – черные. Тринадцатая проволока между белыми и черными шариками служит лишь для того, чтобы обозначить разделение между двумя цветами. В России белые шары обозначают рубли, а черные – копейки. Такие счетные доски распространены повсеместно. Если вы совершаете несколько покупок в магазине, ассистент щелкает шариками туда-сюда и зачитывает сумму с доски. Опытный офисный служащий никогда не скажет, что дважды два – четыре. Он берет свою доску и отбрасывает два шарика вправо, потом снова два, затем замечает, что у него четыре шарика, и объявляет итог.

В большой кассе или банке привычным звуком является стук щелкающих шариков, так же как характерным зрелищем – присутствие служителя, постоянно прохаживающегося между рядами служащих и раздающего им стаканы с чаем.

Счетная доска – это китайское приспособление, принятое еще до появления цифр и сохранившееся впоследствии благодаря традициональности Востока. Русские переняли его, так же как и многие другие восточные обычаи и представления.

Удивительно, насколько быстро и точно опытный человек может манипулировать шумными, проворными шариками, что характерно для процессов, где активно задействованы человеческий мозг и пальцы. Опытный служащий английского банка может одновременно управлять тремя колонками фунтов, шиллингов и пенсов. У счетной доски есть одно очевидное преимущество: если служащий прерывается в сложении ряда цифр, итог сохраняется на счетной доске до тех пор, пока он не будет готов возобновить работу. Однако, вполне очевидно, что хорошо подготовленным людям лучше воспользоваться карандашом, а не счетной доской, в то время как некомпетентные люди, возможно, смогут лучше работать с использованием счетов, чем без них. В любом случае, их использование может вызывать прискорбную небрежность и неопрятные привычки в бухгалтерском учете, что, безусловно, представляет собой нежелательный результат.

В нашей конторе это стало источником добродушных шуток между нашим английским бухгалтером, который отлично разбирался в цифрах, и русскими счетоводами. Таким образом, его восторг по поводу неопытности русского кассира, о котором пойдет речь в конце этой истории, был безграничен.

Суть этой истории такова. На нашем заводе находился сейф, и утром пятнадцатого сентября 1905 года кассир, член Гильдии счетоводов в Петербурге, объявил, что накануне ночью сейф был похищен из конторы.

– Вчера вечером, – сообщил он, – я проверил свою наличность, и, пересчитав ее, обнаружил, что у меня около четырнадцати тысяч рублей. Я запер сейф, как обычно. Сегодня утром сейфа нет на прежнем месте, он исчез. Приезжайте

скорее, сейф весит почти тонну, грабители не могли унести его далеко.

Мы прибежали в контору, а у двери уже собралась обычная толпа праздных зевак. Кассир говорил правду: сейф исчез. Ночь была бурной. Если грабители оставили какие-то следы, то они были полностью уничтожены дождем и мокрым снегом. Через несколько минут на месте появился полицейский и тут же начал составление протокола. Сегодня протокол в России считается замечательным механизмом. Это единственная официально признанная панацея от всех человеческих бед. Если вы теряете деньги, составляется протокол. Если вас кусает бешеная собака – еще один. Если ваш сосед вторгается на вашу землю – другой. Если взрывается ваш котел – опять протокол. Всегда и везде – протокол.

Если вы не получаете утешения от этих документов, вина, вероятно, ваша, потому что они всегда принимаются всеми остальными как окончательное решение всех трудностей. Это высшее проявление гения человека, который пытается с их помощью переложить ответственность за неприятные события с себя на других. Со своей стороны мы совершенно не верили в протоколы, однако обычай и уважение к авторитетам заставляли нас терпеливо дожидаться завершения составления этого документа. Какое-то время казалось, что весь механизм протокола разрушится, поскольку кассир не мог вспомнить точную сумму наличных, которые он пересчитывал накануне вечером. Кто-то предположил, что в его книгах будет указано, сколько денег было у него до ограбления, но полицейский не стал торопиться с подобными глупыми выводами и сказал:

– Ваши книги могут показать, что у вас должно было быть. Вопрос в том, какие деньги у вас были на самом деле.

Эта идея была встречена бурными аплодисментами и, фактически, переключила подозрения бездельников на кассира. Полицейский понял, что попал в точку, и был рад предоставить такое быстрое доказательство своей замечательной проницательности.

Кассир растерялся и удалился к своей счетной доске.

После долгих проволочек протокол был закончен, и офицер ушел. Он посчитал, что его работа выполнена, и оставил нас наедине с нашими мыслями и тем, что мы могли предпринять.

Это было чрезвычайно неприятно. Едва ли не единственное действительно неприятное событие за все пять лет, что я проработал на заводе. Самостоятельное сообщество, расположенное в отдаленном уголке земли и почти изолированное от внешнего мира, приобретает черты полностью автономного организма. Идентичность его различных членов становится расплывчатой. Оно движется и чувствует себя как единое целое, и когда один из членов становится неполноценным, вся система выходит из строя. Ограбление внезапно превратило наше сообщество из живого организма в множество безжизненных фрагментов. Каждый подозревал своего соседа, и все были едины во мнении, что виноват кассир. Все были в ужасе, осознав, что исчезли деньги, предназначенные для выплаты жалованья на следующий день. Казалось, что из всего этого театрального представления ушла жизнь: служащие уныло повернулись к своим счетным доскам, и мы приступили к мерам по поиску сейфа.

Ближе к вечеру его нашли. Его хорошо спрятали в кустах у подножия холма, с открытой дверцей, вполне целым, но совершенно пустым. Несколько медных монет лежали разбросанными по земле вокруг него. Поскольку замок был в идеальном рабочем состоянии, было очевидно, что его открыли ключом. Кассир всегда носил на шее единственный ключ, о существовании которого было известно всем. Однако нелепо было предполагать, что он ограбил сейф, ведь кассир был полностью связан обязательствами со своей гильдией, а гильдия следила за своими подчиненными, как зоркий ястреб. Тогда он объявил, что по случаю своей последней поездки в Акмолинск за наличными он передал свой ключ некоему приказчику, которого мы назовем Иваном, а у этого Ивана в машинном цехе был брат. «Может

быть, не исключено, что брат-машинист изготовил дубликат ключа, воспользовавшись моментом, пока кассир был в Акмолинске?»

Конечно, такая возможность была чрезвычайно вероятной и вполне осуществимой. Таким образом, подозрения пали на Ивана и всю его семью, и его поведение лишь подтверждало их. Женщины в его семье начали появляться в новых шляпах и одежде, соответствующей последней павлодарской моде. Возникли слухи, что дядя Ивана скончался, и что он и его семья вскоре вернутся в свои дома, чтя память о родственнике. К сожалению, Иван был связан семейными узами с нашим полицейским, и нам казалось практически невозможным побудить последнего предпринять какие-либо действенные шаги для возвращения украденных денег. Даже если он и предпринимал какие-то меры, это происходило лишь после долгих споров, которые тянулись несколько дней, в течение которых Ивану предоставлялись все возможности успешно сопротивляться нам.

Мы хорошо знали, кто входит и выходит из завода, и были полностью уверены, что деньги находятся неподалеку. Мы должны были быть в состоянии найти их, если смогли бы убедить полицейского сотрудничать с нами. После продолжительных споров нам удалось уговорить его разрешить обыскать дом Ивана, и мы с полным составом отправились на это предприятие, которое было исполнено издевательств и насмешек со стороны его семьи. Мы, конечно, ничего не обнаружили, несмотря на то, что тщательно изучили каждый уголок и щель. Даже полицейский смеялся над нами, и мы, озадаченные, покинули помещение. Впоследствии мы узнали, что в булочной Марии выпекают огромные буханки хлеба. Вместе с нашими полицейскими, предупредившими нас, как обычно, за три дня, мы направились туда большой группой и вскрыли весь хлеб бедной женщины. Опять же, это был невыносимый фарс.

Так проходили дни и недели, и, несмотря на наше убеждение в том, что деньги не покинули завод, мы так и не при-

близились к разгадке этой тайны. Декабрь приближался, и мы сделали громкое заявление: если деньги не будут найдены, то не будет ни рождественских праздников, ни гуляний, ни даже водки. В этот момент лица всех работников омрачились, и у каждого появился личный интерес в раскрытии этой загадки. Тогда было решено послать за мировым судьей или судьей окружного уголовного суда.

Он прибыл вовремя, маленький щеголеватый джентльмен из Польши, путешественник, сильно отличавшийся от крупных бородатых мужчин, привычных нам. По всей видимости, его мать была француженкой, и он сам немного владел французским языком, что ему приходилось весьма по вкусу. Он постоянно нервничал и любил жестикулировать в разговоре. Мы дали ему прозвище *a la fin des fins*^{*}, потому что он использовал эту фразу после каждого предложения, подобно тому как некоторые люди говорят «вы понимаете».

Он рассказал нам, что ему тридцать пять лет, что он был активным революционером и десять лет назад был сослан в Сибирь. Он выразил благодарность за это и заявил, что у него нет желания вернуться в Россию. Он провел два года в тюрьме в Омске.

– Но, – сказал я, – как вы можете занимать должность судьи, если пробыли два года в тюрьме.

– Я не понимаю вашей точки зрения. Разве я не юрист *a la fin des fins*?

– Да, – сказал я, – но вы отсидели два года в тюрьме.

– Совершенно верно, – ответил он, – и два года после этого я не мог покинуть Омск, затем еще два года не мог покинуть губернию и, *a la fin des fins*, теперь я вполне свободен.

– Разве не было ужасно, – спросил я, – что вам пришлось оказаться в тюрьме?

– Все нет, – ответил он. – Мне разрешили продолжить юридическую практику. В дни, когда это правило действо-

^{*} С французского – в конце концов.

вало, я выходил и вносил заявления своих клиентов, рассматривал свои дела. В любой момент, когда это было необходимо, например, если у моего клиента были какие-то записи, требующие опротестования, я уходил из тюрьмы и, *a la fin des fins*, когда мои дела заканчивались, я возвращался. Мне очень понравилось пребывание в тюрьме, все было очень добро ко мне. Но, мой дорогой сэр, вы, кажется, удивлены. Пожалуйста, скажите мне, почему вы удивлены?

– Я смело признаюсь вам, мой дорогой судья, что в нашей стране двухлетний тюремный срок обычно не позволит пройти квалификацию для работы судьей.

– *A la fin des fins*, потому что ваше отношение к заключенным так не логично. Вы считаете, что человек, отсидевший срок в тюрьме, опозорен на всю жизнь. Мы, напротив, считаем, что он искупил свой проступок. Нас очень удивляет, что ваша цивилизованная страна так жестоко обращается со своими заключенными.

– Мы жестоко обращаемся с нашими заключенными! – воскликнул я. – С ними обращаются очень бережно, им предоставляют жестоко хорошее жилье, жестоко хорошую еду и жестоко хорошее медицинское обслуживание.

– Да, мой друг, за их телами, возможно, ухаживают, но души их подавлены унижением, а разум подвергается пыткам. Вашим заключенным даже не разрешают общаться друг с другом. По прибытии в тюрьму считается, что они утратили свою человечность. Вероятно, в некоторых случаях их держат в изоляции, и никогда не позволяют им видеть других людей. *A la fin des fins*, мы не можем быть такими жестокими. А теперь, когда вам будет угодно, я готов допросить обвиняемого.

В образе французского судьи он осмотрел обвиняемых, выслушал свидетелей и наш рассказ, провел длительные беседы с полицейским, и, в конце концов, заявил, что не видит причин для заключения обвиняемых под стражу. Однако он приказал им явиться в суд в установленный срок и предстать перед правосудием.

Таким образом, мы ни на шаг не стали ближе к нашим деньгам. Проходили дни, и у нас все больше укреплялись убеждения в справедливости наших подозрений: они никогда не покидали завод, Иван был главным организатором заговора, а полицейский знал каждый их шаг. Однако мы тесно окружили деревню нашими рядами, и преступникам становилось все труднее распоряжаться деньгами.

Общественное мнение тоже заявляло о себе. Всякое веселье покинуло завод, и было совершенно ясно, что никаких рождественских праздников не будет, если не найдутся деньги. Мысль о Рождестве без водки становилась невыносимой: давление на полицейского усиливалось. Вероятно, и полицейский, и преступники были в состоянии нервозности. В начале они, возможно, думали, что самое сложное — это завладеть деньгами. О том, как распорядиться этой добычей, они не задумывались.

Теперь они осознавали бесполезность денег самих по себе и видели, что риск, связанный с их хранением, с каждым днем растет. Полицейский становился все более замкнутым, почти загадочным. Он начал намекать, что вскоре все наладится, утверждал, что вышел на след преступников и уверен в успешном разрешении дела. Мы начали рисовать светлые перспективы для его карьеры, если удача улыбнется его усилиям, а также допускали финансовое вознаграждение, которое последует за обнаружением пропавших денег.

Однажды, проявив максимальную профессиональность, он извлек из кармана грубо нарисованный план, который, по его словам, нашел в коридоре больницы. Предполагалось, что это схема отдаленной части завода, на которой черной точкой было отмечено место, где, предположительно, находились деньги. Мы провели полдня в ледяной холл, тщательно осматривая землю, и вернулись промокшими до нитки и убежденными, что полицейский издевается над нами.

Двенадцатого декабря, около четырех часов вечера, полицейский сообщил нам, что обнаружил место, где, по его

мнению, находятся деньги. Уверенный в том, что мы их обнаружим, он провел нас в сгущающихся сумерках на расстояние около мили и, махнув рукой, сказал:

– Деньги лежат где-то в пределах этого круга. Следите, чтобы никто не входил и не выходил. Они спрятаны где-то здесь.

Было ужасно холодно, ветер дул сильно, и мы бродили взад-вперед в поисках сокровищ. Чем холоднее становилось, тем больше нас раздражал полицейский. В конце концов мы пришли к выводу, что он нас обманул. Мы вернулись домой, полностью разочарованные и изможденные. Мы равнодушно сидели вокруг стола, когда вдруг снаружи раздался громкий шум. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался взволнованный казах Баймагамбет, крича «Нашол, нашол!», и затем бездыханно рухнул на пол. Огромная толпа собралась у входа, и полицейский, протиснувшись внутрь, высыпал на стол мешок, полный банкнот.

На лицах всех появились улыбки. «Барин, теперь у нас будет хороший праздник!» «Барин, мне чекушку водки!» «Барин, мне три бутылки запеканки, не забудь!»

Затем начался подсчет банкнот. Каждый человек за столом получил охапку и должен был рассортировать их, а затем пересчитать. Когда все были готовы, кассир, рожденный для такой работы, записывал цифры по мере того, как каждый зачитывал свой список. «А теперь, пожалуйста, господин кассир, будьте добры, сложите все это».

– Где у вас счетная доска? – спросил кассир.

Мне пришлось виновато признать, что у меня ее нет.

– Нет счетной доски? – резко возразил он. – Как я могу сложить этот список цифр без нее?

Я посмотрел через его плечо на длинный список цифр, беспорядочно расплзающийся по бумаге. Он был совершенно прав, никто не мог сложить цифры в такой форме. Предложил английскому аудитору переписать цифры в правильной форме и сложить их, но это так задело чувства нашего эксперта-кассира, состоящего в гильдии счетоводов

в Петербурге, что я поспешно отказался от этого предложения.

– И все же, – сказал я, – было бы интересно узнать, сколько там денег.

Кассир был очень расстроен. Очевидно, это было его дело рассказать нам, но без счетной доски он находился в полном отчаянии.

– Я никогда раньше не видел приличного дома без счетной доски, – добавил он. – Смешно сидеть здесь с деньгами и не знать, сколько их.

– Похоже, в этой ситуации есть доля юмора, – сказал я, но это замечание было встречено неодобрительно. Казалось, оно бросило их всех в дрожь. Русский не любит юмора, да и вообще, чувство юмора у него почти отсутствует. Я оставил ситуацию на усмотрение кассира.

– У меня нет с собой ключа от конторы, – сказал кассир. – Кто живет поблизости и может предоставить счетную доску?

Наконец, он встал, оделся, сказал, что зайдет в дом Ивана Константиновича и заберет его счета, и ушел от нас.

На всех нас нависла мертвая тишина. Мы сидели и смотрели на деньги.

– Наука арифметика ставит множество проблем, – сказал я.

Это замечание тоже было встречено холодным молчанием.

Шли минуты. Прошла четверть часа, затем полчаса.

– Возможно ли, что кассир вернется сегодня? – спросил я, но ответа не получил. Все были в ярости от того, что их любимая система подсчета ломается.

Наконец, кассир появился, торжественно размахивая счетной доской. Он сел, и пока назывались числа, быстро щелкал пальцами по шарам. Он радостно объявил общую сумму. Счетная доска оказалась полезной.

Не все деньги были возвращены, но почти все. Однако этого было достаточно, чтобы работники почувствовали, что все подозрения снова улеглись и что они теперь имеют право заказать на Рождество вдвое больше обычного количества водки.

МЕДНЫЙ ЧАЙНИК

Однажды нарядчик, или бригадир, зашел к нам в контору и сказал, что он заметил признаки беспокойства среди казахских печников и что, по его мнению, они готовятся к забастовке.

– Не несите чушь, – сказал я, – эта идея абсурдна. Во-первых, казахи не желают ничего такого, чего бы у них еще не было, а во-вторых, они совершенно не способны организоваться для каких-либо согласованных действий.

– Все это звучит логично, – согласился бригадир, – и было бы логично в обычное время. Однако в последний год на них сильно повлиял пример русских, и я думаю, они считают, что должны следовать моде и объявить забастовку. Плохой пример очень заразителен.

Казахи выполняли грубую, неквалифицированную работу на плавильном заводе. Термин «неквалифицированный» обычно используется для описания такого вида труда, но строго говоря, нет работы, которая была бы «неквалифицированной». Некоторые виды занятий могут требовать меньше формального обучения, чем другие, но в любой сфере, несмотря на степень физической трудности, опытность работника может сделать разницу между успешным и неудачным выполнением задач, независимо от того, насколько внимателен бригадир.

Присутствие казахов на заводе вообще было необычным явлением в укладе жизни этого народа, поскольку, по своей

природе, они не выносили ручной труд, не любили марать руки, отвергали регулярные графики и не приемлют дисциплину. Однако завод существовал уже более пятидесяти лет, и с течением времени на нем выросло поколение казахов, которые адаптировались к такому образу жизни и считали его естественным способом существования.

Вначале своего пребывания они, несомненно, сталкивались с бедностью и, вероятно, рассматривались как нежелательные среди своих родственников, а их жизнь была трудной. Полагаю, что идея регулярной поставки продуктов и кирпичного чая казалась им очень привлекательной, и они поддались соблазну, внесли свои имена в платежную ведомость. Они отказались от принадлежности к своим сородичам, но по мере того, как завод рос в возрасте и масштабах, они привыкли к новому образу жизни. Их дети выросли в этой среде, и с течением времени их количество увеличилось до более чем пяти тысяч человек, работающих на нас в различных областях – от печников и медедобытчиков до угольщиков, обжигателей, кирпичников и грузчиков. Особенно с момента нашего прихода и развития работ в значительно расширенных масштабах, трудящиеся казахи возросли в численности и силе, а также в уважении к труду как таковому. Они искренне начали гордиться своими техническими обязанностями, и в некоторых отношениях их преданность была необычайной.

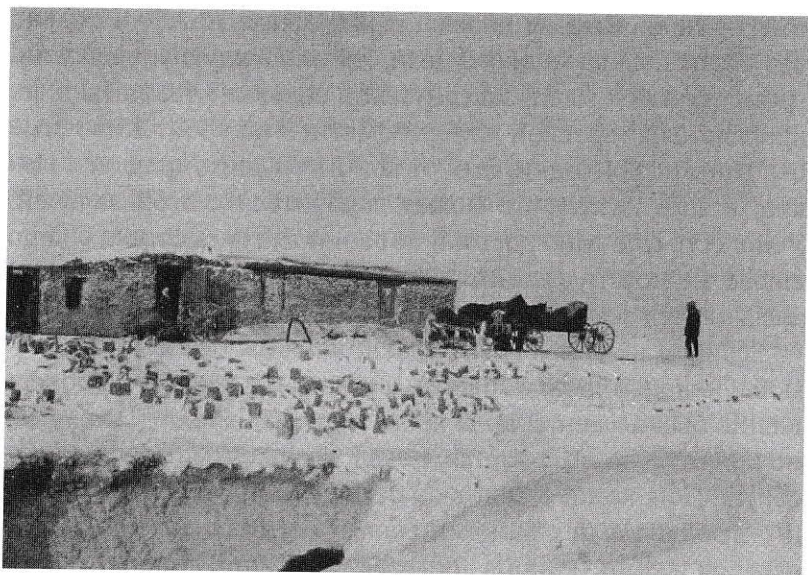
Особенно впечатляет преданность перевозчиков. Как только казах (разумеется, не умеющий читать и писать) касается ручки, которой вы подписываете его имя внизу транспортной накладной, вверенный ему товар оказывается в такой же безопасности, как если бы он находился в хранилище современного банковского здания. Бедный человек в потрепанном комке ваты, он стоит за дверью конторы, ожидая своей драгоценной накладной, вместе с группой из пяти или шести таких же потрепанных комочков, как и он сам, с вереницей из сорока или пятидесяти верблюдов. Каждый верблюд привязан к легким деревянным

саням, скрепленным деревянными штырями. Они только что вернулись из медного цеха, где на каждую упряжку нагрузили слиток меди, завернутый в волокнистые маты и закрепленный веревкой или сыромятной шкурой. Животные огромны и громоздки, ими отчаянно трудно управлять. Никто, кроме казаха, не может справиться с этой задачей. У них есть еще одно достоинство: они могут смотреть в лицо вьюге, не моргнув глазом, а это очень полезно в стране, где зима длится семь или восемь месяцев в году.

Если бы не верблюды, казахи были бы беспомощны зимой. Лошадей надо кормить, а у них нет овса. Скот совершенно бесполезен, и положение спасает верблюд. Он ужасно кричит и часто плюется, пока к его плечам прикрепляют сбрую. Но в конце концов он отходит и противостоит буре, и с несколькими охапками сена и несколькими пинтами* воды он в конце концов достигает железной дороги.

Накладная уже готова, и вы вызываете перевозчика в свой офис. В документе указано, что необходимо доставить тысячу двести слитков меди заказчику в Петропавловске в течение тридцати дней – расстояние почти пятьсот миль. Вы выплачиваете ему оговоренный аванс, он прикасается к ручке, пока вы расписываетесь, складывает документ, помещает его в бумажник, который затем прячет в одну из многочисленных складок ватной одежды, покрывающей его. Затем он надевает свой малахай – огромный меховой чепец, полностью закрывающий голову, шею и большую часть лица, оставляя глаза открытыми. После последнего взгляда, он произносит: «Қош, бай», и выходит к своим спутникам наружу. Они беспечно ждут его на снегу, который режет вас, как стекло, и группа всадников медленно удаляется. Уже темнеет, и вы боитесь потерять в бурани дороге к своему дому, который находится не более чем в двухстах ярдах по дороге. Но эти люди уносятся в сгущающихся сумерках, в пустыню, где все следы сметает буря, прямо

* Единица измерения жидкостей и сыпучих тел, равная приблизительно 0,5 литра (применяется в странах с английской системой мер).

БОЛЬШАЯ ЗИМОВКА РАННЕЙ ЗИМОЙ

*КАЗАХСКИЕ ПЕЧНИКИ
(два русских бригадира в центре)*

в глаза бьет свирепый ветер, а впереди – пятьсот миль пути.

Но они как-то доберутся до конечного пункта, хотя их лица побагровеют от жесткого ветра. Они прибудут в положенное время, передадут доверенному свою драгоценную партию слитков, и количество окажется верным. Из ста тысяч слитков, отправленных нами, мы потеряли всего два, и за них перевозчики полностью заплатили наличными. Это составляет всего две тысячные процента потерь, и убытки были немедленно возмещены. Если какая-либо из наших западных транспортных систем способна продемонстрировать подобные показатели, то мне не посчастливилось их обнаружить.

Наш случай не был исключением; по всей необъятной Сибири ползут подобные караваны по бескрайним просторам. Железную дорогу построили совсем недавно, и даже сейчас их всего одна. Если у вас нет собственного крупного бизнеса, вы можете нанять одну из транспортно-экспедиторских компаний. Они возьмут ваш товар где угодно и доставят куда угодно. Если случится потеря или повреждение, это произойдет только тогда, когда ваши товары будут на западной железной дороге, а не в руках этих необыкновенных перевозчиков.

Качество надежности проявляется в системе сторожей. Если у вас где-то без дела лежит имущество: незанятый дом или любая неохраняемая собственность, все быстро исчезнет. Но если вы поставите человека за четыре доллара в месяц следить за ним, все будет в полной безопасности, даже от самого сторожа. В результате каждый из нас имеет по крайней мере одного казахского сторожа, который по ночам находится возле его дома.

Наш старый сторож был дряхлым стариком с приятной улыбкой. У него была погремушка, которой он энергично гремел, если вы появлялись ночью. «Спит нету» (в значении «я не сплю») говорил он, когда мы проходили мимо. Это были единственные два слова по-русски, которые он

знал. Большинство из нас время от времени дарили ему маленькие подарки, такие маленькие, почти что микроскопические. Иногда с нами мог оказаться незнакомец, который не знал нашего обычая и проходил мимо него. Тогда он говорил с улыбкой «Спит нету», но затем бормотал: «Идет богатый человек, а мне ничего не дает». Но говорил он это по-казахски, и, конечно, наш друг не понимал ни слова, а сторож возвращался на свое место, ворча и бормоча.

Фактическая зарплата казахских печников составляла двадцать пять копеек в день, а кроме того, они получали бесплатное жилье, уголь и воду. Они работали в две смены по двенадцать часов каждая, а наши печи были такой формы, что работа была вполне трудоемкой. Механических трудосберегающих устройств не было. То, что нам удалось сделать, мы выполнили, как говорил наш бригадир, «силой и неповоротливостью». Казахи вносили основной вклад силой, а мы – своей неповоротливостью. Возможно, они устали от такого разделения труда. Но скорее всего, были просто деморализованы тревожными временами, через которые мы прошли в последнее время.

Когда в воздухе витает дух анархии, определенная часть человечества отказывается от логики и разума, становясь жертвой любого порыва, который может охватить ее воображение. В данный момент этот импульс заключался в том, чтобы кому-нибудь врезать, и мы, полдюжины иностранцев, казались ближайшей уязвимой мишенью.

Однажды, в чрезвычайно холодное утро, у печей не было ни единой души. Бригадиры ушли в мужские комнаты, отказываясь работать – началась забастовка. Тогда они выдвинули требование увеличения своей текущей заработной платы с двадцати пяти центов в день до одного доллара. Это требование не уступало по важности никаким другим, и от него можно было бы отказаться. Как забастовщиков, казахов нельзя было принимать всерьез, но положение становилось критическим, поскольку печи грозили замерзнуть, если не принять срочных мер.

Вместе с двумя или тремя товарищами я спустился в их комнату. Сразу после входа стало очевидно, что мы ошиблись в нашей оценке ситуации. Нас мгновенно окружила громкая толпа непроницаемых и живо одетых в ватники людей. Казахи надевают зимой многослойные стеганные ватники, тяжелые войлочные сапоги до бедер, дополнительно закрытые кожаной обувью. Их головы, шеи и большая часть лиц укутаны малахаем. В таких «доспехах» даже топор не произведет на него впечатления. Кроме того, его обволакивает удивительный аромат салынского масла и мокрой шерсти, приятный для его чувств, подобно запаху фиалки для нас. Это чувство беспомощности охватывает, когда четверть акра* насыщена этим ароматом талого «парфюма».

Особенно близкие к вам части толпы, казалось бы, раздражены вашим присутствием. Они начинают тянуть, толкать и дергать вас. Они утратили все свои человеческие качества. Если бы вы споткнулись и упали, они прошли бы мимо, не обращая на вас внимания. Если бы вы встретили одного из этих извивающихся отрядов в степи, он прошел бы огонь и воду, чтобы помочь вам. Однако, как часть толпы, он проявляет не больше признаков интеллекта, чем отряды армий саранчи, которые иногда вторгаются на наши западные равнины. Постепенно нам удалось направить толпу к месту работ, откуда вышла небольшая армия людей, вооруженных топорами, и толпа разбежалась.

Когда мы вернулись в свою собственную каморку, к нам пришли руководители печей.

– Почему вы прекратили работу сегодня утром? – спросил я. – Разве вы не знаете, что печи остывают?

– Мы хотим получать один доллар в день вместо двадцати пяти центов, – сказали они.

– Ну, сначала вернитесь на работу, а затем приходите и обсудим, чего вы хотите. Если вы не вернетесь сейчас же, можете лишиться работы, – заметил я.

* Земельная мера в Англии и Америке, равная 4047 кв. м.

КАЗАХСКИЕ ПЕРЕВОЗЧИКИ

Товары, доверенные этим людям, находятся в такой же безопасности, как и в хранилище современного банка

– Бай забывает, что мы в забастовке. Вы не можете вернуться к работе, пока длится забастовка. Мы хотим, чтобы бай отдал приказ о предоставлении нам некоторого займа по зарплатным книжкам, чтобы мы могли купить немного сала и чая. Нам нужен всего лишь небольшой займ, но достаточный, чтобы продержаться, пока мы проводим забастовку.

– Что за вздор! Вернитесь к своим товарищам и скажите им, чтобы они возвращались к работе, – сказал я.

– Баю виднее, но наши люди будут очень разочарованы, когда узнают, что бай не согласится повысить зарплату и не предоставит займ в магазине, – возразили они.

Они ушли, но через некоторое время снова появились.

– Бай, – сказали они, – возможно, мы просили слишком много, когда требовали один доллар в день. Мы будем довольны пятьюдесятью центами в день.

– Вы уже получаете вдвое больше, чем получали до того, как мы пришли на работу, и мы не можем платить больше, чем платим. Кроме того, я не готов разговаривать с вами, пока вы не вернетесь к работе, – отреагировал я.

Позже они явились снова.

– Бай, – сказали они, – это очень тяжело и неудобно, во время забастовки у нас нет возможности поесть.

– Это ваша личная вина, – заметил я. – Вернитесь на работу, и вы снова сможете получать займы на свои книжки.

– Но уголь, который угольщики оставляют для нас, такой плохой. Его очень мало, и он полон сланца. Нам холодно, и мы не можем приготовить наше сало, – пожаловались они.

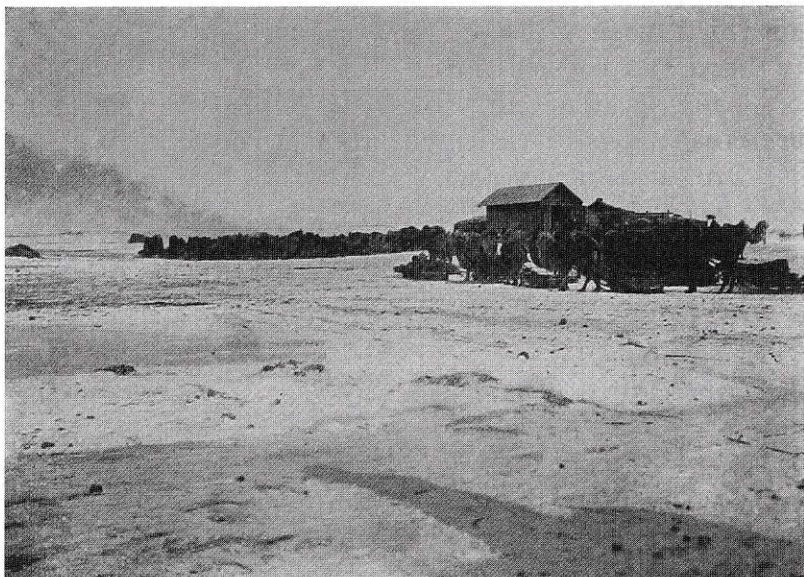
Наши уши остались глухи к этим жалобам, и на следующее утро они снова появились в меланхоличном настроении.

– Бай, – сказали они, – ты же видишь, что печи работают ужасно. Искак даже не может очистить свой горн от шлака. Почему бы тебе не пойти на встречу?

– Я уже неоднократно говорил вам, что ничего не дам, пока вы все не вернетесь к работе.

ГОТОВЫ ДОСТАВИТЬ МЕДЬ НА РЫНОК
*С несколькими пучками сена они в конце концов
доберутся до железной дороги*

КОЛЕСНИКИ И ВЕРБЛЮДЫ У ВЕСОВ

– По крайней мере, бай мог бы пообещать настелить пол в нашей каморке, чтобы нам не приходилось лежать на холодной земле.

– Я ничего не сделаю, пока вы все не вернетесь к работе.

Они были очень расстроены, когда ушли, и вскоре вернулись.

– По крайней мере, бай, – сказали они, – удовлетворит нашу просьбу. Наш медный чайник совсем изношен. Бай, закажи нам новый чайник?

Невозможно было поддерживать последовательное и строгое отношение к таким беспомощным и дружелюбным людям. Забыта суетящаяся, толкающаяся толпа, забыты замерзшие печи, давно запланированная забастовка свелась к просьбе о медном чайнике.

Заказ был оформлен, и они поспешили купить свой чайник. Затем с триумфом вернулись, чтобы показать мне свою новую приобретенную покупку.

– Таким образом, вы достигли своей цели с забастовкой, верно? – спросил я.

– Да, бай, мы возвращаемся к работе.

– В следующий раз, когда вам нужен выходной, предупредите меня заранее, и вам не придется устраивать забастовку, чтобы добиться своего.

– Тәңір жарылқасын! Жақсы, бай, қош*.

* Пусть будет вами доволен Всевышний. Хорошо, бай, до свидания!

ПАВЛОДАРСКИЙ КЛУБ

Мы, Ракер, и два помощника, прибыли в Омск по разным вопросам, однако основная цель нашего визита – посоветоваться с определителем наших судеб, окружным инженером, то есть горным инженером правительства, ответственным за район, в котором расположены наши рудники.

Он был достаточно приятным человеком, но нервным и раздражительным, отягощенным грузом ответственности, который, как ему казалось, был возложен на его плечи. В каком-то смысле это был груз, который раздавил бы и должен был раздавить любого из пятидесяти человек. Однако, если бы его чувство юмора было более острым (а русские, как известно, им обделены), он перенес бы свой груз легче. Он заметил бы, что девяносто девять процентов его он тотчас же переложил на плечи главного горного начальника управления, который жил в Томске. А этот утонченный господин, получив аналогичный груз ответственности с плеч других окружных инженеров, когда заметил, что документов накопилось столько, что его подвалы переполнены, нанял товарный вагон и отправил девяносто девять с половиной процентов из них в Министерство государственных имуществ в Петербург. Там были специально подготовленные для этих целей фундаменты, способные выдерживать вес подобных грузов в течение столетий, не отвлекая внимания высоких чиновников.

Есть два способа вести практическую деятельность организованного общества: первый – полагать, что каждый че-

ловек по своей природе лучше, чем кто-либо другой, способен заботиться о себе; второй – считать, что в государстве, где-то далеко-далеко, существует некая личность, будь то император, король или президент, которая способна лучше позаботиться о человеке, чем он сам.

В России давным-давно решение о том, как следует вести свои дела, было принято Иваном Грозным, Петром Великим и другими волевыми личностями. Тогда же, без суда присяжных, было решено, что не только слабые и бедные, но и богатые и сильные должны быть окружены отеческой заботой и защитой. Без глубокого анализа преимуществ и недостатков данной системы, без обширной подготовки или высокоразвитых наблюдательных способностей легко понять, что перенос ответственности по родительскому плану влечет за собой избыточное расходование бумаги и чернил, а также формирование армии чиновников, которая витает над обществом, как стая комаров. Кроме того, у технически подкованных людей закрепляется высокая оценка ценности тщательно составленных таблиц, независимо от того, отражают ли эти таблицы факты, имеющие практическую ценность.

В прошлом мы занимались исследованием множества перспективных месторождений, распределенных по обширной территории. Мы структурировали их на районы и прикрепили к каждому из них квалифицированного горного инженера, снабженного необходимым оборудованием для проведения разведочных работ. Весной они отправились в экспедицию и планировали вернуться к концу лета. Их задачей было изучение перспектив, проведение необходимых исследований, фиксация результатов и составление наброска местоположения. «Ваш вклад крайне важен, – отмечал я, – поскольку на основе ваших отчетов мы определим приоритетные участки для разработки в следующем году».

Когда выпал снег, все они вошли в дом, и мой разговор с Петром Константиновичем, выпускником университета в Петербурге, представлял собой типичную беседу с этой группой.

– Петр Константинович, – сказал я, – рад видеть вас вернувшимся. Как ваше здоровье?

– Все отлично, благодарю вас, Нельсон Альфредович.

– Вы изучили все перспективные участки в вашем регионе? – спросил я.

– Я изучил их все.

– Какие-то из них показались вам интересными? – спросил я.

– Я уделил много времени своей карте. Взял ее с собой. На ней отмечено расположение всех перспективных участков.

– Это замечательно. Очень рад это слышать. Позже я взгляну на вашу карту. А пока поделитесь своим мнением о перспективах. Какие из них, по вашему мнению, обещают больше всего? Какая, на ваш взгляд, выглядит наилучшей?

– Как бы сказать? Мое внимание было полностью поглощено составлением карты. Думаю, вам понравится результат, – ответил Петр.

– Но, Петр Константинович, нас в первую очередь интересуют шахты. Карта бесполезна для нас, если шахты ничего не обещают.

– Ну, о шахтах я вам ничего не могу сказать, потому что был слишком занят составлением карты, чтобы обращать на них внимание. Не кажется ли вам неразумным задавать мне вопросы о шахтах, когда перед вами такая прекрасная карта?

Это была вся информация, которую я смог получить от него, и прекрасная карта была единственным результатом его труда и труда его товарищей.

Но вернемся к нашему районному инженеру. Им полностью овладела идея, что на его плечи возложена ответственность за весь район и, возможно, даже за большую часть мира. Он упорно трудился за своим столом весь день и не спал всю ночь, наливая себе кофе, чтобы не заснуть, продолжая мучительную работу над своей видимо бесперспективной задачей. Бедняга! Он чувствовал, что все мы за-

висим от него, и что ему, как никому другому, необходимо продолжать бороться. Он был бы потрясен, узнав, что кто-то мог бы сравнить его с комаром. С грустью он размышлял о том, продержится ли его здоровье еще два года, чтобы его чин вырос до генерала. Таинственный чин! Как святыня, он занимает почетное место в доме каждого чиновника, разделяя с иконой молитвы и преданность его и его семьи.

Он тщательно изучил документацию в нашем деле, рассмотрел планы жилищ каждого рабочего, утвердил печатные договоры, которые были составлены на кириллице и арабице на первых страницах журналов учета рабочего времени. Наконец, когда все детали были урегулированы, мы пожелали ему успехов.

Солнце садилось, земля покрылась свежим снегом, и термометр показывал около двадцати пяти градусов ниже нуля. Сильный ветер закруживал снег в режущие уши вихри. Мы погрузились в маленькие открытые сани, и в сумерках отправились в Павлодар – город, который находился в трехстах девяноста восьми верстах (двести шестьдесят пять миль) выше по реке Иртыш. Наши пимы (валенки) были толщиной почти в дюйм, а шубы (большие меховые пальто) – огромными, и мы решили двигаться дальше.

Дорога идет по правому берегу реки Иртыш, которая сейчас, конечно, замерзла, но летом представляет собой большой судоходный поток. Она проходит через богатую сельскохозяйственную страну, заселенную довольно плотно уже много лет. Земля плодородна и легко поддается обработке. На протяжении каждых нескольких миль встречаются деревни, внешний вид которых уныл и мрачен. Вам повезло, если вы путешествуете через них зимой, когда снег милостиво прикрывает их обнаженность.

Независимо от того, находитесь ли вы в России или в Сибири, крестьянская деревня представляет собой отчаянное и мрачное место. Самое большее, что она может предоставить, – это обеспечение выживания своих жителей. Она не предоставляет им ни комфорта, ни удобств, ни удо-

вольствий, ни надежды на перемену и улучшение. И все же именно крестьянин несет на своих плечах огромное бремя империи. Именно он должен пить кофе, чтобы не заснуть ночью, решая проблемы огромной нации, которую несет на руках. Ты, мой друг, районный инженер. Ты всего лишь составляешь бесконечные отчеты и таблицы, которые никогда не увидят свет. Не ты несешь это бремя, а это терпеливое, работающее, страдающее существо, которому отказано во всем, кроме права идти за плугом и сеять пшеницу, пока он не упадет в проделанную им борозду, забытый тобой, мной и всеми нами. Человек без надежды! Он обитает в прослойке, отгороженной от остального человечества пленкой закона и обычая, непроницаемой и непробиваемой. Тем, кто желал бы увидеть, не дадут, а тем, кто предпочел бы этого избежать, не нужно напрягать глаза, чтобы посмотреть. К счастью для России, крестьянский слой широк и прочен. Богобоязненный, добрый, выносливый, он будет мужественно нести свой груз, пока мир не увидит его достоинства. Этот слой – самое интересное, самое полное возможностей, что существует сегодня перед глазами мира.

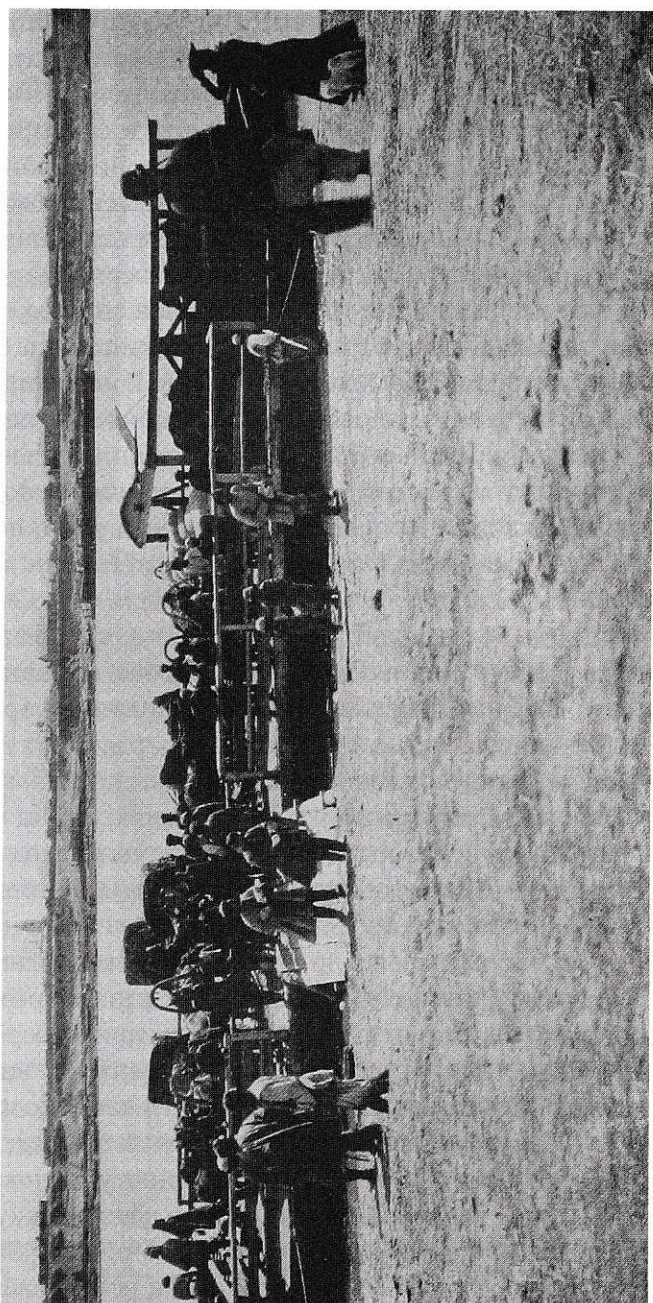
В любом случае, нет опасности, что капуанская роскошь* обстановки делает его мягким или изнеженным. Коротким летом он трудится в поле от рассвета до темноты, а зимой ему нечего делать, кроме дел, которые лучше оставить без внимания. Единственная искра, освещающая его жизнь, – это церковь, проливающая свет на деревню с холма, на котором она построена.

Наш путь пролегал через ряд таких деревень, которые можно было различить только по рельефу окружающей местности. Дома были небольшими, построенными из бревен, с соломенными крышами, края которых оставались необрезанными, что делало их низкими и создавало впе-

* Капуанская роскошь происходит от названия римского города Капуа, где после победы над римлянами карфагенское войско отдыхало и предавалось излишества. Это слово сохранилось до наших дней с более широким значением, обозначающим избыточные, чрезмерные удовольствия, способные погубить любого.

чатление небрежности. Интерьер был прост: обширная кирпичная печь, эффективно согревающая дом, стол, несколько скамеек, немного посуды и глиняные кувшины для приготовления пищи. Железных кастрюль и сковородок было очень мало. Практически все приготовления происходили в глиняной посуде в печи, а вода кипятилась в обыкновенном самоваре. Требования к повару были невысокими: в основном в рационе присутствовали цельнозерновой хлеб, каши (главным образом гречневая), сладкое молоко, чай, овощные супы, такие как борщ (из свеклы) и щи (из кислой капусты), иногда рыба. Хозяйки искусно консервируют летние овощи на зиму: соленые огурцы, квашеная капуста, сушеные грибы. Вкусный напиток под названием квас готовится путем длительного процесса разваривания подогретого хлеба в воде. Процесс этот занимает время, но он прост, благодаря надежной поддержке горячей печи днем и ночью, в этом великолепном благословенном устройстве, который никогда не подводит. Несмотря на то, что дома построены из самого легковоспламеняющегося материала, пожары случаются крайне редко. Это обусловлено формой кирпичных печей, которые эффективно удерживают дым, прежде чем он покинет дымоход.

Мы останавливались в некоторых деревнях, чтобы сменить лошадей и попить горячего чая, но ночью холод был пронизывающим. Когда ты едешь час за часом, даже теплая одежда не спасает от лютого мороза. После долгой ночи такой поездки ты промерзаешь до костей, а руки и ноги становятся орудиями пыток. Единственным разнообразием в монотонном путешествии является приближение к деревне или ее оставление. Когда погонщик замечает вдалеке ветряные мельницы, он ухватывает вожжи и пускает лошадей в дикий галоп. В этот момент и погонщик других саней делает то же самое, начиная безумную гонку к приюту. Колокольчики звенят, погонщики кричат, и, словно каждая секунда стоит миллионы, вы врываетесь во двор конюшни. Замена лошадей происходит быстро, и вы снова устраиваетесь

ПАРОМНАЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ ИРТИШ В ПАВЛОДАРЕ

в карету. Под ударами кнута, звоном колокольчиков начинается новая неистовая гонка. Покидая деревню, вы снова погружаетесь в холод и унылую рутину, пока не услышите следующее улюлюканье и крики, понимая, что уже рядом с новым населенным пунктом.

В этом странствии я всегда склонялся к продолжению пути, преодолевая холод и голод в угоду завершению миссии. Примирить Ракера с этой идеей было непросто, но мы удерживали его в строгом контроле, обещая радость скорого прибытия в Павлодар и удовольствие от отличного ужина в новом клубе. Мы все уже бывали в Павлодаре и знали, что здесь нет отелей, как мы привыкли, но доверенный Кошелев, главный купец города, подсказал нам, что недавно открылся клуб с изысканным рестораном, отличным поваром и отменным выбором вин. Так мы развлекали Ракера воображаемыми меню, включая все возможные деликатесы, запивая их водкой и портвейном. Этот мощный заряд предвкушения так овладел им, что он забыл о своих нынешних бедах, погружаясь в мысли о предстоящих радостях. Даже на последней станции перед Павлодаром ему не терпелось уезжать.

– Зачем терять время здесь? – говорил он. – Когда мы окажемся в теплой комнате, за чистым столом в клубе, в ожидании жареных куропаток? А водка с закуской! Какое блаженство – наслаждаться горячим ужином после сорокавосьмичасового поста, катаясь на открытых санях!

Мы со свистом прибыли в город, собрали информацию и нашли клуб – аккуратное здание, украшенное новой мебелью. Ресторан располагался в задней части, выходявшей в сад, который, в своем снежно-ледяном убранстве, казался довольно мрачным. Мы попросили портье, открывшего нам дверь, пригласить старшего официанта или распорядителя, так как нам хотелось сделать заказ на ужин.

– Да, ваше благородие, – ответил он, взял в руки свои башмаки и шубу. – Я сразу же приведу его.

Легкими шагами портье направился к выходу.

– Вам не нужно надевать эти вещи, – заметил я, – нам не нужен садовник, а стюард или старший официант.

– Да, ваше благородие, я понял, – отвечал он, выходя. – Он живет всего в двух кварталах отсюда, не задержится.

Это выглядело довольно не по-деловому, но портье уже убежал, и мы сели в огромной пустой комнате, где вдоль стен располагались маленькие стулья из гнутого дерева с тростниковыми ножками.

– Говорят, – сказал Ракер в полудреме, – что куропатку надо готовить с приправой. Пусть у нас будет много приправы.

– Надеюсь, у них есть стерлядь, – пробормотал я, – говорят, что иртышская стерлядь не хуже волжской.

Вскоре появился распорядитель:

– Что прикажете? – спросил он.

– Мы хотим заказать ужин из четырех блюд. Мы приехали из Омска в открытых санях, и мы голодны, как волки. Мы понимаем, что ваш повар хорошо готовит.

– О! Он чудо! Чудо повар! Что вы желаете заказать на ужин?

– Ну, во-первых, нам нужна хорошая закуска. Что-то, что постепенно подведет нас к тому хорошему, что будет дальше.

– Вполне можем. Хотите сардин, копченого лосося, редиски, икры?

– Да, да, – закричали мы, – и водки с белой пломбой.

– Конечно, конечно, – сказал он, – тогда не хотите ли борща, сметанки и пирожков?

Когда мы Ракеру объяснили, что борщ – это тот самый суп, который он так любит, и что его всегда подают со взбитой сметаной и маленькими пирожками, начинка в которых может быть из сыра, яиц или колбасного фарша, он пришел в полный восторг.

– Да, да, – закричал он, – а затем – жареный гусь с кислой капустой, а после – куропатки с обильным соусом.

– А после этого, – сказал распорядитель, словно улавливая энтузиазм, – не желает ли ваша милость немного винного киселя?

– Да, если ваш повар хорошо его готовит.

– О, наш повар – просто чудо!

– Ну что ж, – сказал я, – кажется, это все, что нужно сказать. Нужно еще упомянуть о времени. Сейчас двенадцать часов. Мы вернемся в три, у вас достаточно времени, чтобы все тщательно приготовить. Тогда в три часа.

– Да, ваше благородие, вы имеете в виду завтра в три часа?

– Завтра, – вздохнул я, – конечно, мы имеем в виду следующую неделю. Путешественники, приехавшие в открытых санях из Омска, естественно, хотят подождать неделю, прежде чем что-то поесть.

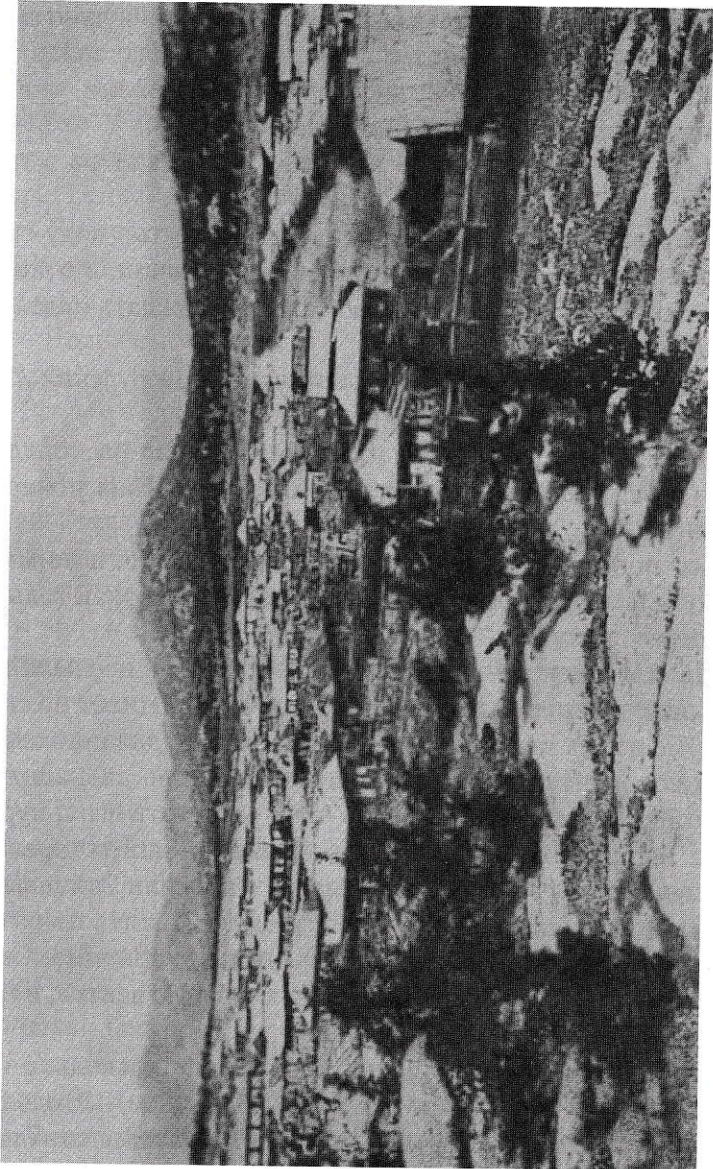
Но ирония не является сильной стороной русских людей.

– Я не понимаю, ваше благородие, – сказал распорядитель, – обед будет готов завтра ровно в три. Наш повар – просто чудо.

– Ох, повесьте своего повара! Неужели вы не понимаете, что мы хотим пообедать сейчас, немедленно, как только сможем его получить? Мы голодны.

– Но, ваша честь, – умолял распорядитель, – неужели вы не видите, как неразумно поступаете? Повар живет на своей ферме в трех милях отсюда. Вы знаете, что для приготовления хорошего борща необходимо не менее двенадцати часов. Я должен пойти и купить гуся, разделать его и куропаток. Тесто должно быть готово. Я должен найти тарелки и блюда, которые на прошлой неделе одолжили Зайцевым, когда их дочь выходила замуж. Вы видите, как невозможно говорить о том, чтобы приготовить ужин за три часа. Сейчас в доме нет ничего, даже буханки хлеба. Но завтра, в три часа, все будет готово, а наш повар – чудо.

– Да, распорядитель. Теперь я понимаю, насколько неразумными мы были, – простонал я. – Наверное, нас одолел холод или волнение. Боимся, что нам не удастся отведать блюда, приготовленные вашим поваром, который просто чудо. Сегодня вечером мы отправимся в путь в Баян-Аул.

КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА В БАЯН-АУЛЕ

Пусть воспоминания о том, как вы описывали нам завтрашние блага, поддержат нас всю ночь. Прощайте.

Язык Ракера в тот момент был настолько выразителен, что цензура не позволяет мне воспроизвести его здесь, на бумаге. Сомневаюсь, что ему когда-нибудь удастся в полной мере насладиться зарубежными поездками.

ПОМИНКИ

Десятого ноября 1907 года, мы с трудом преодолевали открытое пространство, разделявшее наш дом и контору, перед лицом неистовой бури. Воздух был пропитан ледяными частицами, которые резали лицо, заставляя сомневаться в том, удастся ли нам достичь цели. Когда мы, наконец, достигли офиса, Ракер не дал нам времени снять пальто и немедленно бросил вопрос:

– Вы слышали о том, что султан Хасен Акаев скончался?

– Нет! Когда это произошло?

– Вчера, в своем зимнем жилище на Топаре, примерно в сорока милях отсюда.

– Как вы об этом узнали?

– Через казахский телеграф.

Распространение новостей среди туземцев, не пользующихся механическими средствами связи, представляет собой явление, отмечаемое всеми путешественниками в отдаленных регионах. Будь то в Африке, где люди передвигаются пешком, или в Азии, где используют лошадей в качестве транспорта, информация о любом событии передается из уст в уста и из деревни в деревню с быстротой и достоверностью, которые мало чем отличаются от чуда. В течение двадцати четырех часов после смерти султана, вероятно, каждый живой человек в радиусе двухсот миль услышал об этом.

Смерть столь богатого человека, как султан Хасен Акаев, представляла собой событие огромной важности в жизни

казахов. Помимо вопросов о распределении его обширных отар и стад, а также перестройке социальной организации его аула, встал вопрос о проведении поминальной молитвы, которая должна была последовать за его уходом.

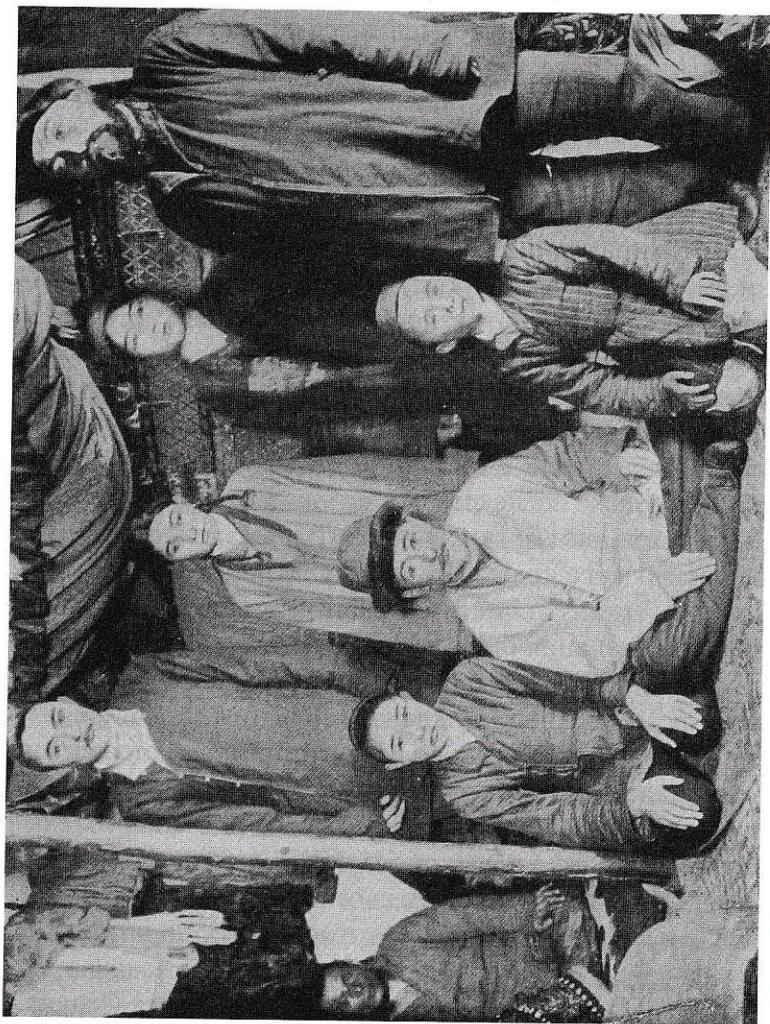
В Ирландии похороны отмечаются торжественными церемониями и пиршествами. То же самое происходит здесь, на казахской земле, где знатные люди, готовясь к уходу, устраивают все нужные приготовления для крупного праздника. Он должен произойти через полгода или год после их ухода. Приглашаются все – друзья и жители деревни. Таким образом, умирающий обеспечивает достоинство своей семье и уносит с собой в могилу традиции казахского гостеприимства. Это замечательное явление, прежде всего, потому что оно принято и признано повсеместно. В ауле гостю не откажут ни в чем, даже если были проблемы между ним и хозяином. Долг по гостеприимству важнее всего. Все законы и обычаи могут иногда нарушаться, но этот принцип сохраняется даже после смерти.

Разумеется, чем богаче ушедший, тем величественнее празднество в его честь. Поминки султана Хасена Акаева, несомненно, станут поистине грандиозными.

Для празднования была выбрана первая неделя мая. Несколько месяцев до этого среди казахов почти ничего, кроме этих поминок не обсуждалось. Мы тоже планировали быть на празднике в составе делегации, и Ракер особенно интересовался подготовкой, потому что его работа требовала близких связей с казахами. Он хорошо знал их язык и, посещая их, легко общался без переводчика.

Он часто бывал в гостях у своего друга Оспана, управляющего в Нурунском районе, который упорно приглашал его вступить в аул и стать одним из них.

– Почему ты так много трудишься? – говорил Оспан. – Купи несколько толстохвостых овец и присоединяйся к нам. Мои люди будут заботиться о твоих животных. Тебе не придется ничего делать. У тебя будет достаточно кумыса и много бараньего сала. Ты наростешь в весе, чего еще желать?

ОСПАН СДЕТЬМИ

Как он сопротивлялся таким манящим предложениям, я не знаю.

Наши приготовления были весьма тщательными, ведь на Востоке внешний вид имеет огромное значение. Мы отправили вперед большие новые юрты, наши лучшие ковры, шелковые ткани и покрывала, и уделили внимание каждой мелочи для ухода за нашими лошадьми. Кроме того, мы взяли с собой небольшой частный запас продуктов, ведь порой восточные блюда бывают не совсем по вкусу западных гурманов.

Когда время пришло мы отправились в путь верхом на лошадях, сопровождаемые караваном друзей, слуг и русско-казахских толмачей. Мы нарядились во все возможные казахские народные костюмы, которые удалось найти. На наших верхних конях были сложные уздечки с серебряными украшениями, изготовленные местными мастерами. Те из нас, кто смог выдержать, терпели пытки на казахских седлах. Мое седло напоминало казачье, с элементами техасского дизайна, но с отличительной толстой кожаной подушкой, прочно закрепленной на нем. Удивительно, насколько много существует подходов к достижению одной и той же цели, и насколько крепко каждый из нас держится своих предпочтений. Лично я считаю, что казачьи седла являются самыми громоздкими из всех возможных вариантов, в то время как казаки смотрели на мой изысканный «уиппи» с чувством презрения.

Ракер сиял во всей своей великолепной роскоши. Его ноги украшали массивные войлочные подкладки, тесно облегающие казахские кожаные сапоги с серебряными креплениями. На его ногах были овчинные штаны, недубленные, с внутренней подкладкой из шерсти, заправленные в сапоги. На нем был халат – свободный ватный плащ из великолепного шелка, на талии – пояс с серебряной отделкой. С пояса свисали несколько мешочков из натуральной кожи, богато украшенных серебром. Его голову венчал розовый шелковый малахай, обшитый мехом рыжей лисицы. Мы

гордились его внешним видом и осторожно подняли его в седло, хорошо понимая, что его костюм ограничивает естественную легкость движений.

– Кусаин, – прокричал он, – прикрепите мехи с кумысом к седлу.

Кусаин повесил два меха с кумысом, по одному с каждой стороны седла. Каждый из них вмещал около двух галлонов напитка, и таким образом, его наряд принял финальный вид.

Мы составили веселую компанию, беззаботно преодолевая просторы степи и наслаждаясь свежим весенним воздухом. Естественно, что мы сгруппировались вокруг Ракера, насмехаясь над бурдюками с кумысом, укрепленными с обеих сторон его седла. Внезапно прогремел громкий взрыв. Ракер и мы с ним оказались под потоком мощно пахнущей жидкости. Кумыс выбрызгивался с неудержимой силой, от знойного солнца кожа мехов была растянута до предела. Возможно, лошадь Ракера столкнулась с лошадью соседа, и этого оказалось достаточно для начала цепной реакции. Каждый из нас в радиусе пятидесяти футов получил свою долю, но сам Ракер превратился в жалкое зрелище. Зловещая жидкость накрыла его розовый малахай и малиново-зеленый халат. Пятна различных оттенков расплывались по нему струями. Особенно беспокоил резкий, характерный запах, исходящий от него. В течение нескольких дней он оставался обузой как для себя, так и для нас, но для своих особых друзей-казахов стал объектом бесконечных шуток.

В нескольких милях от аула, задолго до того, как достигли его, заметили мы большую группу всадников, одетых в галифе, мчавшихся в нашу сторону. Они выехали нам навстречу и, приветствуя нас, с почестями провели к нашей юрте.

– Саламалейкум! Аман ба! – раздавались приветственные голоса.

Все это казалось очень милым, простым и естественным. Они повернулись и поехали вместе с нами к стоянке.

Когда мы прибыли в аул, там царило невероятное оживление, какое только можно себе представить. Сотни, а возможно, тысячи людей съехались сюда, чтобы насладиться соревнованиями, ведь подобных поминок, вероятно, больше никогда не будет в их жизни. Сотни двухлетних коней разной масти – а это невиданное количество! – были предназначены для заклания, чтобы накормить толпу. А овец, кажется, даже не считали. Пир продолжался весь день и всю ночь. Из одной юрты в другую несли огромные дымящиеся блюда с вареным мясом и мехами с кумысом. Каждый ел и пил три дня напролет, наслаждаясь богатством и изобилием.

Когда стало известно о нашем прибытии, главы аула заглянули в нашу юрту, чтобы поприветствовать нас. Наш самовар возвышался на обычном круглом столе, высотой около шести дюймов, вокруг которого, на ковриках, растланных на земле, мы все сидели на корточках. Чай разносил наш слуга. Его подавали в небольших чашечках и блюдцах, и, конечно же, горячим. Как только казах получал свою чашку, он тут же выливал половину в блюдце, откусывал небольшой кусочек сахара, который держал между зубами, и запивал чай с благодарным сербаньем. С каждым глотком он наслаждался сладким вкусом, при этом потребляя минимальное количество сахара. Как только чашка опустеет, служитель, не ожидая приказа, наполнял ее заново. Напившись досыта, казах переворачивал чашку на блюдце дном вверх.

После чаепития акын начал петь, и мы обменялись обычными комплиментами.

– Улкенбай – великий владыка, обладающий огромным богатством, – сказал старец, – мы знаем, что у него много денег, ведь он тратит тысячи рублей каждый день. Он обеспечивает пропитанием многих казахов, и за это мы ему благодарны. Наш гость Пил (это было самое лучшее произношение моего имени, которое они когда-либо могли сделать) навсегда останется в наших воспоминаниях как скала. Но бай так же худ, как и самый бедный казах в степи.

Если бай оглянется вокруг, то увидит, что все состоятельные мужчины, как правило, полные. Мы не можем понять, почему баю не быть таким же тучным.

Это был момент, на который я готовился с особой тщательностью. У нас был обычай вести разговор с казахами через русско-казахского переводчика. Мы говорили на русском, а переводчик должен был передать наши слова на казахском языке. Обычно переводчик был казахом без особых достижений и образования. В разговорах с местными управителями я всегда чувствовал себя проигрышно, потому что, стремясь к высокому уровню дискуссии, вынужден был сначала излагать свои мысли по-русски, а затем полагаться на русско-казахского переводчика. К моему большому недовольству, самые возвышенные и вдохновенные высказывания часто переходили в нечленораздельные звуки и хрипы, теряя весь эффект. Перед погребальным обрядом я дал особые инструкции моему переводчику Нурману:

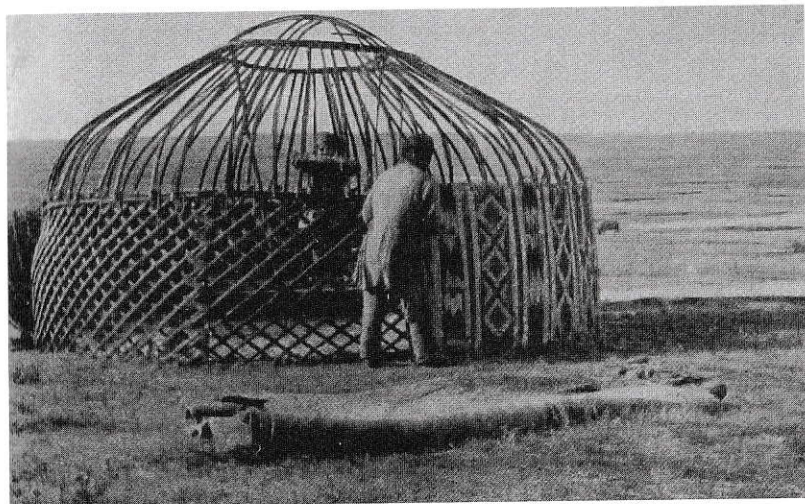
– Старайся передавать мои слова максимально точно. Я говорю, а не ты. Ты говоришь весь день для своего удовольствия, но на этот раз я хочу, чтобы ты передал мои фразы точно. Будь кратким – это добродетель, но я хочу установить свой собственный стандарт. Когда я выражаю глубокие чувства, я не хочу, чтобы ты сокращал их до половины дюйма.

Наступил момент, когда обучение Нурмана должно было пройти проверку. Я бросил на него строгий взгляд и, взяв самый внушительный тон, обратился к старейшине:

– В нашей стране мы считаем богатство не только средством для удовлетворения своих собственных желаний, но и ответственностью за содействие счастью окружающих нас людей.

Все внимательно посмотрели на Нурмана. Из его горла донеслись хриплые звуки, он слегка шевельнул губами и замолчал. Да, он замолчал. Это было очень угнетающе.

Старейшина прервал неловкую паузу и продолжил свою мысль:

ЮРТА В ПРОЦЕССЕ ВОЗВЕДЕНИЯ

ГОТОВАЯ ЮРТА

– Мы знаем, что бай богат, но мы не понимаем, почему бай так много работает. Почему он не сидит и не наслаждается своим богатством?

Это была великолепная возможность для меня, и я ответил:

– Мудрые люди нашей страны считают, что богатство – это мера успеха, а не объект и самоцель. Богатство не приносит счастья. Только сознание хорошо выполненной работы может по-настоящему осчастливить человека.

– Б-р-р-р. Г-г-г-г. Б-р, г-г, – пробормотал Нурман и со стоном закрыл рот.

Все мои тренировки и усилия оказались напрасными. Было бесполезно продолжать излагать свои мысли. Думаю, старейшина тоже это почувствовал, потому что резко сменил тему и спросил:

– Где вы живете?

– В Нью-Йорке, – ответил я.

– Я не знаю, где это, – сказал он, – я слышал об Акмолинске и Павлодаре, но не слышал о Нью-Йорке. Если вы хотите поехать в Нью-Йорк, в каком направлении вам следует двигаться?

Признаюсь, меня охватило чувство злобы. Я подошел к двери юрты и, повернувшись лицом к северу, вытянул одну руку на восток, а другую – на запад. Я помахал сначала одной рукой, потом другой:

– Вы можете попасть в мою страну, двигаясь либо в этом направлении, либо в другом.

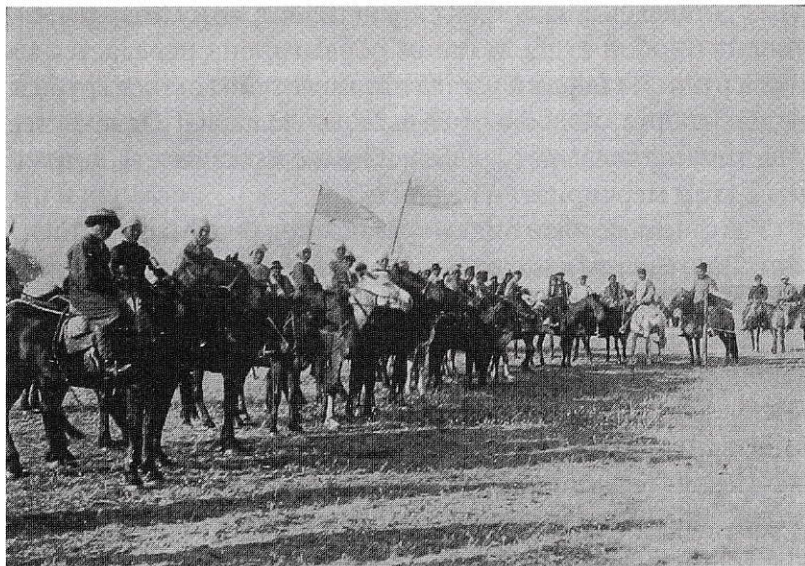
– Почему вы утверждаете, что можно достичь одного и того же места, двигаясь в двух направлениях, которые абсолютно противоположны друг другу?

– Земля, на которой мы стоим, круглая, как яблоки, которые вы видите на столе, – ответил я. – Вы всегда окажетесь на противоположной стороне шара, двигаясь в любом направлении.

– Почему вы говорите, что Земля круглая? – спросил старейшина, – Хотя мы видим, что она плоская?

КАЗАХСКАЯ ЖЕНСКАЯ БОРЬБА

НА СТАРТЕ ГОНКИ

И он взмахнул рукой над равниной, которая, казалось, подтверждала его мысль.

Зачем, в самом деле, я высказал такую мысль? Гораздо безопаснее обсуждать сало, кумыс и лошадей. Я резко направил разговор в другое русло и, напрягая память и прибегнув к их родному языку, произнес:

– Ақ бурыл ат бар ма?*

Эффект был волшебным. Все забыли о яблоках, круглых мирах и обязанностях богатства. Все моментально включились в обсуждение. Гармония и мир были восстановлены.

Трехдневные поминки протекали в режиме непрерывного пира, со спортивными состязаниями и развлечениями. Борьба, в которой даже женщины участвовали в упорных схватках, пользовалась большой популярностью, но особый интерес вызывали игры с участием лошадей. Козлодранье, как всегда, привлекало множество зрителей. В этом соревновании всадник захватывает тушу недавно убитой овцы и мчится галопом вперед. За ним гонится множество людей, пытаясь вырвать трофей у него. Тот, кому это удастся, уносит с собой тушу, и таким образом, она передается из рук в руки. На первый взгляд это может показаться грубым видом спорта, подобным борьбе на лошадях. Однако все участники проявляют дружелюбие и сдержанность, и травмы в этом мероприятии редкость.

У них есть особый вид спорта, который не вызывает восхищения. Скорее даже отталкивает. В каждом большом ауле есть свой чемпион по поеданию мяса, и в праздничные дни жители разных аулов соревнуются друг с другом. Два чемпиона садятся лицом к лицу, перед каждым из них выставляется блюдо с вареным мясом (всегда без соли), которое они запихивают в рот руками и глотают, как волки. Миски с кумысом и самовары с чаем осушаются подобным же образом. Количество, которое эти гастрономические гиганты способны поглотить, поражает воображение. Обычное достижение для одного героя за один присест – это:

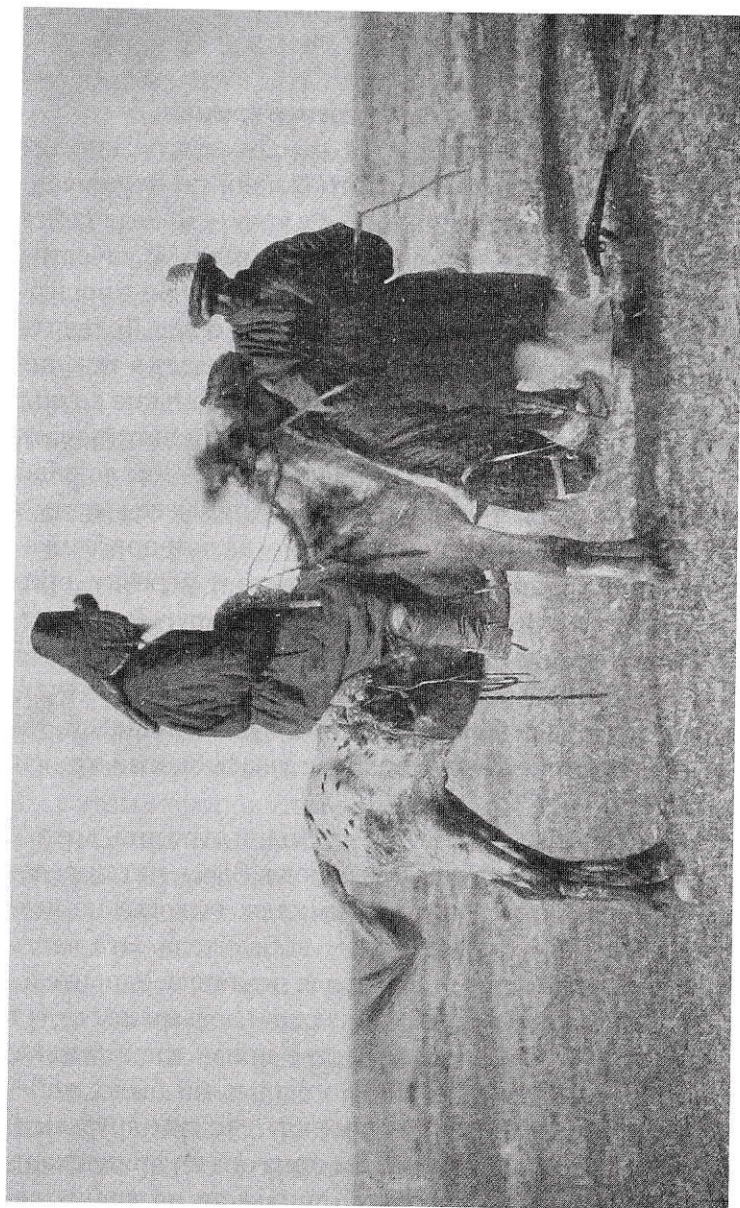
* Есть ли у вас чалые лошади?

Одна целая овца.
Восемь галлонов кумыса.
Два галлона чая.

Прекрасное, но в то же время ужасное зрелище.

Поминки обычно завершаются самым долгожданным событием – конными скачками. Это скачки по пересеченной местности, которые начинаются с точки, находящейся примерно в двенадцати или пятнадцати милях. В качестве жокеев выбирают миниатюрных мальчиков, чьи крошечные ножки не могут нормально держаться в седле. Толпа собирается у финишной черты и терпеливо ожидает в течение часа или двух. На горизонте появляются маленькие точки, и группа всадников собирается, чтобы поприветствовать их. По мере их приближения сторонники каждой лошади сходятся вокруг нее, скачут рядом, подбадривая ее кнутами и криками. Их волнение усиливается, когда они приближаются к финишу. Один из всадников достает веревку, прикрепляет один ее конец к седлу скакуна, а другой прикрепляет к своему и тащит его за собой. Другой повторяет то же самое с другой стороны, еще один захватывает уздечку, и так далее, пока не соберется дюжина свежих лошадей, тащащих уставшую скаковую лошадь с ужасающими криками и воплями.

Это сцена поистине волнительна. Толпа огромна, все хорошо оседланы, мчатся то туда, то сюда. Здесь нет определенного финиша, нет судьи, но, кажется, никогда не возникает трудностей с определением победителя. Эта честь очень ценна как для лошади, так и для всадника. Удивительно видеть, как маленькие ребята шести и восьми лет могут выдержать такую поездку. В качестве приза дают деньги, ткани, или что-нибудь еще. Но что бы это ни было, победитель тут же распределяет его между своими друзьями. Ему нравится честь победы, но сам приз его не привлекает. Я никогда не наблюдал подобной привычки на наших западных ипподромах. Странно, что все это происходит так

ДВА КАЗАХА

Они занимаются самым важным делом в своей жизни

естественно, так добродушно, без определения правил, без вмешательства судей или полиции. Они играют в игру, как настоящие спортсмены.

Мы покинули это место в финишной пыли, но внимательно следили, чтобы у Ракера не было при себе спрятано бурдюков с кумысом.

БИРЮЗОВОЕ ОЗЕРО

Укрытый тайной голодной степи, простирающейся между плавильным заводом и его берегами, манящий нас слухами о своей красоте и разнообразном животном мире, Балхаш, второе по величине озеро Азии, стало объектом всех наших зимних мечтаний. И вот, когда после весеннего половодья наши бурные реки снова обрели свои берега, а степи вновь надели свою цветущую мантию, мы отправились в путь по одинокой пустоши. С нами были два верных слуги-казаха: старый Тундус-бек и погонщик Закир-бек. Мы взяли с собой две повозки, в одной из которых находилась лодка, а в другой – войлочная юрта с аккуратно сложенным и упакованным деревянным каркасом.

Однажды утром в начале мая, деревянные оси повозок загудели, как обычно, и две лохматые лошади навалились на хомуты, чтобы тащить их к озеру на двести миль вперед. Два ползущих пятнышка исчезли за горизонтом, и мы тут же принялись за наши приготовления к месячному изгнанию из цивилизации.

Успенский рудник стоял как последний форпост человека в степи. За ним простирались шалфейные пустоши, не тронутые даже казахами. Далее – великое озеро, за ним – горные цепи, граничащие с пустыней Гоби. Тонкая тропинка, невидимая, как паутина, соединяла нас с Верным, богатым городом на тракте Семипалатинск-Ташкент, с его сказочными садами цветов и сочных фруктов. О волшебстве

этих мест мы узнали только благодаря повозкам с сушеными сливами, вишнями и невероятно крупными розовыми яблоками, которые везли через пустыню по этой тонкой паутинной тропе. Сарты из Туркестана, тибетцы со своими яками, направлявшиеся на ярмарку в Коянды, и казахи, зимовавшие со своими стадами на юге, были единственными путешественниками на этой дороге.

Мы предоставили нашим повозкам две недели на подготовку, и 15 мая наши две навесные пегие тройки и тройка каштановых жеребцов взметнулись в галопе через завод, мелькая среди толпы всадников и таща за собой наши легкие экипажи.

– Айда, дети мои! – крикнул Адам, главный погонщик, отдавая управление своим знаменитым каштанам. Запряженные в хомуты, лошади грациозно огибали холм, увенчанный церковью. Вдали виднелся глубокий овраг, пересеченный хлипким мостиком. Нурман, управлявший второй тройкой, следовал вплотную за ними. Шесть резвых лошадей, не сдерживаясь, галопом неслись к мосту, предвещая неминуемое столкновение.

– Барышни вывалились! – крикнул Адам своему хозяину, когда каштановые копыта загрохотали по мостовой. Нурман взял поводья своих стремительных пегих лошадей и потащил их вверх по холму. Два колеса кареты закрутились в воздухе, и она с треском упала на бок, разбрасывая по склону все свое содержимое – троих путешественников, две балалайки, книги, рисунки, мешки с мукой, ковры и подушки. Нурман оказался достаточно ловким, чтобы удержать поводья, и, нагруженные повозкой, лошади замедлили свой бег у самого края оврага.

– Ай-ай-ай, лошади такие свежие после зимнего отдыха! – пробормотал Адам. – Хорошо, что всего лишь карета сломалась, а не то бы они непременно ушли в реку.

Несколько минут понадобилось на сбор разбросанного багажа и небольшие ремонтные работы с использованием клея и шпаклевки, и вот мы снова были готовы тронуться в путь.

Полдень застал нас у реки Сарысу, притока Сыр-Дарьи (древнего Оксуса), а вечером наши тройки ворвались в деревню возле Успенского рудника, немного потрепанные после первого этапа в семьдесят миль.

На рассвете следующего дня наши спутники на руднике стали свидетелями отъезда пяти путешественников, пяти слуг-казахов, трех троек, пяти седельных и трех упряжных лошадей, которые направились на юг через волнистую равнину и спустились через последние холмы в лазурную загадку Голодной степи. Вечером мы разбили лагерь в роскошной зеленой долине у подножия Кызыл-Тау, известной также как Красная гора, – выдающегося уступа, стоящего на страже пустыни. На обочине дороги журчал холодный родник, ставший последним источником сладкой воды до самого озера. Ночью со склона холма над нами доносился вой волков, а наши лошади, звеня цепями по траве, беспокойно пофыркивали. Воздух был бодрящим, с пустыни доносились теплые порывы. На следующее утро мы разобрали лагерь при свете звезд и ровном сиянии единственной свечи в безмятежной утренней атмосфере, и вскоре терпеливые лошади возобновили свою ровную рысь. Мы радостно приветствовали солнце, когда оно взошло над серыми путошами, потому что нам было холодно.

В полдень мы оказались «вне поля зрения». Последние холмы исчезли из виду, даже кусты карагана не нарушали ровной линии горизонта. Солнце нещадно пекло иссохшую равнину из серой глины, покрывая ее трещинами и морщинами и высушивая шалфей. Воздух дрожал от жары. Мокрые бока лошадей вздымались, так как они были толстыми и мягкими от весенней травы. Наши казахи плотнее обернули свои ватные шубы вокруг себя и прикрыли уши малахаем, стараясь укрыться от палящего солнца. Мы сбросили шубы и шапки, тяжело дыша, направились к следующему колодцу с солоноватой водой, который надеялись достичь к вечеру.

Три тройки медленно двигались по дороге трусцой, их колокольчики-близнецы издавали монотонную последова-

тельность нот, словно были частью зыбкого воздуха и аромата шалфея.

Те из нас, кто был верхом, продолжал бродить в поисках одиноких могил казахов, погибших во время медленных переходов по этой дороге. Это было все, что мы могли надеяться найти, чтобы нарушить вселенскую монотонность. Пару раз нас привлекали мерцающие озера и холмы, но вскоре мы осознали, что это были либо обширные поля щелочи, либо миражи, созданные жарой и расстоянием. Единственными признаками жизни были маленькие скачущие «косаяки» или тушканчики, крошечные грызуны, похожие на кенгуру, с длинными, мерцающими белыми хвостами, а также редкие «сайгаки» или антилопы, убегавшие от нас. Но даже их мы постепенно оставили позади.

На третье утро мы наполнили свои бутылки водой, предвидя, что ночью мы не сможем найти колодец. Мы двигались до самой темноты и делали лишь короткие привалы. Дул жаркий ветер, и наши лошади страдали от голода и жажды. На следующее утро наш маленький пыльный караван отправился в самый долгий этап. В полдень мы достигли солоноватого колодца, где лошади утолили жажду, но мы предпочли пить теплую воду из наших фляг. Нас удивило отсутствие движения по верненско-акмолинскому тракту. Но наши люди объяснили, что казахи уже двинулись на север, время года слишком раннее, воды слишком мало, а редкая трава слишком засохла, чтобы стада и отары могли пересечь пустыню. В тот день мы преодолели шестьдесят миль по обожженной глине, и этот день показался мне чрезвычайно длинным.

Но последние лучи заходящего солнца в тот вечер осветили для нас купол большой гробницы Сарымсакты. Само название подразумевало наличие воды и конец пустыни. Здесь ушел из жизни богатый казах, и его друзья воздвигли этот монумент в память о нем, создав его из желтой глины и разместив среди золотых тростников на берегу небольшого

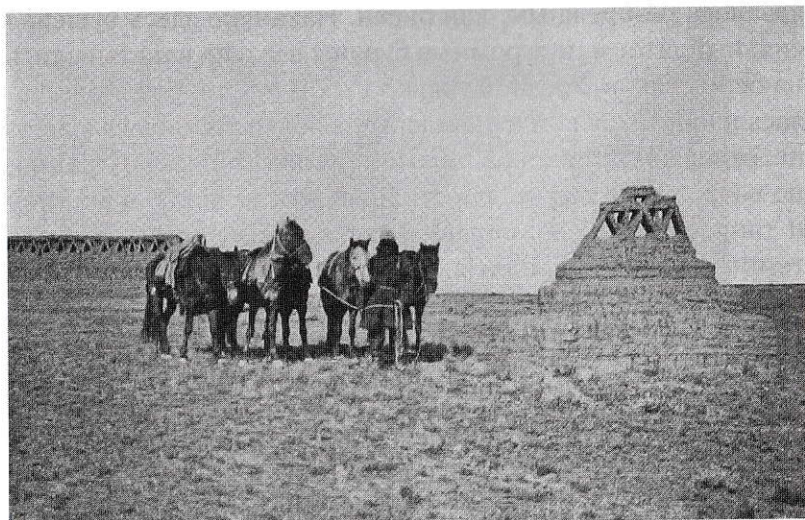
пруда. За ней возвышалась гряда невысоких красных холмов, а за ними – озеро.

Лошади превратились в жалкие скелеты, измученные неумолимой жарой и почти двумястами милями медленной рыси, а также нехваткой еды и воды. Одна из них совсем изнемогла, и нам пришлось оставить ее, послав за ней повозку после того, как мы дошли до озера. На следующее утро нам хотелось отправиться в путь пораньше, но мы пожалели своих лошадей. Когда мы приблизились к последним холмам, отделявшим нас от озера, наши тени простирались далеко вперед. Ни деревья, ни куста, ни даже травинки не было видно. Малиновые холмы из песчаника светились кроваво-красным светом в свете заходящего солнца. На самой высокой вершине на фоне неба вырисовывались флаг и две маленькие фигурки. Заметив нас, обе фигуры поспешили вниз так быстро, как позволяли их неуклюжие высокие ботинки и объемистая одежда. Неудивительно, что Тундусбек и Закир-бек были рады нас видеть!

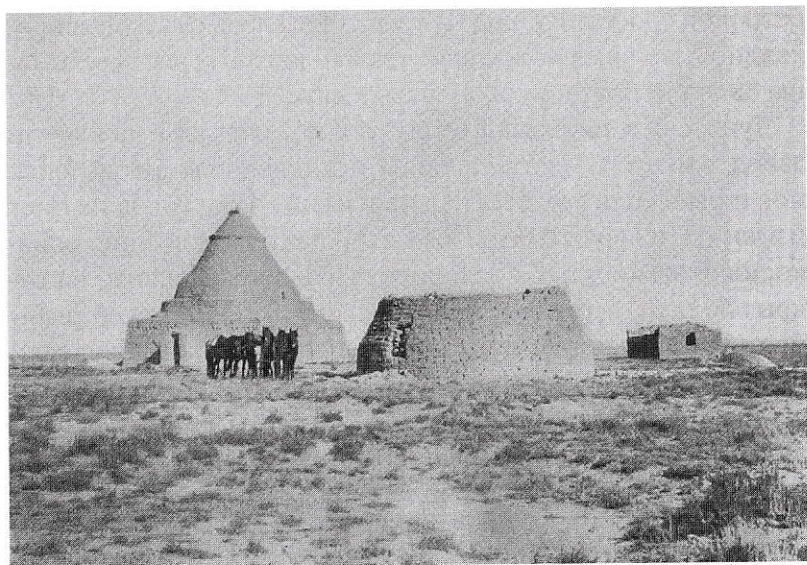
С самого начала они расточали провизию, и наше пребывание здесь затянулось дольше, чем предполагалось. Запасы продовольствия иссякли неделю назад, и они вынуждены были питаться диким луком и водой из озера. Адам, Нурман и Абдрахман заставили своих лошадей перейти на подобие галопа. Вереница ведомых лошадей дрогнула, плетясь вперед, и, наконец, с трудом приобрела немного более быстрый темп, тяжело перемещаясь на своих тонких, изнуренных ногах.

Когда мы поднялись на невысокий перевал, перед нами открылась картина, еще более величественная, чем это представлялось в наших зимних фантазиях! Там покоился обруч из драгоценных камней, словно созданный для украшения волшебной Монголии, царства Чингисхана и Золотой Орды. Бирюза, изумруд, сапфир и рубин – все на фоне ярчайших золотых и медных холмов, отполированных красными оттенками заката.

С нетерпением мы спустились к озеру – водоему, чей оттенок можно было сравнить только с молочно-голубой би-

БОЛЬШИЕ МОГИЛЫ В ЗАСУШЛИВЫХ СТЕПЯХ

МОГИЛЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОЗЕРА БАЛҚАШ

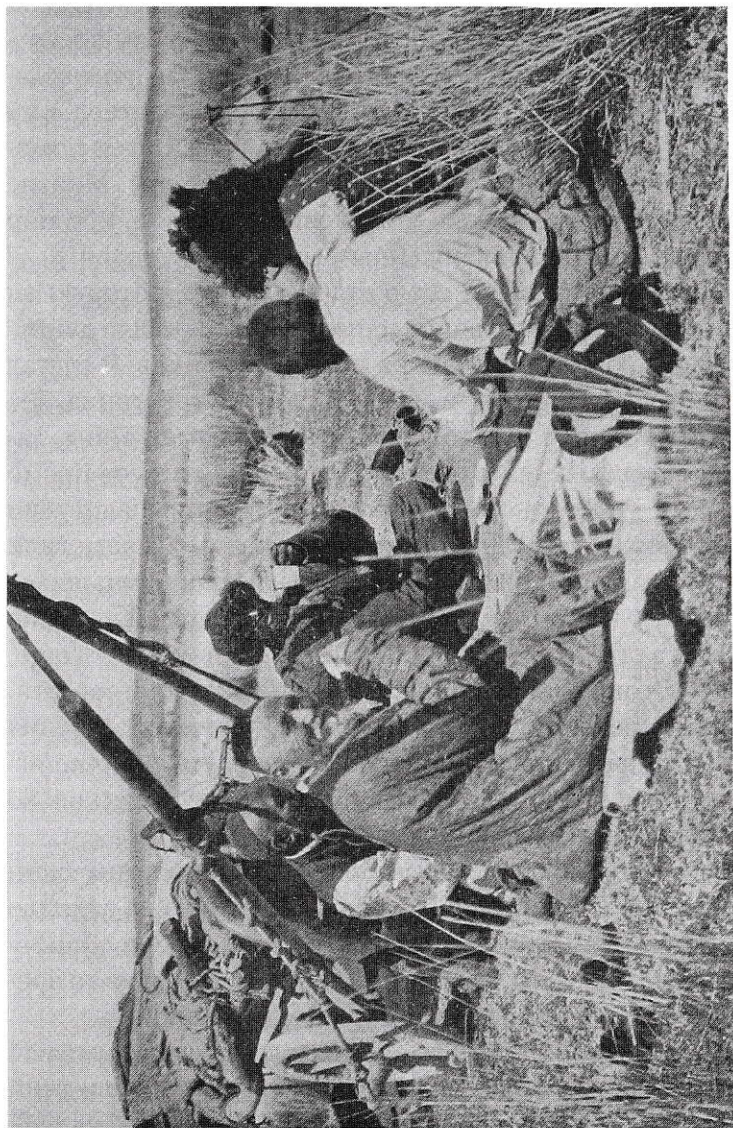
рюзой, украшенной прозрачно-зеленым хризопразом. Оно казалось безбрежным, как океан. Накануне здесь бушевал сильный шторм, и огромные буруны все еще накатывались на берег. На изумрудной траве за кромкой прибоя возвышалась наша белая войлочная юрта, а лодка покоилась в лагуне, отделенной от озера полосой румяного песка. Странно, но вода в этой лагуне, простирившейся на милю в ширину и тянувшейся вдоль берега насколько хватало глаз, была темно-сапфирово-синей и кристально чистой, в то время как озеро имело мягкий опаловый оттенок.

В нескольких местах лишь три фута песка отделяли две воды. По всему периметру, за исключением участков, где скалистые холмы подступали к берегу и образовывали длинные выступы, уходящие в воду заливы, простирались обширные поля желтого тростника. Пушистые верхушки тростника высоко поднимались над водой, иногда достигая десяти и более футов. Белые лебеди группами и парами мирно плавали по заливу, то появляясь, то исчезая среди островов тростника. Вода в озере оказалась сладкой и прохладной, но нам рассказали, что в некоторых частях Балхаша она приобретает солоноватый вкус.

Тундус-бек рассказал, что с тех пор, как они покинули завод, никого не встречали, за исключением диких кабанов и рыбы, которых было в изобилии. Даже голод не смог изменить их мусульманского отношения к свинине, однако, как только у нас появились рыболовные снасти, на открытом огне готовился аппетитный ужин из свежей рыбы и жареного дикого лука. Эти блюда, а также баурсаки и чай, составляли основной пищевой рацион во время нашего пребывания у озера. Закир-бек поделился с нами, что по приезде холмы были усыпаны ковром желтых тюльпанов, а дикий ревень все еще процветал в изобилии.

– А теперь, Тундус-бек, – кричали мы на следующее утро, – покажи нам этих свиней.

– Боже упаси, бай, это большой грех – трогать, даже преследовать свинью. Но я последую за вами, если вы решите идти.

ТУНДУС-БЕК ПЬЕТ ЧАЙ СО СВОИМИ СПУТНИКАМИ
Старый Тундус-бек был отъявленным конокрадом

В молодости старый Тундус-бек был известен как отъявленный конокрад. Ведь для того чтобы приобрести хорошую жену, казах должен был заплатить много лошадей, а украсть их – самый простой путь. Такие конокрады предпочитают одеваться в полностью белую одежду (мы утверждаем, что это символ сияющей невинности их характера, в то время как сами казахи утверждают, что белый цвет помогает им избегать внимания в сверкающей степи). Многие закрывают глаза на выходы этих женихов в белом, ибо мир давно решил прощать влюбленным много проступков.

Тундус-бек пристегнул свою старую саблю, которую он всегда носил, охраняя наших лошадей, и мы рысью двинулись вдоль кромки тростника в поисках кабанов. В глазах старика сверкал азарт при каждом шорохе тростника. Белые чайки кричали над головой, а невидимые птицы, лягушки и насекомые издавали хор из разных голосов прямо из глубины тростниковых зарослей. Внезапно наши уши уловили писк и хрюканье, и, обогнув холм, мы заметили дюжину крупных черных кабанов, стремительно мчащихся к тростнику. Мы уперлись пятками в бока лошадей и махнули руками в стиле казахской погони, бросившись в погоню. Тундус-бек, сопровождая нас, хотя и вопреки своей совести, но согласно велению своего спортивного сердца, вступил в охоту. Мы преследовали стадо до тех пор, пока оно не исчезло из виду, оставив лишь одну свиноматку и несколько полувзрослых поросят.

Когда последний поросенок бросился в тростник, один из нас быстро наклонился и ловко поймал его за заднюю ногу, сидя в седле. Этот жест послужил сигналом к общему бегству лошадей, и мы быстро помчались в лагерь, в то время как Тундус-бек размахивал саблей над головой.

Увы, для старика! Когда мы подъехали к лагерю, резвый поросенок выпрыгнул из седла, лошади сделали последний рывок, всадник потерял хватку на судорожно сжатой задней ноге, и визжащий поросенок понесся напрямик к тростнику. Это было слишком для Тундус-бека. Он взмахнул саблей,

развевал руки и ринулся за беглецом. Догнав проклятую свинью, он вонзил священное лезвие меча в самое ее сердце, под насмешливые возгласы своих молодых товарищей. Бедный благочестивый Тундус-бек! Как был подавлен старик, осознав всю чудовищность своего греха! Прошло несколько дней, прежде чем шутка утихла, и старик вновь обрел самоуважение. Мы часто видели, как он расстилал свой плащ на берегу озера, молился и снова и снова припадал к земле. Да услышит Аллах твои молитвы, добрый, сердечный Тундус-бек!

Однажды утром нас разбудило далекое приглушенное шарканье, предшествовавшее топоту тысяч маленьких копыт. Мы взглянули вдоль дороги и увидели приближающееся стадо крупного рогатого скота, перед которым шло черно-белое пестрое стадо овец и коз. Шесть черных яков вели стадо, а рядом и вокруг него ехало полдюжины всадников, сидящих в высоких серебряных седлах. На их головах были черные шапки из овчины. Наши люди побежали их приветствовать.

– Саламалейкум! Қайда барасындар?*

– Мы идем в Акмолу.

– Откуда вы пришли?

– Мы сарты из Ташкента.

– Мал-жан аман ба?*

– Аман, аман.

– Хорошо ли паслись по дороге?

– Очень плохо.

– Видели ли вы тигров?

– Да. Один напал на наше стадо у южного конца озера.

– Не продадите нам овцу?

– Да, и яка одного продадим. Они умирают от жары.

Мы были рады возможности разнообразить наш рыбный рацион небольшим количеством вареной баранины, но от яка отказались. Нам было очень жаль этих прекрасных лох-

* Мир вам! Куда держите путь?

** Здоровы ли ваши семьи?

матых существ, так терпеливо бредущих по раскаленной равнине и тоскующих по своим снежным горам, но в качестве еды они нас не устроили.

И все же, хотя мы купили овцу (по непомерно высокой цене, о, хитрый сарт!), наши планы поесть баранины были нарушены внезапной, страстной привязанностью, которую наш будущий ужин стал проявлять к Тундус-беку. Овца бегала за ним, куда бы он ни пошел, в юрту, среди повозок и лошадей. Она оставалась рядом с ним, когда он уезжал и следил за нашими лошадьми. Она подавала самые жалобные сигналы тревоги, если на мгновение теряла его из виду, как будто понимала, что только старик стоит между ее жизнью и котелком для приготовления пищи. Привязанность овцы была настолько трогательной, что только на третий день голод взял верх над нашими чувствами. Стая голодных волков пела похоронный реквием несчастному существу той ночью.

Однажды утром, словно из ниоткуда, как это часто бывает с казаками, к нам приблизился очень старый, одинокий всадник на изможденном белом коне. По его тюрбану и белой одежде мы узнали в нем муллу. Возраст скрючил его, а длинная белая борода скрывала значительную часть его лохмотий. Очевидно, он был сыном голодной степи, ведь его лицо и руки были истощены и высохли. Он никогда прежде не видел европейцев. Мы так и не узнали, откуда он родом и как живет. С нетерпением он ожидал наших баурсаков и согласился слезть с коня, чтобы зайти в нашу юрту. Его ноги так искривились от долгих лет в седле, что ступни повернулись внутрь, почти под прямым углом.

– Аман ба! Қайда барасындар? – спросил он нас.

– Ауылға барамыз*.

Это был самый простой ответ. Он поворчал, а затем спросил то же самое.

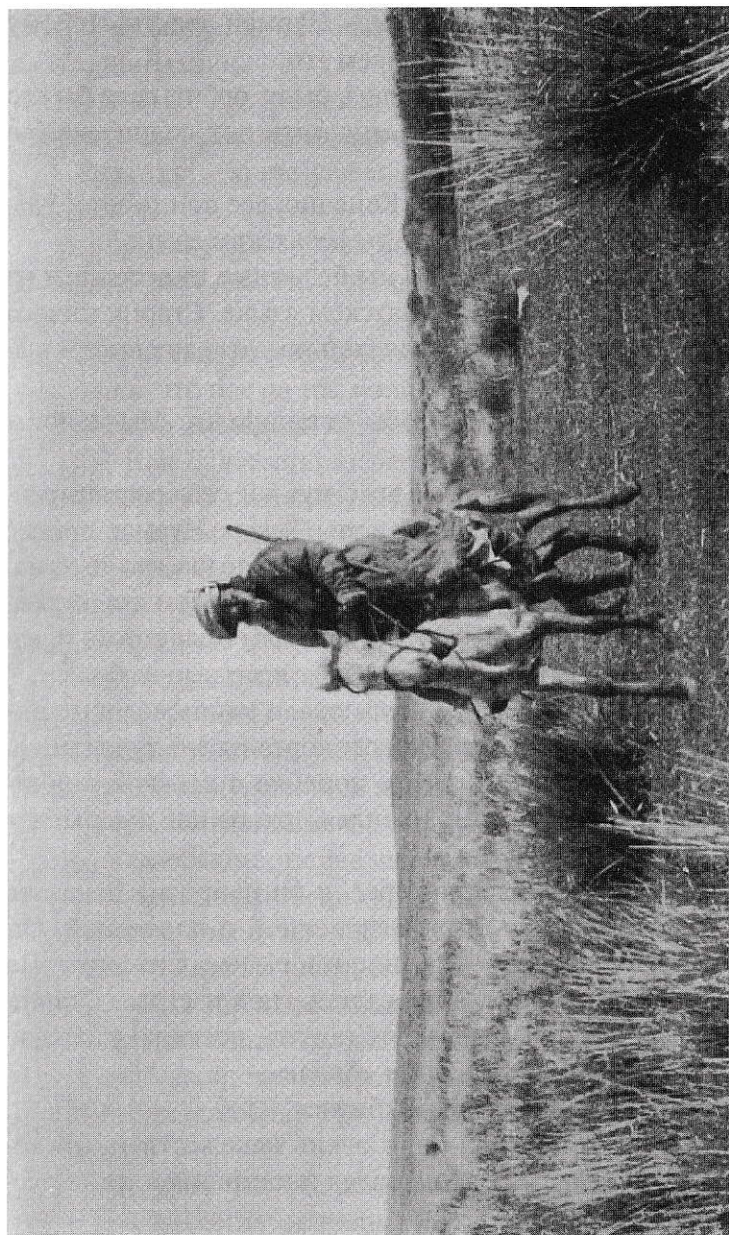
– Білмейміз**, – ответили мы.

* Идем к себе домой.

** Не знаем.

ики
ой
не-
ой
ли
ую
бе-
ок
ал
б-
ду,
из-
ть
ий
ых
ву
а-
ий
е-
о,
го
дь
е-
он
р-
у.
и
о-

Бирюзовое озеро

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА БАЛХАШ
По тюрбану мы узнали в нем муллу

Он вежливо повторил свой вопрос.

– Білмейміз, – повторили мы. – Нурман, скажи старому джентльмену, что мы не понимаем его.

Глаза старого муллы выкатились бы из орбит, если бы его щеки не сморщились от восьмидесяти лет солнца, ветра и холода.

– Что значит, не понимаю? Конечно, все понимаете! Разве я не говорю с вами на простом казахском языке?

Нурман объяснил ему, что мы безумные иностранцы из страны, где не говорят на казахском языке. Старик ничего не понял, но встал, испытывая сильное отвращение, и вышел из юрты.

– Нурман! Скажи ему, чтобы остановился. Мы напоим его чаем. Ақша болады*.

О, волшебные слова! Мулла подогнул под себя растопыренные ноги и сел на ковер нашей юрты. Вскоре Нурман принес самовар, и, пока старик посасывал чай из блюдца, кто-то из нашей компании достал коробку с красками и альбом для рисования. Через десять минут изображение муллы было готово и, казалось, словно перенеслось из коробки с красками на бумагу.

– Ойбай! Шайтан бар!** – бормотали наши молодые погонщики, наблюдая за процессом через плечо художника. Они осторожно прикасались к коробке с краской кончиками пальцев, несомненно, ожидая, что из нее выпрыгнет шайтан, или дьявол.

У старика пробудился интерес, и он попросил показать ему рисунок. Реакция была мгновенной и плачевной. Он поднял свои трясущиеся конечности и выбежал из юрты. На его лице одновременно выражались гнев и страх. Старик страстно молился, мы смогли это понять, поскольку каждое из произносимых им слов было «Аллах».

Нурман снисходительно улыбнулся.

– Он мулла, – пояснил он, – очень невежественный человек. Он никогда раньше не видел иностранцев, даже рус-

* Деньги будут.

** Ойбай! Внутри дьявол!

ских. У нас считается большим грехом рисовать форму или черты человека, но мы знаем вас и научились не обращать на это внимания.

Ничего из того, что мы могли сделать, не могло успокоить старика. Он забрался на свою лошадь и погнал ее прочь.

– Тұра тұр! – крикнули мы, – подожди! Вот тебе кое-что! Ақша бар!

Мы протянули ему трехрублевую купюру.

Мулла взял деньги, посмотрел на них и бросил на землю.

– Скажи ему, что это деньги, Нурман, – кричали мы, отчаявшись, что нас не так поняли.

Это было последней каплей терпения. Самые настоящие деньги! Как будто старик не знал, как они выглядят! Это были деньги! Он ускакал, а Нурман снова улыбнулся. Мулла был нашим последним гостем на озере Балхаш.

Итак, три недели приключений были на исходе. Запасы продовольствия иссякали. Нас ждали обязательства. Однажды утром мы с грустью готовились к отъезду. Юрта была сложена, лодка извлечена из воды, лошади запряжены. Таким образом, три грозные повозки вновь вступили в путь по безмолвной степи. Мы восседали на лошадях, которые отдохнули и подкрепились на плодородных пастбищах у берега озера. Каштановые и пегие жеребцы рассекали воздух. Сбруя, как обычно, порвалась в нескольких местах, зазвенели колокольчики. Бирюзовое озеро мы оставили далеко позади себя, лебедям и чайкам. Красные холмы тоже скрылись вдали. Еще до полудня мы вступили на пятидневный путь домой. Июньское солнце жарило нас, словно мух на глине. Колокольчики звучали жалобно и хрипло, часто прерывая свой звон, чтобы проглотить ноту, подобно тому, как разгоряченная собака приостанавливает пыхтение, чтобы глотнуть.

В мыслях мы все еще оставались на берегу озера, которое покидали навсегда: ловили рыбу с красных скал под шум прибоя, преследовали лебедей по лагуне на лодке, чтобы

поближе увидеть их величественную красоту, гонялись за кабанами по краю тростниковых зарослей, слышали смех чаек. Они словно издевались над нами, потому что могут вечно парить над этой жемчужиной степи, а мы ее больше никогда не увидим. Казалось, что с каждой секундой пропасть между нами и последним взглядом на эту прекрасную, неизведанную воду становится все шире, но мы ошибались: память о Балхаше до сих пор так же ярка в наших сердцах, как и краски самого озера.

МАНЕКЕН

Вечером пятнадцатого января 1905 года мой коллега Хартер, главный горный инженер, и я устроились на небольшом отвале низкосортной руды у вершины священного холма – скалистого выступа, который представлял собой один из выходов большой жилы Успенского рудника. Мы были мрачны, почти угрюмы, готовы проклинать судьбу и даже друг друга. Каждый, кто когда-либо трудился в одиночестве в чужих краях, знает, как иногда жизнь может казаться невыносимо тяжелой. Красота окружающего мира больше не способна очаровать, и по своему собственному расстроенному воображению он чувствует, что был избран среди людей, чтобы пережить жизнь в постоянном одиночестве и лишениях. Независимо от силы его сердца, бывают моменты, когда тоска по родной земле побеждает его душу, гордость за жизнь уступает место отчаянию, и он не жаждет ничего, кроме как полного конца всего этого. Предполагаю, что тогда нас охватил острый приступ этой болезни, потому что мы чувствовали себя чрезвычайно одинокими.

В окружающей нас обстановке не проглядывало и тени веселья. Небо было покрыто тучами, плотными и бесформенными, готовыми сорваться с надвигающимся снегом. Пейзаж скован холодом зимы. Земля уже три-четыре месяца была покрыта снегом, и неутомимые ветры стирали с нее всю красоту. Голые камни лежали остекленевшими листьями там, где было хоть немного защиты для них – не-

приглядными кучами у построек вокруг шахты, покрытых сажей и золой из кузнечной мастерской. Дым от котельной валит горизонтально из трубы, образуя длинную темную полосу, которая устремлялась на юг, к горам Кызыл-Тау.

Казалось, что мы были рады выбраться из холодной атмосферы шахты, и, вероятно, глубоко в душе даже мечтали об избавлении от такой мрачной обстановки. Наше настроение соответствовало погоде, ведь перед нами стоял тяжелый, унылый день. Мы пристально изучали отчеты о бурении, проведенном под священным холмом. Для коренных жителей казахской земли этот холм обладал особой сакральностью. В мусульманском мировоззрении каждый холм окружен аурой святости, но этот священный холм отличался от других – здесь располагалось месторождение таинственной руды, и, согласно казахской легенде, ночью над ней мерцали загадочные бледные огоньки. Было любопытно встретить это поверье в столь отдаленном уголке мира, среди людей, которым не свойственна привязанность к горнодобывающей деятельности. Оно напоминало поверье «кузена Джека» из Корнуолла*, где над месторождениями руды играют блуждающие огоньки**. Возможно, те же финикийцы***, которые прибывали в Корнуолл за оловом, несли с собой эти удивительные рассказы на восток, и они дошли

* Термин «кузен Джек» использовался для обозначения шахтеров английского графства Корнуолл, особенно горняков-эмигрантов в девятнадцатом и начале двадцатого веков.

** Блуждающие (или бесовские) огни представляют собой редкие природные явления, которые наблюдаются ночью на болотах, полях и кладбищах.

Их неожиданное и загадочное появление вызывает суеверия с древних времен и создает трудности для научного исследования. Болотные огни, пугавшие путников еще в древности, продолжают привлекать внимание и в наше время. Существует поверье, что некоторые огоньки, по неизвестным причинам, могут проявлять агрессивное поведение к людям или нести дурные предзнаменования, в то время как другие, наоборот, считаются способными помочь в трудную минуту.

*** Финикийцы – древний семитский народ, населявший Финикию, исторический регион на восточном побережье Средиземного моря с центром в современном Ливане. Проявившись как искусные мореплаватели, финикийцы вели активную морскую торговлю. Они основали колонии по всему Средиземноморью, и некоторые из них существуют до наших дней, такие как Кадис на юге Испании и Палермо на Сицилии.

до степей. Как бы то ни было, алмазные буры не оправдали надежд, зародившихся в наших сердцах благодаря священному холму и его легендам о блуждающих огнях.

Первым произнес свои слова Хартер:

– Эти бесплодные холмы, вечный ветер и неотступающая зима вызывают у меня отвращение. Я устал от вареной баранины, запаха сала, слабого чая и крупы в хлебе. Мне надоело каждый день двадцать раз натягивать и снимать меха, и чувствовать, что мой долг – быть веселым, когда веселиться нечему. Мне наскучило бурить бесплодные скалы и не находить ничего.

– Дело в том, Хартер, – сказал я, – что ты неправильно выбрал последнюю ямку.

– Может, я и неправильно выбрал. Но даже если бы получилось иначе, ветер все равно проморозил бы меня до костей. А теперь пойдемте в дом. Я одеревенел от холода.

Когда мы покинули обитель священного холма, наступила темнота. Нам предстояло пройти по скользкому краю открытого разреза, огромных выемок, вырубленных в смутном прошлом неизвестными руками в поисках богатых залежей драгоценной меди. В то время медь была для них тем, чем для нас является железо – ярким признаком прогресса, которого можно достичь благодаря большим человеческим усилиям.

Когда мы вышли на улицу, где располагались дома для рабочих, уже была непроглядная ночь. Окна излучали уютный свет, за которым мы могли разглядеть семьи, собравшиеся вокруг самовара, наполненные радостью и удовлетворением. Эти люди преодолели изнурительный путь длиной в полторы тысячи верст из Малороссии: на поезде, когда у них были деньги на проезд, и на повозке и пешком, когда средств не было. Здесь, в этом уединенном уголке земли, они нашли убежище для своих стремлений и были полностью счастливы. Несмотря на их скромные запросы – хлеб, немного чая и сахара, теплый дом и редкие праздники, они считали это место настоящим раем. Бедные души, они так

мало просили от жизни! Как сказал мне однажды шахтный аптекарь: «Здесь мы нашли все, что хотели. Мы совершенно счастливы». Он получал семнадцать долларов в месяц.

Когда мы, наконец, вернулись домой, радость от тепла и горячего чая овладела и нами. Тем не менее, я сомневаюсь, что наше потребление сахара пришлось бы по вкусу экономной душе аптекаря. Он извлекает из кармана кусок сахара, откусывает небольшую щепотку, которую зажимает между зубами, и пьет чай через нее. Таким образом, его небо время от времени наслаждается нежным вкусом сладости, и он счастлив. После того как он откусит столько кусочков, сколько чашек чая выпьет, он возвращает комочек в карман, где он ожидает своего следующего применения. Читателю, возможно, скромному, но, несомненно, склонному к расточительности, будет трудно поверить, что фунт сахара может долго выдерживать такое бережливое обращение.

Я предложил Хартеру отправиться на плавильный завод на следующий день – это семьдесят миль. У нас было четыре очереди лошадей на станциях, и, хотя я знал, что погода будет плохой, я рассчитывал, что сможем преодолеть расстояние. Однако управляющий проявлял больше сомнений:

– Завтра, ваше благородие, будет буря, а в такие времена люди теряют дорогу и жизнь.

– Ну что ж, управляющий, – ответил я, – давайте попробуем. Мы в руках Божьих. У нас есть четыре хороших человека и пятнадцать хороших лошадей, и я думаю, что сможем справиться.

– Хорошо, я распорядюсь, чтобы к рассвету все было готово, – сказал он и исчез в темноте за тяжелыми войлочными дверями.

На следующее утро перспективы оказались далеко не обнадеживающими. Дул свирепый ветер, который отклонился на северо-запад – а буран идет с этой стороны. Улицы деревни были очищены от снега, который лежал кучами у наших окон. Воздух был полон кружащихся ледяных частиц, которые стирали все очертания вокруг и создавали

впечатление, будто ты являешься частью бурана и несешься через пространство на грозовой туче.

Войлочные двери распахнулись, и Жумабек, наш погонщик, ворвался внутрь, сопротивляясь порывам снега. Он представлял собой странное зрелище. Закутанный в меха, подпоясанный ремнями и пряжками, он почти потерял способность к движению. Длинные рукава его ватной шубы свисали до колен. Голова была укутана в малахай, так что видны были только блестящий красный нос, черные брови и усы, покрытые сосульками. На нем было три пары сапог, делающих его ноги настолько неуклюжими, что он едва мог в них передвигаться.

– Жаман, – сказал он, – боран жаман*.

Нам было достаточно выглянуть наружу, чтобы понять, что буря сильная, но мы так доверяли Жумабеку, Абдрахману, Токсану и Укибасу, что я, со своей стороны, с радостью последовал бы за ними, даже если бы они сказали, что идут на Северный полюс.

Мы принялись одеваться. Наши ноги обули три пары сапог: сначала широкие мокасины из тонкой вышитой кожи с мягкой подошвой, затем войлочные сапоги (пимы) из плотной шерсти толщиной около дюйма, и, наконец, крепкие кожаные сапоги, все они достигали выше колена. Затем мы надели короткую шубу до колена, подкладку из овчины курчавой шерсти. После этого надели жакы** – громадную шубу из конской шкуры снаружи и лисьей внутри, достигающей земли. Ее воротник, когда поднимался, доходил до макушки головы. Шуба эта была объемная, что ее можно было обернуть вокруг тела почти два раза. И наконец, огромный плед из волчьей шкуры был последним штрихом нашего наряда.

На улице стояли сани, засыпанные снегом. Абдрахман занимал место на ней, Токсан и Укибас ехали верхом на каштановых жеребцах, причем один из них вел третьего. К саням были привязаны наши три великолепные «пеганки»

* Страшный буран.

** Жакы – дорогая шуба с воротником из дубленной шкуры жеребенка.

или пегие жеребцы. Возможно, это была лучшая и, без сомнения, самая изысканная тройка в пределах пятисот миль. Мужчины непрерывно болтали между собой, как это принято у казахов, но не было никаких признаков того, что они собирались отправиться в семидесятимильное путешествие по бескрайней степи во время яростной метели. Один из них произнес слово «жаман», но это было все. Можно было подумать, будто мы садимся на поезд из Блэк-Харбора в Нью-Йорк в 8:03 утра. Для нас это могло показаться приключением, но для них все это было естественным и неизбежным.

Ветер дул с огромной силой, и, пока не привыкнешь к нему, он словно душит и заставляет тебя задыхаться. Несколько друзей и казахских погонщиков собрались, чтобы наблюдать за нашим стартом. Они стояли без дела, казалось, полностью равнодушные к буре. Хотя, видимо, их лично тревожил наш отъезд, они не проявляли никаких признаков беспокойства по поводу нашей безопасности и, казалось, совсем не считали нас героями. Всегда немного разочаровывает, когда понимаешь, что твой героизм оценивается только в твоём собственном восприятии. Если бы обстановка изменилась, и мы оказались на верхней ступеньке лестницы, ведущей к платформам поезда на станции метро «42-я улица» в Нью-Йорке, а эти чудесные кочевники провожали нас, предвкушая собой борьбу за возможность добраться до Уолл-стрит к девяти утра, возможно, они почувствовали бы в своих сердцах отголоски героизма, в то время как мы оставались бы спокойными и равнодушными. Редко бываем героями в глазах своих братьев.

Мы сразу осознали, что наше чувство героизма было абсолютно неуместным. Проглотив разочарование и справившись с душащим ветром, мы, насколько смогли, приняли равнодушный вид.

– Какие у вас замечательные и удобные сани, – заметил аптекарь, – вам будет тепло здесь, как гренке в печи.

Сани представляли собой обычную большую повозку примерно шести футов в длину и четырех в ширину, обтя-

нутую снаружи плотной кожей. Сзади был кожаный козырек, спереди на повозку укладывалась доска, закрывающая ноги и обеспечивающая место для водителя и, возможно, еще одного человека. От сиденья до верха козырька тянулся тяжелый кожаный фартук, чтобы путешественник мог, при необходимости, укрыть свою часть саней. Погонщики лишены какой-либо защиты, и, кажется, они не ожидают ее или не обращают внимание на ее отсутствие. Они, кажется, подчиняются закону природы, согласно которому одни люди всегда оказываются впереди, а другие – позади. В тот день мне было трудно смириться с жизнью за пределами своего контроля, и я не уверен, что смог бы выдержать ее хотя бы час, находясь спереди. Но выносливость этих казахов просто поразительна. Однажды сам Абдрахман провел на том же деревянном сиденье всю дорогу от медеплавильного завода до Петропавловска в морозную зиму – сто двадцать часов без всякого отдыха. При смене лошадей он ухаживал за ними и помогал нам с едой. Когда он сам успевал поесть, я не знаю. Кажется, он почти ничего не принимал, за исключением редкого стакана горячего чая. Пять дней и ночей он продержался прямо на той голой доске.

Несмотря на утверждения аптекаря, сани, когда мы заглянули внутрь, не представлялись нам теплыми. Там царил беспорядок из сена, подушек и снега. Однако мы сказали, что все в порядке, и остальные присоединились к этому мнению. Наши друзья подложили волчью шкуру вокруг наших ног, и с последним «прощай» пристегнули фартук к козырьку. «Айда!» – крикнул погонщик, и лошади рванулись вперед. Сани вздрогнули, и массивная фигура Хартера обрушилась на меня, от чего спасло только еще одно рывковое движение, бросившее уже меня на него. Русские сани держатся на двух близко расположенных полозьях под центром кузова. Чтобы предотвратить возможные наклоны, с каждой стороны установлены разнообразные выносные опоры, принимающие на себя вес саней при их сильном наклоне в ту или иную сторону. Благодаря этому механизму, во время

начала наклона вы ощущаете постоянное волнение, избегая при этом дискомфорта, связанного с завершением процесса. При наклоне до пятнадцати градусов с каждой стороны перед тем, как сработает выносная опора, общий угол наклона составляет приблизительно тридцать градусов, добавляя к приключению приятные и регулярные эмоции. Однако, когда вы путешествуете с таким человеком, как Хартер, это может вызвать раздражение: он весил гораздо больше меня. Когда сани перекатывались на выносную опору с моей стороны, ему приходилось занимать шесть дюймов пространства, в то время как, когда сани перекатывались на его сторону, я получал всего три дюйма. Даже долгая и крепкая дружба не всегда выдерживает такие испытания.

Подобно кораблю в море, вы подвержены не только боковому крену, но и крену на нос и корму, входя и выходя из ухабов, которые часто заполняют преодолеваемую снежную дорогу. Такие ямы располагаются на расстоянии двадцати или двадцати пяти футов друг от друга и могут непрерывно следовать одна за другой на коротких участках или на протяжении мили и более. Из-за этих двух сил, действующих друг на друга под прямым углом, возникает удивительное и раздражающее разнообразие эффектов падения, причем ни один из них, кажется, не повторяется.

Тем временем Жумабек и Абдрахман спокойно сидят снаружи на своем узком борту, не обращая внимания на выносные устройства или ухабы. Токсан и Укибас рыскают рядом на каштановых жеребцах, также не проявляя никакого беспокойства.

Мы неслись быстро, и дома деревни, казалось, внезапно возникали из непроглядного тумана, так же быстро исчезая. Я мог частично узнавать магазин и пороховой погреб, и, кажется, различал движение саней, когда мы огибали подножие Успенского холма и поворачивали на север, к плавильному заводу. Однако после этого я больше ничего не видел, ничего не чувствовал, кроме кренящихся саней. Небо и земля были слеплены лепящим снегом в единое целое.

Через некоторое время эффект становится обескураживающим. Три измерения теряют свою идентичность, и кажется, что вы движетесь по ним одновременно. В бесветренную ночь, когда туман светится в лунном свете, словно светящийся пар, пейзаж наполняется фантастическими и поражающими иллюзиями. Вы перестаете скользить по земле и начинаете плавать в воздухе под звон саней, окружаемые чередой фантастических видений, необычайно ярких и настойчивых. Горы мерцают, появляются и исчезают. Дома вдали быстро приближаются, а затем внезапно превращаются в маленькие березки, стремительно мелькающие мимо. Огромные утесы возвышаются над вами, дорога вырублена в скале, а с другой стороны открывается вид на поток воды, бурлящий над валунами в тридцати футах под вами. Вы протираете глаза, но видение сохраняется, не исчезает, пока не сменится другим, не менее фантастическим. Но в ветреный день, когда снег бьет по лицу до крови, нет места для приятных иллюзий, и вы осознаете лишь борьбу с природой. На мгновение завеса поднимается, и перед вами внезапно возникает совершенно неожиданный куст, стремительно увеличиваясь до огромных размеров, бьет вас по лицу, бросает горсть снега на шею и тут же снова сжимается до нуля. Тучи обрушиваются на вас невидимыми руками, а ледяные брызги злобно плюют вам в лицо. Сил не хватает ни на какие мысли, кроме как на борьбу с бурей. Как погонщики и всадники удерживаются на отведенной колее или где-то рядом с ней, я не знаю. «Вы видите дорогу?» спрашивал я время от времени, и всегда получал ответ: «Видим». Иногда я тоже видел ее, вернее, чувствовал, когда полозья саней ступали по ее каменистой поверхности, где ее выметал ветер.

Мы двигались медленно из-за ветра, который взметнул снег в высокие торосы, в которые сани погружались, подобно глубокому рыхлому песку. Пегим лошадям приходилось с огромным усилием тащить сани через эти торосы. Для такой работы необходимы были не только хорошие лошади,

ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТЕПИ

*КОГДА ДОРОГА ПЛОХАЯ, ЛОШАДИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ЗАПРЯЖЕНЫ В ТАНДЕМЕ*

но и опытные люди. Я лишь однажды смог определить наше местоположение, когда мы скатились с берега на черную ледяную поверхность реки Сарысу. Путь до Булкулдака, протяженностью в двадцать миль, занял около четырех часов. Дом, наполовину вдавленный в склон холма и полностью погребенный под снегом, едва можно было различить, но тонкий столбик дыма и насыщенный запах горящего навоза свидетельствовали о том, что внутри тепло и есть жизнь.

Вскоре мужчины были заняты сменой лошадей. Я спросил их, не слишком ли тяжела для них буря и уверены ли они, что смогут идти по дороге. Похоже, они сочли этот вопрос несущественным, и я больше ничего не сказал.

Второй этап до Дарии был подобен первому, за исключением того, что каждый всадник теперь вел по две лошади. Дорога шла параллельно и вдоль подножия высокого скалистого горного хребта, но горы сегодня были невидимы из-за погоды. Когда мы достигли Дарии, был уже полдень. Мы находились в санях около восьми часов и страдали от холода. Это было настоящим испытанием.

По прибытию в Дарию, почувствовали манящий аромат дыма, он оказался очень ободряющим, и мы быстро выскочили из саней, вместе пробирались по снежному проходу во внешнюю комнату. На пути мы спотыкались в темноте о коз, овец и верблюдов, пока не нашли дверь в гостиную. В комнате было все и ничего из того, что следовало бы ожидать, но тепло создавало впечатление волшебного дворца. Накануне мы отправили сюда Акына, который приготовил самовар, и мы наслаждались горячим некрепким чаем, пока руки и ноги не пришли в себя.

Когда мы покинули Дарию, каштановые жеребцы были привязаны к саням, а три человека, управляя двенадцатью запряженными лошадьми, двигались рядом. Дорога оказалась очень трудной, и легкой каштановой тройке потребовались значительные усилия, чтобы тащить сани через свежие сугробы. К счастью, ветер утих, и холод стал более терпимым. А может, нам так показалось благодаря дей-

ствию горячего чая, который мы пили в течение нескольких часов и который волшебным образом разогревал нас.

При приближении к станции Нура, всего в пяти милях от нас, дорога извивалась вокруг нескольких холмов, и ветер, то отрываясь, то оставаясь позади, стал менее сильным. Перемена настроения произошла мгновенно: мы опустили фартук нашей повозки, мужчины в ней начали беседовать, и всадники тоже присоединились к беседе. Дорога теперь была отличной, и мы галопом помчались по замерзшей тропе на двенадцать миль. Трое погонщиков впереди гнали двенадцать свободных лошадей. Казалось, они с легкостью и мастерством управляют ими. Это было восхитительное зрелище. Я видел всадников на севере, юге, востоке и западе, но никогда не встречал людей, которые так естественно и полностью владеют искусством управления лошадьми, как казахи. Они не так эффектно и грациозны в седле, но они находят единение с этими прекрасными животными. Их гармоничному взаимодействию учат с самого детства. Когда мы подошли к станции Нура, все они начали кричать и смеяться, и лошади, казалось, почувствовали дух момента, весело подхватив его, и мы все вместе помчались к станции, находясь в приподнятом настроении. Жумабек сказал мне:

– Уже совсем темно, и мы боимся, что не сможем найти дорогу. Мы думаем, что должны остаться здесь на ночь.

Я понимал, что на самом деле он хотел сказать: ему хочется вареной баранины. Однако согласился с ним в том, что стало темно, и лучше подождать до утра.

И вот мы, вместе с пятью людьми и шестнадцатью лошадьми, спустились в снежный туннель и в суматохе бросились в дом наперегонки, кто успеет первым. Внешняя комната была уже полна лошадей и верблюдов. Стояла такая тьма, хоть глаз выколи. Но кто-то услышал наш шум, и вдалеке скрипнула и открылась дверь, в которой мелькнул свет, а изнутри донесся густой дым. «Аман ба, бай», – кричал мужчина, пока мы спотыкались о коз и овец, ударяясь головами о столбы и жерди низкой крыши.

Мы присоединились к кругу работников, сидящих вокруг огня, который одновременно дарил свет и тепло. Сняв с себя тяжелую одежду и обувь, мы стали частью этого круга. Караган был сложен в стопку, а запах животных и дым в соседней комнате были далеки от приятного. Казалось, все, кроме нас, находилось в полном комфорте, но, по крайней мере, мы были укрыты от мороза снаружи. После того как наши товарищи позаботились о животных, они предоставили нам корзину с продовольствием. Собравшись в круг вокруг нас и Хартера, они внимательно следили, как мы приступаем к приему нашей необычной и скудной еды. Они сами не испытывали желания перекусить, но с терпением ожидали, пока мы завершим наше необычное угощение.

От горячего чая и наполняющего воздух удушливой дымки наши мозги стали плавиться в круговороте мыслей. Меня охватило желание настоять на продолжении нашего пути. Однако вокруг царил такая радость и беззаботность, что нам пришлось приложить огромные усилия, чтобы сдерживать это внутреннее стремление. Мы согласились с нашим погонщиком Жумабеком, решив, что такое большое событие следует отметить торжественно – вареной бараниной. Так что мы передали пять рублей смотрителю станции и направились в соседнюю комнату. Там мы выбрали барана, которого немедленно зарезали и принесли в гостиную. Прошел час, в течение которого я с наслаждением приготавливал животное для котла. Голову вручили мне в ее первозданном виде, в углях сделали небольшое отверстие и демонстрировали, как оно будет деликатно готовиться, чтобы угодить моему вкусу. Запах горячей шерсти наполнил комнату своим резким ароматом. Если моих слов достаточно для того, чтобы кроткий, но впечатлительный читатель мог создать правильное представление об этой сцене, я воздержусь от дальнейших ужасных подробностей.

Когда блюдо было приготовлено, мы устроились вокруг дымящегося котла. Голову мне вручили, как особый деликатес, и веселая болтовня казахов на некоторое время замолкла. Последний кусок был съеден, последняя косточка

разломана и обглодана, после чего мы вновь уселись вокруг циновки, наслаждаясь чаем.

Жумабек выстругивал деревянные обломки, а Абдрахман занимался необычными вещами с оставшимися частями барана, обычно скрытыми от глаз. В конце концов, все эти элементы соединились, образуя манекен, подвешенный к упругому шесту на крыше на веревке, которую Абдрахман изготовил из кишок животного. Все было настроено так, что при легком колебании шеста маленький манекен танцевал и исполнял забавные сцены на низком столике, который был принесен и оформлен как сцена для него. Он продолжал танцевать часами, не уставая, и ему с радостью аплодировали. Казалось, эти дикие грубияны приняли его в свои сердца за радость, которую он им приносил. Чем энергичнее он танцевал, тем более они были довольны. Все это было очень человечно и, в какой-то мере, трогательно. У меня внутри ящика моего стола до сих пор хранится этот маленький веселый манекен, привязанный к своей первоизданной нитке из кишок. И каждый раз, когда мой взгляд ложится на эту небольшую глупую игрушку, я вспоминаю, как он танцевал в уединенной снежной хижине в степи. Дюжина мужчин сидела в кругу, часами восторгаясь его забавными выходками, забывая о холоде прошедшего и грядущего дня. В каком-то смысле эти люди раскрыли секрет жизни, ибо они находят истинное счастье в радости живого существования. Борьба, которую они знают, – это вечная борьба с природой, а не бессмысленная схватка друг с другом.

Я поддался жаре и усталости, погрузившись в сон, а манекен продолжал свой беззаветный танец.

На следующее утро воздух стоял неподвижным и крайне холодным, и мы добрались до дома без каких-либо происшествий. В течение нескольких последующих дней рабочие являлись на работу с носами и щеками, усеянными следами мороза. Говорят, что два человека погибли в метели. В степи всегда сложно подтвердить такие слухи. Жизнь там крайне непредсказуема.

ОХОТА С ОРЛАМИ

Рассказывая охотничью историю, всегда приходится сталкиваться со скептически настроенной аудиторией, так как существует незыблемое убеждение в недостоверности воспоминаний охотников. Некоторые утверждают, что все охотники – лжецы. Вот уже много лет я рассказываю историю об охоте на лис во Флориде: как после утомительной погони лиса взбирается на сосну, как охотник следует за ней, поднимается на дерево и схватывает лису за шею, спускаясь таким образом на землю. Я очень часто рассказывал эту историю в качестве эксперимента, смутно задаваясь вопросом, когда же встретится человек, кто примет ее с радостным молчанием. Но я никогда не слышал, чтобы она вызывала какие-либо комментарии, кроме: «Лисы не лазают по соснам». Можно ли рассчитывать на доверие, когда я рассказываю, как казахи ловят волков с помощью орлов?

Хотя наши отношения с Адамбаем были напряжены из-за прискорбного случая с исчезновением трехрублевой купюры в рукаве старика, когда мы занимали у него двадцать тысяч рублей, старик оказался исключительным охотником и сдержал свое обещание, данное в более радостные времена. Он пригласил нас присоединиться к нему на охоту с орлами, и в одно прохладное октябрьское утро к нам в деревню прискакали двое мужчин с большой помпой и передали следующее сообщение: Адамбай надеется устроить первую в сезоне охоту с орлами на следующий день и просит нас

разделить с ним этот волнующий момент, присоединившись к нему в его зимовке на горах Кызыл-Тау.

Одно дело – навестить казахов в их юртах, когда над ними сияет летнее небо, а вокруг – усыпанная цветами земля. Когда стада тучны и стройны, девушки заняты ягнятами и детьми, а мальчики каждый день упиваются кумысом. Но совсем другое дело – приехать к ним в их отвратительные зимовки, когда молодые мужчины всю ночь пасут стада и скот на пронизывающем ветру, а женщины, дети и старики копошатся в темноте и грязи жалких хижин. Но перспектива орлиной охоты была захватывающей, и мы оседлали лошадей, следуя за нашими проводниками.

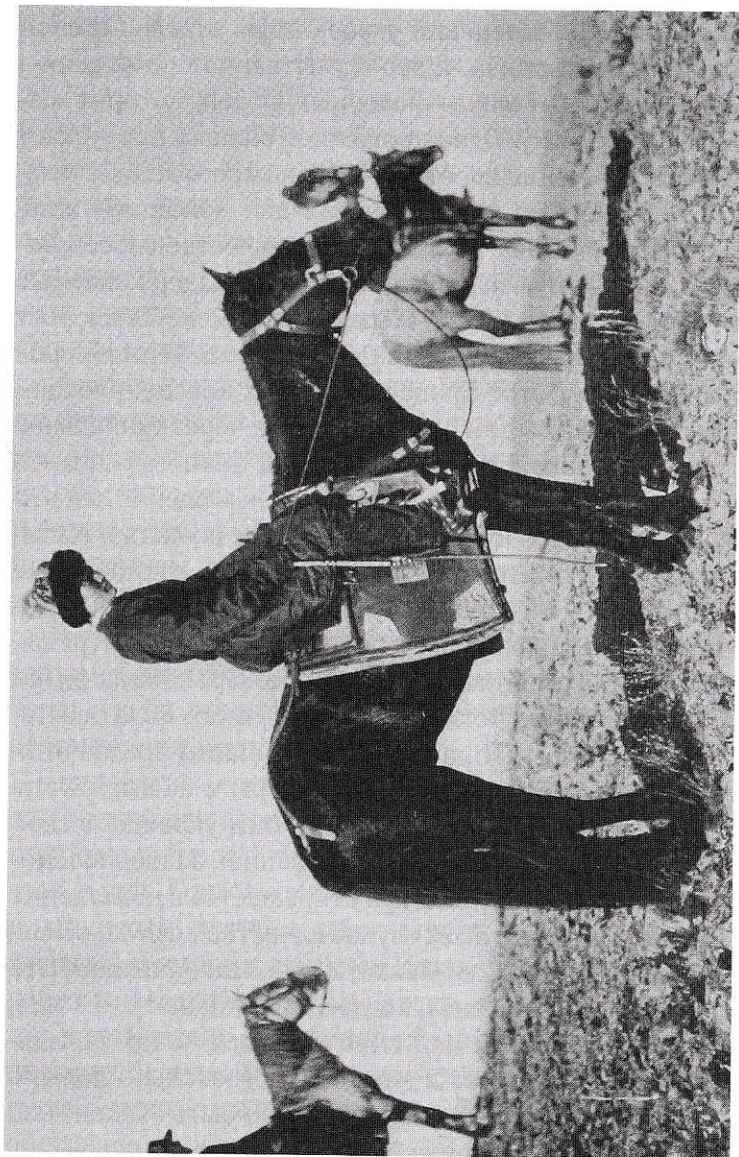
До того, как русские поглотили их страну, казахи обычно проводили зиму и лето в своих юртах. Однако, испытав на русском примере теплоту стен и крыши, они постепенно переняли эти удобства для собственного использования в зимнее время. Поскольку они не обладают врожденным стремлением к ремесленничеству, их попытки следовать русскому стилю оказались неудачными. Их консерватизм служит ярким доказательством их несклонности к переменам. С невозмутимым выражением лица они встречают свою судьбу, принимают жизнь такой, какая она есть, и не стремятся ни ускорить, ни замедлить наступление смерти. Независимо от социального статуса, каждый человек абсолютно доволен своей участью. Из их страстного обожания природы вытекает дух, который поддерживает их в единстве с ней. Они учатся жить и умирать, подражая цветам и животным, которых видят вокруг себя. Все беспокойные желания и эмоции, которые Запад считает неотъемлемыми чертами человечества, им чужды.

Относительно их домашней архитектуры не возникает никаких беспокойных желаний или эмоций. Форма зимовки всегда остается неизменной. Обычно ее возводят там, где обеспечен хороший водоотвод. В земле выкапывается яма нужного размера, глубина составляет около четырех футов, а площадь этой ямы – приблизительно пятьдесят или шесть-

десять квадратных футов. Стены поднимаются из высушенного на солнце кирпича от пола ямы до высоты около четырех футов над землей. Маленький уголок норы отделен стеной из глинобитного кирпича, и это единственное помещение, предназначенное для многочисленных людей, которые могут занять его на зиму. Одно крошечное окошко пропускает бледный свет в течение коротких часов зимнего дня. Остальная часть помещения предназначена для домашней живности, с которой семья неотделима. В качестве своеобразной крыши используются плоские жерди, поддерживаемые вильчатыми опорами. На эти жерди раскидывается хворост карагана, а сверху укладывается сено. В положенный срок природа завершает этот процесс, укрывая все под плотной мантией снега. Вход в дом осуществляется через туннельное отверстие, сделанное из жердей и хвороста, чтобы защитить главную дверь от снега. Эта дверь ведет в помещение для животных, через которое нужно пройти, чтобы попасть в гостиную. Внутри отсутствует какая-либо отделка: глинобитные стены голые, пол – естественная земля.

Единственные предметы мебели – железная кастрюля, в которой иногда кипятят одежду, и самовар. Иногда виден дымоход, а иногда его нет. На части земляного пола расстелены своего рода покрытия, но зимой женщины предпочитают использовать свои старые грубые ковры и не выставлять напоказ красивые изделия, которыми они украшают свои летние юрты. Здесь отсутствует вентиляция, за исключением редких моментов, когда дверь открывается в помещение для животных, и даже в этом случае качество воздуха оставляет желать лучшего. С момента, когда они занимают это место 1 октября, до момента, когда они покидают его 1 мая, никаких попыток уборки или вывоза мусора не предпринимается. Все, что попадает в зимовку, обязательно должно либо самостоятельно выйти наружу, либо быть съеденным, либо оставаться там до прихода следующей весны.

Когда наступает весна, зимовка напоминает своим обитателям о себе с помощью таяния снега и дождя, капающих

ТАУК

Выглядит очень мило в своей меховой шапке

сквозь соломенную крышу. Невозможно представить себе дискомфорта хуже, чем дискомфорт, который творится в зимовке в это время. Ее жители окончательно перебираются в свои юрты, животные съедают запасы сена с крыши, караган используется в качестве топлива, а столбы и окно снимаются и хранятся до следующего года в укромном месте. Таким образом, дом остается открытым для небес и четырех ветров, а вороны и глухари вступают во владение им и производят единственную уборку, которой эта зимовка когда-либо будет удостоена.

В таких условиях сохраняется семья и патриархальный быт. Здесь мужчины и женщины проводят семь двенадцатых своей жизни. Дети рождаются, старики умирают. В этих простых стенах лелеются нежные, добрые мысли, зародившиеся в душе ребенка и вдохнувшие жизнь во многие великие идеи, которые потрясли мир. Однако, несмотря на все изменения, важно помнить, что эти идеи первоначально возникли в юртах под звездами, а не в удушливых стенах зимовки. Остается только гадать, как долго народ сможет сохранить свой характер в этих переменчивых условиях.

Когда мы выехали из деревни, день обещал быть холодным и серым. Зябкий ветер гнал по замерзшей степи первые летящие снежинки, кружа их по желтым травинкам и голым веточкам кустов карагана. Горы Кызыл-Тау высоки, скалисты и бесплодны, а копыта наших лошадей резко цокали, когда мы карабкались по труднопроходимым камням. Зимовка Адамбая еще не успела надеть свою зимнюю шубу и выделялась уродливой наготой. На крыше из сена, которое быстро развевал ветер, были сложены все ненужные зимой вещи семьи: старая повозка, упряжь, несколько палаток и прочие мелочи. Мы провели лошадей по туннелю в первое помещение для скота, а затем, на ощупь, добрались до гостины и вошли внутрь.

Внутри находилось около дюжины людей. Сам старый Адамбай, несколько молодых парней и девушек и властная

жена, которая занимала хоть и почетное, но все равно грязное место. Маленькая керосиновая лампа (Адамбай был богатым человеком) давала больше дыма, чем света, и мы немного выручили ситуацию, зажегши две свечи, которые принесли с собой. Не самый горячий поклонник казахов может сказать, что они приспособлены к жизни в четырех стенах; их натуры и манеры увядают под ограничениями, которые для них неестественны. Они хандрят и тоскуют, пока весна не откроет их клетку, и только тогда они вылетают на солнечный свет и снова становятся самими собой.

В углу комнаты светились глаза двух орлов, сидевших на жердочках.

Когда наступало время сна, мужчины расстилались в одном конце комнаты, а женщины – в другом, между ними задергивался занавес.

Каждые несколько часов в течение долгой ночи Адамбай поднимался на колени и громким голосом пел длинные молитвы, склоняя лоб к земле при каждом упоминании единого Бога. Через определенные промежутки времени некоторые из молодых людей выходили на улицу, надев сапоги и тяжелую одежду. Другие, покрытые снегом и льдом, возвращались. Это были пастухи, сменяющие друг друга на дежурстве. Их обязанностью было защищать овец от волков, а в бурные ночи держать скот в укрытии. Это была нелегкая задача, и чем сильнее буря, тем тщательнее нужно было следить за отарами. Лошади могли позаботиться о себе, но овцы – беспомощные животные, и их нужно было тщательно охранять.

Мы проснулись, когда первые тусклые лучи света проникли в одинокое окно, и увидели Адамбая, сидящего на куче подушек и пристально глядящего сквозь дым хвороста на свою бесценную птицу. Она сидела на своей жерди в углу, взъерошенная и свирепая, неподвижная, но настороженная, ее черные глаза внимательно следили за каждым движением казахов, входивших и выходивших из помещения. В теплую погоду ее кровь текла вяло, но теперь, почувство-

ГОРЫ КЫЗЫЛ-ТАУ

вав первое прикосновение холода, она издала беспокойный крик, на который следовало бы обратить внимание всем живым существам в степи, от пушистой совы до резвого барана. Старик пристально смотрел на свою любимую птицу, и его лицо было интересно изучать.

Из такого исследования было бы легко сделать фантастические выводы. Однако единственный вывод, который я когда-либо делал, изучая казахское сознание с уверенностью в его правильности, заключался в том, что ни наши формулы, ни наши классификации, ни наш язык не могли быть применены к нему сколько-нибудь разумным образом. Невозможно, чтобы мы, вынужденные отчаянно бороться за жизненные потребности, но совершенно не ценящие их, если они не сопровождаются чрезвычайно длинным списком излишеств, могли иметь какое-либо представление о душах людей, приобретающих самое необходимое без труда и которые, приобретя это, больше ни о чем не просят. Состояние покоя, которое естественно следует за таким пониманием жизни, нам совершенно непонятно. Таким образом, вероятно, я был совершенно неправ, считая лицо Адамбая интересным исследованием, поскольку вполне возможно, что тогда он вообще ни о чем не думал.

Тут распахивается дверь. «Лиса! Лиса!» – кричит пастух, вбегая в комнату, запыхавшись, с кнутом в руках, карие глаза горят под меховой каймой малахая. Сонные домочадцы мгновенно просыпаются. Сначала надевают сапоги, затем слой за слоем натягивается ватная одежда. Меховые малахайи крепко завязываются вокруг жаждущих, улыбающихся лиц, и, наконец, каждая бесформенная фигура перепоясывается кожаным ремнем, с которого свисают охотничьи ножи, сумки и рожки для пороха и дроби – вся атрибутика первобытной погони. Все спешат вниз по склону, но достигают орла слишком поздно, чтобы спасти из его лап огромного пушистого филина. Незадачливая ночная птица лежит на спине в траве, беспомощно огрызаясь на своего врага.

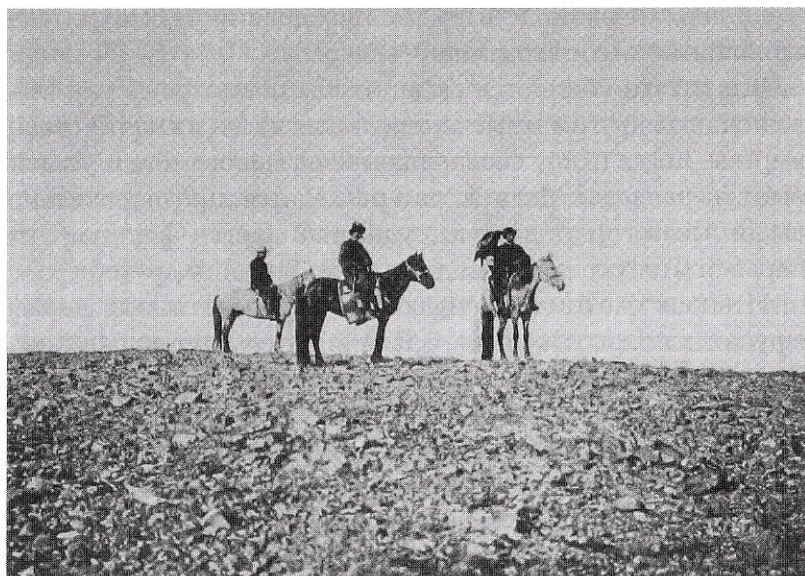
Орел держит свою добычу и с негодованием смотрит на приближающегося хозяина.

Все казахи сбегаются сюда, чтобы посмотреть, как Малик один за другим извлекает орлиные когти из плоти своей жертвы. Когда птицу снова накрывают капюшоном и усаживают на запястье Малика, они расходятся, предварительно выщипывая горсть-другую пушистых перьев филина. Эти перья станут украшением для шапок Таук и ее друзей.

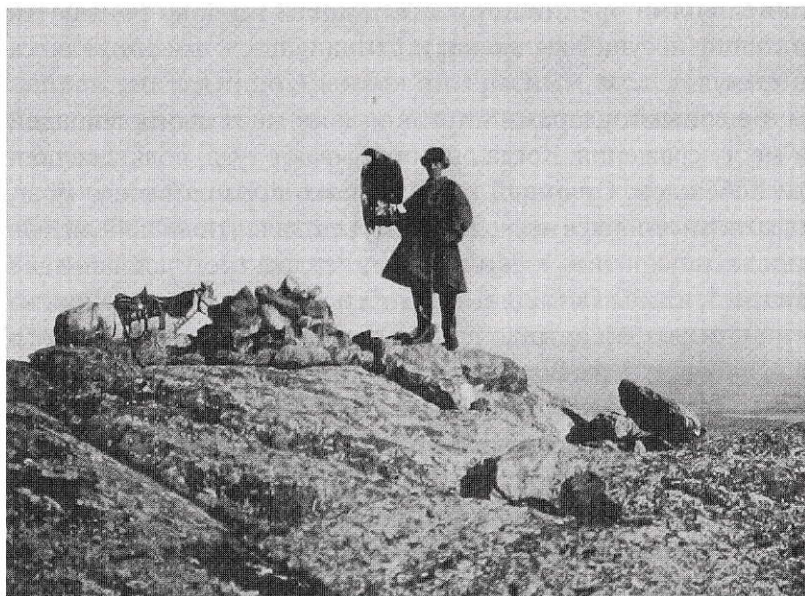
И вновь охотники ожидают на вершине холма, держа в руках непокрытых орлов, а загонщики рыщут по равнине. И вот! Движущееся пятно среди карагана! На этот раз очередь старого орла, который увидел его первым. Он уже покинул свой насест и находится высоко в небе, зависнув над своей добычей. Что бы это ни было, оно притаилось среди кустов, пока последний взмах смертоносного крыла над головой не заставил его броситься в атаку. Казах выражает свое беспокойство тревожным криком: добыча – волк, опасный враг даже для старого и опытного орла. В двух верстах от вершины холма орел пикирует. Его когти глубоко вонзаются в голову несущегося волка, и птица и зверь вместе валятся в траву.

Бешеными ударами кнутов казахи мчат своих лошадей к месту сражения. Когда они прибывают туда, волк уже почти побежден. Орлиный клюв глубоко вонзился в его мозг, и, хотя он лишился нескольких перьев, галантный победитель так же неукротим, как и прежде. Усилий трех человек едва хватает, чтобы вытащить его когти, настолько безжалостно они впились в жертву.

Проходит час. Всадники сошли с коней и устроили небольшой отдых. Одни коротают время, сидя на корточках среди камней и рассказывая длинные истории об отважных подвигах, другие с упоением сдирают с волка его драгоценную шкуру. Орлы, вздремнув на своих насестах, равнодушно наблюдают за происходящим. Солнце выглядывает, начинает таять снег, и кровь орлов снова начинает медленно закипать.

ТАУК И ЕЕ БРАТ

ЮНЫЙ МАЛИК СО СВОИМ ОРЛОМ

– Сейчас слишком жарко для охоты, – замечает Адамбай. – Если Аллах пожелает, завтра мы поймем эту лису, а сейчас – ауылға барамын*.

Всадники с радостью направляются в сторону зимовки. Орлы погрузились в состояние дремоты, но их хозяева весело болтают, спеша домой, предвкушая кумыс и вареную баранину, которые, как они знают, ждут их по возвращении.

ПЕСНЯ ОРЛА

Проснувшись в холодном полумраке юрты на свежем воздухе осенней ночью, я расправляю крылья. Сердце сильно стучит. Я напеваю про себя эту охотничью песню:

Ой-бой!
Белые зайцы бегут. Высоко в небе
Я вишу.
Дуй, дуй, свирепый ветер!
Я еще сильнее:
Сияй, сияй, яркое солнце!
В моем ярком глазу.

Я вижу свою добычу:
Я поворачиваюсь! Я останавливаюсь!
Я выпрямляюсь! Я падаю! Берегись, серый волк!
Хе! Хе!

В то время как дети располагаются на голой земле у костра, а мужчины сидят вокруг, настороженные и угрюмые, я мерцаю в дымном свете, в смрадном воздухе. Я прикован к своей жердочке, в моей душе звучит дикая охотничья песня великого свободного царя.

* Возвращаюсь в аул.

Взлетай высоко! Пари высоко! Лисы бегут!
В ярком небе я вишу.
Свистни мне,
Ветер равнины!
Свободен! Я свободен!
Снова охочусь!

Я вижу свою добычу,
Я взлетаю! Я падаю!
О! Когда я останавливаюсь,
Смелый баран с большими рогами! Берегись!
Хе! Хе!

ОБ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

В 2016 году мы выпустили первую книгу – «Күміс кітап» Бахытжана Бухарбая. За короткое время ей удалось стать бестселлером, завоевать признание читателей. Тогда стало ясно, что читательская аудитория Казахстана нуждается в актуальной современной литературе отечественных авторов с изложением местных кейсов и опыта. Мы решили не останавливаться на этом и продолжить взятый нами курс к поставленной цели.

Мы отличаемся от других издательств. Мы издаем книги, которые ждет читатель, но которых нет на рынке.

Мы верим, что привносим новшества в издательское дело Казахстана. Мы стараемся издавать каждую книгу с большой любовью и особым подходом. Для нас даже обложка – не просто лицо книги, но и произведение искусства. Наша цель – сделать жизнь каждого человека лучше, помочь ему в развитии с помощью книги. Если меняется человек, меняется общество.

Мы считаем, что сильная нация – это нация, которая выпускает свою интеллектуальную продукцию. Мы достойны быть такой нацией.

Выход есть!

Если вы нашли ошибку в книге или у вас есть замечания и предложения по ее содержанию, редакции и корректуре, просим написать на teriskakpai@gmail.com.

Вместе мы сделаем книгу лучше!

В 1905 году, когда Российская империя терпела поражение в Русско-японской войне, оказавшись на пороге революции, британский горный инженер Нельсон Фелл выкупает месторождения меди в казахской степи и становится управляющим акционерного общества «Спасские медные руды». Его воспоминания о Степном крае с первых слов подкупают читателя простотой изложения и замечательной искренностью.

Особый характер и традиции степняков, живущих в гармонии с природой, бескорыстное отношение к людям особенно привлекательны для представителя западной цивилизации и лежат в основе его интересных рассказов. Изложенные автором события по достоинству можно оценить как ценные этнографические заметки, ярко описывающие жизнь кочевников того времени.

Издано при поддержке

ASSYLTAS

ISBN 978-601-81060-5-7

9 786018 106057

AmalBooks
by BAQYTZAN BUDARBAI

По вопросам сотрудничества
и заказа книг +7 777 233 20 20

#042